

Схр(05)
518

80633H

САЙКАЛ

1967

Г. Москалев. «Расставание» (линогравюра).

БАЙКАЛ

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Орган Союза писателей Бурятской АССР

Выходит один раз в 2 месяца

Год издания тринадцатый

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Стр.

- Ш. НИМБУЕВ. Октябрь! Я пою и славлю... 3
В. ПЕТОНОВ. Слово партии. Ц. ГАЛСАНОВ. Капли в море. Весна в Саянах. Ильинские родинки. Глаза человека. Предчувствие. П. ХУЗАНГАЙ. Мне вспоминается Разлив. Е. ЛЕВКОЕ. Самое родное. 7
Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВ. Чувство семьи одной. 10
ОКТАБРЬ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ 10
Ю. БЫКОВ. Полет в четвертое столетие. 30
С. СОКОЛОВСКАЯ. Побег. 31
Ч. ЖИГАЛИН. Я видел Лазо. 37
Г. ДАМБАЕВ. Наш Барагхан. 40
Ф. ПОХОСОЕВ. За высокую идейность. 49
К. БАЛДАНЖАВОН. Последняя табиса. Повесть. Окончание. 59
Ю. ОРЕШНИКОВ. Мои товарищи. 111

НОВЫЕ ИМЕНА

- В. ЛОРГОКТОЕВ. По твоим заветам, Лечин! На оленеферме. В лесу. 118
Ю. БЫКОВ. Жё ву зем. 121
К. ГАРНАЕВ. Наша жизнь. 127

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

- Н. КАЛАШНИКОВ. Земля отцов. 128
А. БАЛЪБУРОВ. Путешествие в страну чинги. 135
В. БАРАЕВ. Тайга моих тревог. 144

В МИРЕ ИНТЕРЕСНОГО

- Н. ЗАПЦЕВ. Боги приходят из космоса. Продолжение. 151
Содержание журнала «Байкал» за 1967 г. 158
Маршруты пешеходных, лыжных и водных путешествий по Прибайкалью и Забайкалью. 160

БУРЯТСКОЕ ГАЗЕТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

1967

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В № 1, 2 журнала «Байкал» нового 1968 года вы прочтете повесть Михаила Мельчакова «Расколдованное место» и фантастическую повесть братьев Стругацких «Улитка на склоне».

Под рубрикой «В мире интересного» публикуется статья И. Бестужева-Лада и А. Горбовского «Человечество в 2000 году».

К 50-летию Советской Армии публикуются воспоминания боевых соратников Героя Советского Союза Борсоева, отрывок «Из фронтового дневника» Ж. Тумунова.

В новом отделе «Авиация и Космос — век XX» вы прочтете статьи писателя Бориса Ляпунова «Фантасты о космосе» и заслуженного летчика-испытателя СССР, Героя Советского Союза Юрия Гарнаева «Над крышами Европы».

Под рубрикой «Критика и библиография» публикуется статья известного советского литературоведа Аркадия Белинского «Поэт и толстяк».

Публицистика представлена статьями Дамбы Жалсараева «В стране гор и солища», Нелли Закусиной «Здравствуй, Байкал».

Главный редактор А. А. Бальбуров.

Редколлегия: В. В. Бараев (заместитель главного редактора), Г. Р. Граубин, В. Р. Каржаубаева (ответственный секретарь), И. К. Калашников, Б. М. Мунгонов (зав. отделом прозы), В. К. Петин (зав. отделом поэзии), К. Ф. Седых, М. Н. Степанов, А. И. Уланов, Г. Г. Чимитов (ответственный секретарь).

Техн. редактор И. Нечаев.

Корректор З. Александрова.

Формат бумаги 70×108, п. л. 10 (13,7). Н-00048. Подписано к печати 20/XII-67 г. Тираж 11.381 экз. Заказ 1842.

Адрес редакции: Улан-Удэ, ул. Коммунистическая, 20, Тел. 28-82, 26-91. 23-36.

Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР

Шираб НИМБУЕВ

ОКТЯБРЬ! Я ПОЮ И СЛАВЛЮ...

Октябрь! Я пою и славлю величие твое,
за то, что сделал бессмертным ты наше бытие!

Что мы видели? Утро сменялось закатом
И тошали стада — достоянье бурята;
Мы не знали, куда путь-дорога ведет,
кто и как за ближайшей горою живет.
Растлевали наши души ламы и шаманы.
Суеверных страшили ветра и бураны.
Нас душил производ, обездоливал гнет,
гнули спины свои каждый день, круглый год.
Мы не видели счастья — душила забота,
умывались мы в горе слезами и потом.
Так во власти насилья, под гнетом невзгод
обречен был на гибель бурятский народ.

Октябрь! Только ты, как солнце, нашу жизнь озарил,
вдохнул в наше сердце свежесть новых сил.
Ты пришел, лучезарный, — и пало насилье
и расправили люди орлиные крылья.
Как весеннее утро, горда и светла,
пышным цветом Отчизна моя расцвела.

И вдохнув полной грудью всю сладость свободы,
все — и радость, и счастье — познали народы, —
и раздвинулись дали, открылись пути,
чтобы каждый свободно мог к счастью идти.

Хлебороб в институте доклады читает,
и простая доярка страной управляет.
Для себя каждый дело по сердцу найдет,
а кто трудится — слава тому и почет.
Ты могуча, о Родина, силой народной,
ты грозна для врагов, — океан многоводный.
Ленин светлюю правдой тебя озарил,
на подвиг великий тебя вдохновил.
Как тебя не любить, как тобой не гордиться!
Как же мне пред тобой в этот день не склониться!
Я даю тебе клятву, о Родина-мать,
за тебя свои силы и сердце отдать!

Перевод с бурятского С. Дунаева

СЛОВО ПАРТИИ

«Надо—сделаю. Я в ответе!»—
наша партия твердо знает.
Не бросает слова на ветер—
в дело слово она воплощает.

Затрубит ли гудок завода,
зазвонят ли мосты струной—
слово партии, воля народа,
снова слышится над страной.

За Байкалом, в степях Казахстана
золотою песней хлеб
подтверждается неустанно
правота этих мудрых слов.

Слово это — взяуждает реку,
сдвинет скалы, растопит лед.

Верно служит оно человеку—
все на пользу ему обернет
Поднимает в зенит ракету,
лешет звездную целину.
И настраивает планету
на высокую нашу волну.

Верят слову партии люди,
верит партии каждый из нас
Скажет партия — значит будет.
скажет — крылья любому даст.

Нет у слова партийного ближе
коммунизма заря впереди.
Так вели, это слово, вели же
нас по ленинскому пути!

Перевод Н. Бялосинской.

Цэдэн ГАЛСАНОВ

КАПЛЯ В МОРЕ

Капля в море! А вы ее взвесили.
Положили ее на весы?
Умерла, онемела б поэзия
Без светящейся капли росы...

Капли рушат гранитные камни.
Пробивают ущелья меж скал,

Без одной, без живой капли
Не вздохнул никогда бы Байкал

Так, пуская скалистые волны,
Поднимает, кружит баргузин.
Как хотел бы я каплей пополнить
Океан под названием—жизнь!

ВЕСНА НА САЯНАХ

На склонах колышутся алые маки.
Огнем озаряя луга.
Их свет высоко поднимается жаркий
И плавит на скалах снега.

Окинский чабан вдруг задумчивым станет
И, пряча улыбку в усы.

Подолгу глядит с пониманьем на проталины
Целебной саянской весны.

Вот-вот алый свег всю долину наполнит
Прольется за горный хребет.
И что-то хорошее снова напомним
Знаменный, неистовый свет.

Перевод Л. Кривошеина

ИЛЬКИНСКИЕ РОДНИКИ

Зовем мы зеркалами родники,
Но зеркала мутнеют от дыхания..
Илькинские прозрачны родники.
Как трепетной ночной звезды сиянье.

Они бегут из глубины земли,
Из уголков неведомых, безвестные.
Когда б все люди, как они, могли

Быть сильными,
быть чистыми,
быть честными.
Мне трудно вас покинуть, родники!
И все ж, себя ругая за несмелость
Иду я к людям прочитать стихи
Чтоб люди полюбили родники,
Не в зеркала, а в родники смотреть!

Перевод В. Сафинина

ГЛАЗА ЧЕЛОВЕКА

Вокруг меня струятся реки глаз.
Дрожит над сквером проливная осень
И выхожу из дома ровно в восемь
И, как приток, впадаю в реки глаз.
На всех глазах, как в хрупких зеркалах,
Летучих листьев желтое скольжение.
Оно покрыло дымкой отраженья
То главное, что прячется в зрачках.
Иду. Спускаюсь в глубину зрачков.
Стучусь в глаза, как в закрытые окна...
Нет человек. Он у подъезда мокнет.
И лучики летят из-под очков.
Нет чей-то взгляд. Он строгий, как приказ,

Наверно, не улыбочив от рожденья,
Несет высокомерье серость глаз,
Как оправданье серости суждений.
Стучусь в глаза...
Накрапывает дождь.
На всех ресницах капельки повисли...
Шагает некто, ласковый, как ложь,
И под улыбкой тщетно прячет мысли
Глаза не лгут. Они, как голоса,
Наружу прорываются сквозь веки.
Ты хочешь правду знать о человеке?
Не слушай слов —
Читай его глаза!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Туман плывет над спящей Селенгою,
баюкая утихшую волну.
Рассвет неслышно подойдет к окну,
не нарушая светлого покоя.
А мир живет предчувствием войны,
отодвигая гибельную дату
туда, где грозный звук ее набата
не слышен за кордоном тишины.
И кажется: спокойно в мире, но...
Проходят дни в тревоге и заботе.
И каждый день, как светлая суббота
перед Отечественной войной.

Перевод Ю. Б. Личенко

Назар ХУЗАНГАЙ,
судный поэт Чувашии

МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ РАЗЛИВ

По мягкому ковру ступая,
вошел к нему я в кабинет.
Он встал. Улыбка, хоть скупая,
нашлась в ответ на мой привет.
Потом он быстро извинился:
«Горячка, брат!.. Такой момент!»
Нажал на кнопку — появился
в дверях очкастый референт.

Хозяин сделал шаг навстречу,
овал лица чуть просиял:
«Я нынче выступаю с речью,
вы подготовьте материал».

Кивнув, тот удалился молча.
Ему известно, что к чему:
напишет до последней точки
он речь патрону своему.

А я, тревожась за кого-то,
припомнил: в шалаше ночлег...
Пень — стулом был... И он работал,
и как работал человек!

И кто ему тогда в Разливе
мог подготовить матерьял?
Жар мысли, спор, гнев справедливый
и откровенья миг счастливый
он никому не доверял.

Перевод с чувашского автора.

Евгений ЛЕБКОВ

САМОЕ РОДНОЕ

И сколько б я ни жил,
Что б ни стряслось со мною,
Со мною,
Со страною,
Со Вселенною,—
Лихой зимой
И ласковой весною,
Всегда
Со всем
Я обращаюсь к Ленину.
Все преходяще:
Слава и забвенье,
Тускнеют письма,на,
Мушкетеры выцветают,
Но ленинским глубинным
Откровениям
Во всех краях,
Во всех веках
И жить, и жить
И вширь, и ввысь в растая.
И никогда не превратится в бога
Он — человек, рожденный русской матерью.
Он — вечная борьба, он — вешняя эпоха,
Он — жизнь сама,
Что так сложна и так блистательна.

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Могучее, вечнозеленое древо нашей советской литературы выросло и растет на плодородной почве. Глубоко вспахана эта почва классиками нашей многонациональной литературы.

Великий русский художник И. Е. Репин в одной из своих картин запечатлел Льва Толстого, идущего за плугом. Это в самом высоком смысле слова символично. И, пожалуй, не многие еще знают, что Толстой свои яснополянские поля засеивал сам. Великий художник и мыслитель, он, естественно, был и сеятелем зерна просвещения, и он всю свою жизнь свято и мужественно выполнял заветы своего предшественника, революционного демократа и гиганта русской мысли и поэзии Н. А. Некрасова:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечно
русский народ...

Оба они, и Некрасов, и Толстой, верные и великие сыновья своего времени и своего народа, знали, что они многое делают для будущих поколений.

Лев Толстой умер в 1910 году. Всего два десятилетия спустя, в начале тридцатых годов появляются два тома «Тихого Дона» М. Шолохова, силой и новизною радуя и удивляя миллионы читателей не только нашей страны, но и за рубежом.

Появление этих, я не побоюсь сказать, великих книг обогатили не только русскую и советскую литературу.

Классику советской литературы Мих. Шолохову «поднимать» свою литературную «целину» помогал другой великий пахарь русской культуры Лев Толстой. Не зря наши «докучливые» литературоведы продолжают сопоставлять два романа-эпопеи — «Тихий Дон» и «Войну и мир», находя в них все новые и новые созвучия, все новые и новые доказательства о преемственности литературной традиции.

Мужественные и талантливые люди разными путями приходят к молодой советскую литературу.

В двадцатых годах на Дальнем Востоке с интервентами воюет молодой, энергичный светловолосый партизан под именем Булыга. И этот самый Булыга затем стал всемирно известным писателем Александром Фадеевым, который долгое время умно и проникновенно направлял творческую энергию многочисленных советских писателей и стал пламенным трибуном и великим борцом за мир.

Умный и проницательный Вячеслав Шишков исследует сибирские реки, живет среди простолюдинов, изучает жизнь золотоискателей, чтобы затем в русскую советскую литературу принести свои «самородки».

Очевидец гибели эскадры русского царизма Новиков-Прибой пишет пламенную «Цусиму». Морскую эстафету советской литературы принимает молодой моряк Леонид Соболев и создает свою замечательную книгу «Капитальный ремонт».

«Оптимистическая трагедия» Вишневского!

Среди уральских каменных дел мастеров — Павел Бажов, одаривший наших читателей изумительным «содержимым» «Малахитовой шкатулки».

Молодой шахтер Борис Горбатов занимается научными изысканиями, участвуя в северных экспедициях, чтобы затем необыкновенную Арктику превратить в «Обыкновенную Арктику».

Жестоким недугом прикованный к постели, Николай Островский диктует свои бессмертные «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Да, советский писатель всегда жил одной жизнью со своим народом.

Недруги нашего народа и советской литературы за границей кричат и до сих пор не перестают кричать, что советскую литературу пишут коммунисты или она создается под диктовку коммунистов.

Любопытно знать, где и когда, какой коммунист приказывал Алексею Толстому, русскому писателю, графу, написать исторический роман «Петр Первый»?!

Александр Блок до конца своей жизни носил обидный ярлык «камерного лирика», его считали поэтом избранного круга и «чистой поэзии». А время и совесть диктовали ему написать свою звонкую и железную «Двенадцать», поэму, без которой советская поэзия была бы далеко неполной!

Молодой тридцатичетырехлетний писатель Валентин Катаев в романе «Время, вперед!» описал лишь один трудовой день тогдашней великой стройки социализма — Магнитки. Он присутствовал на закладке первого камня и был своим человеком на стройке, жил одной жизнью с рабочими, ударниками, питался с ними в одной столовке. И все творческие искания молодого Валентина Катаева в начале тридцатого года были подготовкой для описания одного трудового дня большого рабочего коллектива строителей.

Да, катаевский инженер Маргулис опережал время. Иначе было нельзя.

Мы, ученики Кижингинской неполной средней школы, в довоенном тридцать седьмом слышали пламенную речь Николая Островского, обращенную к молодежи. В то время в Европе бесчинствовали фашистские громилы, в эфире звучали сумасбродные бредни изглаварей. Николай Островский знал, что будущему поколению предстоит смертельные бои с фашизмом. Он вооружил не одно поколение советских людей идеологическим оружием — своей книгой. И как она всем нам пригодилась! «Как закалялась сталь» и сегодня на вооружении патриотов Вьетнама, воспитывает любовь к родине, и тут же разит новоявленных врагов человечества — американских агрессоров.

В годы Великой Отечественной войны все советские писатели свято выполняли свой патриотический долг перед Родиной.

В годы войны мы слышали гневные голоса Алексея Толстого, Ильи Эренбурга. Недаром бесноватый Гитлер, как гула нашего нового оружия, боялся честного слова советской литературы. В окопах зачитывали до дыр «Непокоренные» Бориса Горбатова, «Дни и ночи» Константина Симонова, «Радугу» Ванды Василевской. Сатирическими снарядами напал на врагов Демьян Бедный. Самуил Маршак. Наполеон Семен Дунаев также внес вклад в дело разгрома фашизма.

«Ленинградцы, дети мои!» — обращается к блокадному Ленинграду

ду казахский акын Джамбул Джабаев. Провожая своих земляков на фронт, бурятский поэт Хоца Намсараев напутствовал их традиционным благопожеланием — бурятским юролом.

Я хотел в своей статье написать о традициях бурятской литературы. Но не по моей воле в ней я рассказал о традициях всей советской литературы. Удивительно ли это, что бурятская литература, как младшая сестра, живет и расцветает по традициям всей нашей многонациональной литературы?

Да, высокий долг, великую честь сама жизнь положила на плечи писателей. Рукою писателя водит само время, ему диктует сама совесть и долг быть сыном своего времени и народа.

Великое это счастье — быть советским писателем, выразителем народных дум и чаяний.

Извилисты и трудны, славны и светлы пути-дороги, через которые пришла к нам человеческая мысль.

Лучшие сыновья и дочери всех народов, великих и малых, на разных языках издавна стали сеять среди своего народа «разумное, доброе, вечное». Все они внесли неоценимую долю в общий фонд сегодняшней нашей культуры, литературы и поэзии.

В разных жанрах, на разных языках создает свои произведения более чем шеститысячная армия советских писателей. И не бывало в стране не только дня, но и часа, чтобы какое-нибудь издательство на каком-нибудь языке не выпускало бы новый роман, новую поэму, новую пьесу или новый сборник рассказов.

И читатель в каждой странице книг, в каждой строке статей и очерков находит правду, только лишь правду о нашей ежедневной жизни.

Советские писатели, вся советская литература за полвека своей работы создали художественную историю своей великой эпохи.

Наша родная Коммунистическая партия, наш Великий народ, все наши добрые и честные друзья за рубежом наказывают нам: «Пишите, товарищи писатели, правду!»

И пишут писатели Правду. И пишем все мы по зову и по велению общественного сердца только лишь правду.

Чингис ЦЫДЕНДАМБАЕВ,
писатель.

В Бурятии полвека назад жизнь народа была «подобна весне без цветов, дню без солнца, реке без воды». В недрах земли скрывались драгоценные металлы, а человек поднимал степные залежи деревянной сохой, привольные берега озер и рек переполнялись живительной водой горных источников, а человек умирал от жажды. Нужны были месяцы, чтобы проехать этот край из конца в конец. Человек рождался, жил, умирал, так и не узнав о большой жизни мира. Кочевой быт, феодальная эксплуатация, нищета, бесправие, неграмотность были уделом тысяч бурят.

Но пришел 1917 год. Он озарил этот некогда темный край, край каторги и ссылки, и преобразил его. Большой и славный путь пройден нашим народом за 50 лет. Каждый его шаг запечатлен в конкретных делах и свершениях. Какую бы область мы ни взяли, везде поражают нас гигантские перемены, происшедшие за годы Советской власти.

Перед нами как бы проходят героические страницы истории. С этих страниц на нас веет порохом октябрьского загла «Авроры». С этих страниц смотрит на нас Ленин, гениальный кормчий революции. Мы снова переживаем суровые годы гражданской войны, строим Днепрострел и Комсомольск-на-Амуре, ведем борьбу за социалистическое переустройство деревни... Мы снова слышим заповедные слова навсегда молодых революционных лесен, видим над рейхстагом Знамя Победы...

И, чтобы рассказать об этой, обновленной Октябрем, земле, мы взяли интервью у людей разных возрастов и профессий. Мы встретились с ветераном гражданской войны и Героем Социалистического Труда, чабаном и государственным деятелем, художником и рабочим, ученым и дояркой. Сквозь призму их судеб мы расскажем о великих преобразованиях в нашей республике.

Жамсо ВАНКЕЕВ,

председатель колхоза имени Карла Маркса, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР

Огни в долине

Из окна моей комнаты видна раскинувшаяся по долине россыпь огней. Время уже позднее, но люди не спят: кто сидит за газетой или книгой, кто слушает концерт из Москвы, кто «добывает» десятую партию в шахматы или шашки — буряты нестари уважают эти игры. А кое-где, конечно, и стаканы позванивают: родственник издадека приехал, сын из армии вернулся, а то, может, свадьбу играют — осенью на селе и в любовных делах итоги добивают. Что ж, это и неплохо, если позванивают стаканы да звучит раздольная степная песня — славно поработали нынче люди, есть что колхозу положить в закрома, отчего бы и не повеселиться! Наискось через дорогу я вижу на окон-

ных занавесках три тени. Две, помню, очень подвижны, они то и дело наклоняются к столу, а та, что побольше, ногу не шевелит. Лица мне не видно, и так знаю, чем заняты сейчас в этом мике. Младший, Сережа, высунув усердия язык, старательно выводит с первого в своей жизни сочинения, как провели ребятишки лето. Сестра, наверно, зачиталась сказкой — охотница до занятых выдумок. А Болот Дайа Цыдылов сложил на столе свои тяжёлые натруженные руки и смотрит на них только, пожалуй, и не видит их — задался... Мне не раз приходилось забегать сюда «на огонек», толковать со старшей чашкой крепкого зеленого чая, и я

и в среднем он за свою долгую трудную жизнь, что может ему вспомниться. Болот Дабаевич в прошлом веке — в 1903 году. Он не по рассказам да по картинкам знает, как жили раньше буряты — он сам жил так... Темная дымная печь с затхлым воздухом, вокруг очага — круглые ребятишки, они смотрят, как мать мелет на ручной мельнице зерно — и будет хлеб, вкусный, сытный хлеб. Не каждый день можно было наестся вволю, и о куске сахара, о конфетке — о них не знали, как о празднике. Чуть подросток — идет чабанить к соседу-жулаку.

Все было у этих кровососов — Лумбуева, Гармажала Сагадаева, Балчинзеева и других, будь они прокляты! — и пашни, пастбища, и покосы, и пашня. А и скота... У селенгинского тайши Ваманова с братом было десять тысяч голов скота! Слышал я тогда старика Цыдыпова, и рассказывали мне цифры, очень выразительные цифры. Нойоны, тайши и кулаки — и было в Бурятии один на двадцать человек — держали в два с половиной раза больше скота, чем все бедняцкие хозяйства. В жадных руках царской казны и ламов, лам и попов было две трети всех земель — и каких земель! Что же оставалось тому, кто сам шел за сохой? Царь и купился на подачки полам и ламам, и такая была для них «разнарядка»: полам получал пятнадцать десятин, банда — тридцать, лама — шестьдесят, ширетуй — двести и хамбо-лама — пятьсот десятин. И ведь в одном нашем даiane было больше двухсот лам! Могли разве эти бедняги, жившие жиром от праздности да отборных яств, сами обрабатывать землю? Они и гнули на них спины вечные батраки — такие, как Болот Дабаевич.

Мне повезло, — усмехнулся как-то в шутку со мною старик. — Я-то живу, а сколько моих сверстников ушло туда, где и есть, ни пить не надо!

А, именно в эти годы, годы детства Болота, бурятское население — оно вымирало — за шестнадцать лет после революции вымерла почти пятая часть!

И матерью, а злой мачехой обозначившая родная земля для тех, кто делал из нее се.

Но об этом ли вспоминает сейчас Болот Дабаевич? Не о том ли думает старик, когда на склонившихся над столом внуках что было бы с ними, если б не революция?

А, что было бы с нами, бурятами, если бы не революция? Исчезли бы, наверно, с лица земли, стинули бесследно, как стинали многие и многие народы.

Цыдыпова — как диаграмма нашей жизни. Сам Болот Дабаевич так и остался неграмотным. Сын его — уже человек с образованием и специальными знаниями, он тракторист. А внуки еще не родились, пойдут, кто скажет сейчас, кем они будут: учеными, артистами, космонавтами? Любая дорога перед ними открыта, любая путь не заказан!

Когда соберутся, бывало, вместе наши заслуженные старики — тот же Болот Дабаевич, Цыретор Доржиев, Дымбрыл Намсарав и другие их погодки да пустятся в воспоминания, только и слышно: колхоз да колхоз. Потому что рождение колхозного строя — это было продолжение революции, это была вторая революция. Октябрь дал нам свободу, сделал нас хозяевами своей судьбы, а колхоз избавил крестьянина от вечной думы о черном дне, расковал его богатырские силы.

Пройдите по нашему Таширу да спросите любого: кем он был и кем стал? Это была бы очень красноречивая анкета. На сцене появились десятки совсем неизвестных раньше профессий: механик, тракторист, комбайнер... Мы можем уже сегодня сказать: крестьянин-интеллигент. Ибо все эти новые профессии требуют не только умелых рук, но и светлых голов. Ибо эти люди — люди с образованием, повседневно общаются с книгами, думают об общем деле. И почти каждый из них — общественный и государственный деятель (люди нашего далекого Ташира избирались депутатами не только сомонного и аймачного Советов, но и высших органов власти республики и страны).

Да, можно, с полным правом можно сказать: даже векам не сравняться по свершениям с годами, прожитыми нами в колхозной семье!

Когда я иду по отливающему золотыми волнами безбрежному океану колхозных людей, я думаю о людях, сотворивших это чудо — чудо превращения земли-мачехи в мать-кормилицу. Каюсь: я и сам бы не поверил, если б тридцать лет назад мне сказали: вот каким будет твой улус!

Не будем сравнивать колхоз сегодня с тем, что было в начале его пути — слишком уж несравнимые это вещи. Возьмем две даты — прошлый год и 1950, когда колхоз уже оправился после военных лет. Посевная площадь за это время утроилась, а урожайность увеличилась более чем в пять раз — с 2,9 центнера до 15,2! Еще разительнее показатели денежных доходов — они выросли почти в четырнадцать раз! Уже многие годы хозяйство ведется рентабельно, только в прошлом году мы получили свыше четырехсот тысяч прибыли. Сравнить заработки колхозников трудно — раньше был трудодень, возьму два последних года: 3 рубля 12 копеек в день в 1955 году — 3 рубля 78 копеек в 1956. Только на покупку машин мы тратим ежегодно свыше ста тысяч рублей — больше миллиона старыми! Сейчас у нас 34 автомашины, 51 трактор, 35 комбайнов (это на 369 семей, а в 1922 году один плуг приходился на двести крестьянских хозяйств бурятского населения, саялка — на пятьсот!). Ручной труд на полях полностью заменен машинным. И еще две цифры: крупного рогатого скота у нас 3400 голов, овец — 47 тысяч. Последнюю цифру я привожу не без задних, как говорится, мысли — есть еще кое-где люди, верящие в «золотой пек», когда степи были прямо-таки

усеяны отарами; к сведению этих легковеров: за годы Советской власти овец в Бурятии стало вшестеро больше. Да и овца-то раньше была — с нее брали каких-нибудь семссот граммов грубой шерсти, а сейчас мы берем по три с половиной килограмма тонкой и полутонкой шерсти.

Вот так мы и живем, дорогие друзья, неплохо живем. А если не война!

...И опять мне хочется вспомнить прошлое. Лев Толстой издал однажды книжку Тимофея Бондарева, крестьянина, сосланного в Сибирь. И есть там, в этой книжке, такие горькие слова: «Было ли от начала века, чтобы за хлебное трудолюбие и искусство получал кто награду? Не было! А если и получали, так только те, которые по тысяче десятин засеивали чужим трудом, а сами одним перстом не прикасались к этим трудам...» Еще на заре колхозного движения наша доярка Долгоржап Эрдынеева была удостоена высшей в советской стране награды — ордена Ленина, а чабанка Эрдэни Дыдыкпылова — ордена Трудового Красного Знамени. У доярки Шылжит Жалсановой — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда. Только в одном прошлом году девять колхозников награждено орденами.

...Тридцать лет назад побывал в наших краях Генри Уинстон. Что было тогда у нас? Только горячее, страстное желание переделать жизнь. Уинстон понял и оценил это. «Спасибо всем вам, советские люди, — написал он, — за то, что вы

делаете для тружеников всей земли...» Если бы он увидел, куда шагнули мы за эти годы! Мы провели бы дорогого гостя по своим необъятным полям, показали бы бесчисленные стада и отары. А главное — мы показали бы, как живут теперь бывшие батраки, как живет теперь Болот Дабасвич Цыдыпов. Мы показали бы наш Ташир (а выроз он на месте старого улуса) с прекрасным Дворцом культуры на триста пятьдесят мест, библиотеку — в ней более десяти тысяч книг, три киноустановки (одна — широкоэкранная), школьный городок. И многое-многое другое.

Теперь у нас нередко бывают иностранные гости. Побывал и земляк Уинстона — Карл Уинтер. «Дворец культуры посреди фермы — это весьма необычное зрелище в США. Но это нечто такое, что стало обычным в вашей стране», — записал он в книге почетных посетителей.

Да, мы делаем свою страну обильной и могучей, мы превращаем свою землю в цветущий сад, мы строим коммунизм — не только для себя и своих потомков, но и для всех тружеников Земли.

Вот почему говорим нам спасибо американский коммунист Генри Уинстон, вот почему благодарны нам все честные люди, где бы они ни жили — в Европе или Америке, Африке или Азии.

Полвека шли мы непротеренной дорогой, спотыкались иногда — было и такое! — но поднимались и снова шли. Далеко шагнули мы за полвека, добрый след оставили на земле.

Доржи БАТУЕВ,

тракторист-машинист I-го класса колхоза «Красный Оронгой» Улан-Удэнского сельского аймака, депутат Оронгойского сомонного Совета.

Зажиточная жизнь пришла в Оронгой

Щелра земля оронгойская — хлебная, урожайная. Испокои веков мои земляки выращивали неплохие урожаи. Недалеко ходить за примерами. Достаточно заглянуть всего лишь на двадцать лет назад. В 1947 году работники тракторно-полеводческих бригад нашего колхоза получили самый высокий урожай хлебов за все предыдущие и последующие годы. Тогда многие наши механизаторы были удостоены высоких правительственных наград. Бригадир тракторной бригады Дымбылов стал Героем Социалистического Труда, его жена — трактористка — получила орден Трудового Красного Знамени, помощник бригадира Цырендаши был награжден орденом Ленина, многие механизаторы получили серебряные медали. Отрадно было видеть своих земляков с орденами и медалями на груди. Вот тогда я впервые увидел,

как высоко ценится в нашей советской стране свободный, самоотверженный труд простого человека. Это великий Октябрь поднял простого труженика-хлебороба на такую высоту, сделал его почетным и уважаемым человеком своей страны.

В том знаменательном году весной я демобилизовался из Советской Армии и снова сел за руль стального коня. С тех пор вот уже двадцать лет работаю трактористом в родном колхозе. Но впервые мне довелось вступить в большую семью механизаторов еще в тридцать девятом году, года два работал прицепщиком на «СХТЗ», в сорок первом — штурвальным на комбайне. Потом прошел кратковременные курсы трактористов и весной сорок второго уже полноправным трактористом пахал, боронил и сеял, закладывал основу будущего урожая. Участвовать в уборке этого

урожая мне уже не довелось: в августе того же года отправился служить в армию. Служил на востоке, участвовал в освобождении Китая от японских захватчиков, прошел через Маньчжурские степи, перевалил Большой Хинган. Видел много пролитой крови советских воинов, которые перед тем сокрушили гитлеровскую Германию. Много братьев погинуло, наших солдат остались на китайской земле, многим обязана перед нашими людьми Китайская Народная Республика. И вот как больно сейчас слышать о том, что творится там, в Китае, о разгуле маоцзедуновской группировки, о злобной и бессовестной кампании против нашей страны.

Вкратце расскажу о своей работе. У нас в колхозе каждому трактористу дают план 500—700 гектаров мягкой пахоты в год. Мне удается ежегодно перевыполнить план — вырабатываю до 1500 гектаров мягкой пахоты. Сюда входят все виды тракторной работы: пахота, боронование, дискование, культивация, сев, осенью — буксировка прицепных комбайнов, вспашка зяби, зимой — подвозка кормов к животноводческим точкам. И так круглый год. При такой интенсивной работе заработок у наших механизаторов довольно сносный, можно сказать, весьма хороший. К примеру, если взять меня, за выработанные трудовые ежегодно получаю не менее тридцати центнеров хлеба. За прошлый год, например, получил 60 центнеров хлеба. Плюс к этому деньгами получаю по 100—150 рублей в месяц. Кроме того за сверхплановый урожай полагаются дополнительные оплаты зерном в размере 15-ти процентов от заработанного. За стаж работы и за классность еще 20 процентов. Таким образом в общей сложности, включая сюда и заработок жены, получаем немного-немало около ста центнеров хлеба.

А классность имею первую, то есть в кармане у меня удостоверение: «Тракторист-машинист первого класса». В ноябре 1964 года партком и правление колхоза присвои-

ли мне звание «Ударник коммунистического труда», а в прошлом году я был занесен в Книгу почета Улан-Удэнского сельского аймака, в Книгу трудовой доблести и славы Бурятской АССР, награжден значком «Отличник социалистического соревнования сельского хозяйства РСФСР» и орденом Трудового Красного Знамени.

Отец мой работал на животноводстве со дня организации колхоза, а жена моя — Радна Будажаповна Тулбуреева, так же как и я, с малых лет работает в родном колхозе. Сейчас она телятница на племенной молочнотоварной ферме. Отец жены — 73-летний дедушка Будажап является участником первой Декады бурятского искусства и литературы в Москве. Был он тогда непревзойденным мастером чеканки по золоту и серебру. Родной дядя жены — известный бурятский писатель, ныне покойный Бабасан Абидуев, изредка посещая наш родной очаг, всегда говорил, что труд создал человека и трудом своим будет славиться человек в нашей свободной, советской социалистической стране. Свято помня его наказы, мы с женой все силы отдаем на благо и процветание родного колхоза, стараемся не отставать от передовых тружеников колхозных полей Оронгойской долины. Семья наша растет, имеем четырех детей. Старшая учится уже в восьмом классе. Можно с уверенностью сказать, что счастье и достаток давно уже стали желанными и постоянными гостями в нашем доме.

Хорошо, зажиточно и культурно живут мои одноулусники на Оронгойской земле. Все это пришло благодаря Советской власти, которая в этом году отмечает свое славное пятидесятилетие, это пришло благодаря освобождению народа от ига помещиков и капиталистов, кулаков, лам и нойонов, благодаря новому отношению к труду и новой прекрасной жизни, имя которой светлое будущее человечества — коммунизм.

Анисим ОШИРОВ,
Герой Социалистического Труда

Счастье в труде

Всем известно, что Великий Октябрь открыл новую эру человечества — эру крушения капитализма. Эта мысль давно стала формулой, и я не могу не повторять ее еще раз.

Пусть некоторые не морщатся, когда мы частенько употребляем эти, всем известные, выражения. Я за то, чтобы мы, советские люди, не уставали от таких «громких» выскочкарных слов, как «коммунизм», «Советская власть» и другие. Собственно, потому мы должны стесняться в обиходной речи этих светлых, мужественных и по-настоящему красивых слов.

Великая Октябрьская социалистическая революция дала бурятскому народу неизмеримо большое счастье, счастье создавать, творить, работать и свободно жить. На самом деле, что было бы, если б не революция? Я — молодой рабочий, конечно, не могу сказать, что было раньше, до революции. Но могу сопоставить свою жизнь и жизнь своих сверстников, родившихся при Советской власти, с жизнью наших отцов и матерей. Мой отец — бедный крестьянин, всю свою жизнь мыкал горе, хотя он работал много, может, больше, чем я. Я же в свои тридцать с небольшим лет был удостоен

высокого звания Героя Социалистического Труда. А труд моего бедного отца? Он всю жизнь работал не покладая рук, на богатей и нойонов. А что платили ему? Гроши, которых едва хватало на то, чтобы прокормить семью...

А что я имею теперь? Не посчитайте за похвалбу: на заводе меня уважают, имею благоустроенную квартиру, современную мебель. Сын мой учится, младший ходит в детский сад. Жена Галина работает технологом на авиационном заводе.

Я закончил вечерний железнодорожный техникум. Сейчас поочию могу убедиться в преимуществе социализма хотя бы в том маленьком факте, как распределение путевок в дома отдыха и санатории. Скажите, где и в какой капиталистической стране сами рабочие распределяют путевки?

В данное время работаю в завкоме и знаю, что это такое. Рабочие нашего завода свой отпуск проводят в домах отды-

ха, санаториях, курортах, ездят по туристическим путевкам за границу.

Я лично много ездил по родной стране. Как турист, посетил Народную Венгрию, Монгольскую Народную Республику.

Очень люблю ездить по железной дороге. Мне как-то близки стальные кони. Может быть, это от того, что я ремонтировал и строил их? Когда я работал бригадином бригады слесарей-электриков вагонноборочного цеха ЛВРЗ, я очень любил «покопаться» в их железном организме.

И мне сейчас невольно вспомнились стихи, посвященные работе нашей бригады:

...Исцеляет любой недуг
мастерство твоих крепких рук,
очень нежных и осторожных!
Ты как будто лечишь детей,
сталь гудящую исцеляя
и вагоны вновь наделяя
счастьем яростных скоростей...

Дулма БУДАЕВА,

доярка молочнотоварной фермы № 1
совхоза «Бичурский» Бичурского аймака.

Хорошеее далекая окраина

Верно говорят люди, что за всю свою жизнь всего испытает человек. Да, это верно. Но верно и то, что человек своим сильным характером и упорством преодолевает все трудности на своем жизненном пути, выходит победителем из всех бед, кроме своего последнего испытания. В этом его упорстве нашего советского человека поддерживает его родная народная власть, выступавшая великим Октябрем, и, ведя его за руки, доводит его ноги до волшебного стремени скакуна-хулэга. Лети, шаездник-джигит, к вершинам своего счастья, радостной жизни и трудовой славы!

Сейчас я хорошо помню начало своей трудовой жизни. Еще молоденькой девушкой была, когда руководители нашего колхоза «КИМ» дали мне отару овец в семьсот голов и сказали: «Работай, Дулма, корми и пой их, вырашивай ягнят, умножай богатство родной артели». Ну, что ж, умножать так умножать, раз нужно, надо делать. Ох и трудно же было одной управлять с такой большой отарой. Овцы ведь животные такие: с одной стороны кое-как завернешь в нужную сторону, с другой—они уже успели повернуть совсем в ненужную сторону. С ног собьешься, пока бежишь стадо и догонишь своесольных беглецов. А когда подходит период приема приплода? Не знаю, как я управлялась с такой работой одна. Правда, мать помогала мне по возможности. Вот, например, приходит пора настрига шерсти. Опять я одна с матерью. В те времена стригальных машинок еще не было, приходилось орудовать простыми ножницами до мозолей в ладонях. Удава-

лось стричь до тридцати с лишним овец в день. И мы вдвоем с матерью за несколько дней обстригали семьсот голов овец.

Вскоре подошли тяжелые годы войны. Работа впроголодь, можно сказать, до упаду, до изнеможения ради победы над проклятым врагом — германским фашизмом. Ничего не скажешь, было трудно в те суровые, мрачные годы. Случилось так, что в те лихие годы я потеряла трех своих детей. Но горе не согнуло меня в три погибели. Стиснув крепко зубы, я старалась забыть свое горе в самоизбавном труде. В тяжкую для меня минуту мои земляки, наша артель, родная власть поддерживали меня, не дали опустить руки и слаться.

Так и работала. Потом я переменила свою профессию. Вот уже более десяти лет работаю дояркой на молочнотоварной ферме № 1, в местности Мухор-Шябирь. Не лишним будет сказать, что план по надою молока и приему приплода ежедневно успешно выполняю. Возьму последние данные, то есть данные текущего года. От своих двадцати коров местной и улучшенной породы я должна была надоить в этом году по 2350 килограммов молока. Это плановое задание. За восемь месяцев в среднем от фуражной коровы надоила 2070 килограммов молока. В честь 50-летия Великого Октября рабочие нашей фермы взяли повышенные обязательства, в том числе я решила надойти от фуражной коровы в среднем по 2500 килограммов молока и выполнила это свое обязательство к 7-му ноября.

Коровы наши пасутся на хорошем пастбище, на живые, подкармливаются зерновым концентратом, доятся три раза в день там же, где пасутся. И условия труда у нас неплохие. Дояркам время от времени дают спецодежду: халаты, комбинезоны, теплые брюки, сапоги, носынки, шапки и пр. На поле, к местам дойки, нас вместе с нашими бидонами доставляют на тракторной телеге, буксируемой трактором «Беларусь». Заработок у нас тоже хороший. В зимнее время я зарабатываю по 180—200 рублей, летом по 100—150 рублей в месяц. Кроме того, за перевыполнение квартального плана по наряду молока получаем премиальные. Иногда даже до 60 рублей.

Теперь несколько слов о хороших, настоящих людях нашей фермы. Вот, например, пастух группы молодняка Пурбожоров. За ним закреплено 137 голов молодняка. Благодаря своей старательности и умелой пастьбе он получает большой привес молодняка, который в июле, например, составлял 1233, в августе — 1160 граммов в среднем на одну голову. Неплохо работает наш молодой, шестнадцатилетний дояр Мунко Цыбиков. В честь предстоящего юбилея он тоже намерен исполнить годовой план по наряду молока срочно. А наш заведующий фермой Жакан Цыбикович Цыбиков? Вот поистине старательный, добросовестный человек, хороший руководитель. Знаете, как он работает? Если не хватает пастуха на день — на два, он не будет клянчить, ходить до начальства, а сам потихоньку, без лишнего разговора одождает коня и вылетит пастись. Если что нужно налаживать, отремонтировать на базе, то опять же не будет он искать плотников, потому что между делом

сам все сделает: или наладит ворота, или поставит городьбу, или отремонтирует окна и так далее. Смотри на него, я всегда думаю: «Эх, побольше бы таких работников на наши фермы!»

Видимо, мои показатели оказались неплохими, потому что в 1964 году мне присвоили звание «Лучшая доярка управления», а по результатам работы за прошлый год я была занесена на аймачную Доску почета с присвоением мне звания «Чемпион аймака». За первое полугодие 1967 года мне дали от совхоза Почетную грамоту, в День животновода — Красный вымпел. Конечно, я не намерена останавливаться на достигнутом, вместе со всеми рабочими нашего совхоза буду работать еще лучше, буду добиваться еще больших показателей, чтобы внести свой посильный вклад в дело развития и процветания родного совхоза, родной хилокской земли.

Земляки мои, жители привольной хилокской долины, в материальном отношении жиаут теперь крепко, зажиточно и культурно. В дома моих однолусннков навсегда вошла светлая, хорошая жизнь. С каждым днем хорошеет наша далекая окраина, ее теперь и далекой окраинкой не назовешь. Потому что, например, в нашем совхозе построили многоквартирные двухэтажные дома городского типа с паровым отоплением и водопроводом, построили школу. Дом культуры и гараж так же с паровым отоплением.

Большое спасибо за все это нашей Коммунистической партии, родной Советской власти, которые проявляют повседневную заботу о подъеме жизненного уровня, благосостояния и культуры простых людей дальних окраин нашей необъятной многонациональной советской земли — земли большого, прекрасного будущего.

Наум КУЗНЕЦКИЙ,
персональный пенсионер.

Страницка из прошлого

На окраине Баргузина стоит осевший от времени дом с обновленной крышей. В этом доме когда-то жила большая семья Виляк. С нею связаны воспоминания одного из членов семьи Виляк — Лидии Моисеевны.

Лидия Моисеевна Виляк (по мужу Прохорова) проживает в настоящее время в Новосибирске, ей 82 года. В ее памяти хорошо сохранились подробности революционных событий, участницей которых она была.

В дореволюционные годы дом Виляк был центром, где часто собирались политические ссыльные. Молодые члены семьи Виляк оказывали политическим ссыльным помощь: доставляли паспорта, содействовали организации побегов, хранили нелегальную литературу.

Частые посещения квартиры Виляк политическими ссыльными не вызвали особых подозрений власть имущих, по-видимому, потому, что одна из младших сестер Виляк была замужем за политическим, отбывавшим ссылку в г. Баргузине.

В 1905 году 20-летняя баргузинская девушка Лида Виляк уехала в Томск учиться в фельдшерскую школу и вскоре вступила в нелегальный марксистский кружок, которым руководил томский студент Леонид Красин.

«В кружках, — вспоминает Лидия Моисеевна, — были организованы читки марксистской литературы. В обязанности молодых, еще неопытных кружковцев, к которым в то время относилась и я, входило распространение прокламаций, связь с политическими заключенными в тюрьме. К

этому времени относится моя работа с Сергеем Мироновичем Кировым (Сереем Костриковым), о чем я узнала позже. А пока что, не зная друг друга, мы поздно вечером встречались в условленном месте, ходили по улицам и расклеивали листовки, напечатанные в нелегальной типографии». Л. М. Виляк и две ее подруги на нелегальной работе жили на частной квартире, которая стала явкой для подпольщиков.

В 1906 году Л. М. Виляк, будучи студенткой 2-го курса, ушла из фельдшерской школы и стала работать в нелегальной типографии, организованной в Томске С. М. Кировым. Сам Сергей Миронович в июле 1906 года был в третий раз арестован, и после отбытия тюремного заключения переехал в Иркутск.

В апреле 1907 года нелегальная типография была выдана провокатором, но, предупрежденные друзьями, работники типографии сумели сделать так, что полиция не удалось обнаружить следов типографской работы. Тем не менее, Л. М. Виляк была арестована и осуждена не за работу в типографии (прямых улик не было), а за хранение типографского станка, 2-х ящиков шрифта и другого типографского оборудования. Заключение отбывала в томской тюрьме.

После освобождения из тюрьмы Лидия Моисеевна приехала в Баргузин к родителям, но вскоре была вновь арестована и этапом выслана в г. Уржум Вятской губернии. По истечении срока ссылки в начале 1910 года Л. М. Виляк уехала в Красноярск, где после 4-летнего перерыва вновь поступила на 2-й курс фельдшерской школы.

В 1911 году Лидия Моисеевна стала работать в подпольной типографии, которую организовал бежавший из Баргузина политкаторжанин Ханн Пестун. «Вплоть до революции 1917 года,— вспоминает Лидия Моисеевна,— я выполняла работу, связанную с оказанием помощи сыльным заключенным и распространением нелегальной литературы».

Победа Великого Октября осуществляла мечты Л. М. Виляк о лучшей жизни, во имя которых она, простая женщина из Баргузина, встала на путь революционной борьбы.

Ее дети, свободные граждане СССР получили образование и находятся в одном ряду с многомиллионной армией строителей коммунизма. Сын Вадим—военврач, дочь Ригнетта—инженер, в годы Великой Отечественной войны была участницей обороны Ленинграда.

Советская власть прочь смела законы, унижающие женщину, открыла возможности для блестящего развития талантов и способностей.

Всю свою жизнь Лидия Моисеевна проработала акушеркой. Казалось бы скромная специальность, но как она важна. В нашей стране созданы все условия для того, чтобы каждая женщина могла выполнить святой долг материнства. Лучшей награды для Лидии Моисеевны не нужно было, как видеть сияющие счастьем глаза матерей.

Кем они будут — эти новые граждане — дети родины Октября?

Рабочими — решающей силой общества, педагогами, врачами, геологами, историками, композиторами, артистами, партийными и государственными деятелями учеными? Вполне возможно, но Лидия Моисеевна знает, что это будут патриоты социалистической родины, защитники завоеваний Великого Октября, строители нового общества, продолжатели революционных традиций старшего поколения борцов, девизом которых было сделать счастливыми всех людей, создающих материальные и духовные богатства общества.

Накануне 50-летия Великого Октября Лидия Моисеевна приятно сознавать, что она, бывшая подпольщица, внесла свой вклад в революционную борьбу трудящихся за лучшую жизнь, а после победы революции—свою лепту в дело строительства социализма в нашей стране.

Давид СЕЛЬВЕРОВ,
скасарь

Круг почета

Сельверовых знают в Улаи-Удэ многие. В судьбе этого большого дружного семейства, как в капле, отразилась судьба всего бурятского народа. О каждом из Сельверовых можно написать отдельный очерк. У каждого из них в жизни такие события, которые так и просятся на бумагу. Самым памятным в жизни Бадмы Будеевича, ныне персонального пенсионера, был 1932 год. Тогда он учился в Московском технологическом институте легкой промышленности, был активным общественником и

его избрали внештатным инструктором объединенного бюро жалоб Наркомата РКИ СССР, которым заведовала Мария Ильинична Ульянова. Бадма Будеевич не раз присутствовал на заседаниях бюро, встречался с ней по работе, и навсегда запомнил, как сестра великого вождя требовала от всех оперативной действенной помощи, ленинского чуткого отношения к жалобам трудящихся.

Можно было бы рассказать не только о нем, но и о его супруге—Сирене Бадма-

ские, о их детях и племянниках—Арнольде, Нелю, Викторе, Геннадии, которые работают в научно-исследовательских институтах Арзамаса, Москвы, Севастополя, Свердловска. Но мы решили предоставить слово рабочему представителю этой бурятской «династии»—Давиду Будеевичу Сельверову.

* *

*

Когда мне сказали, что я буду представлять коллектив завода на торжествах в честь 300-летия Улан-Удэ, я не особенно обрадовался и даже не удивился этому. За тринадцать лет работы на «Электромашине» у меня и моих друзей бывало всякое—премии, грамоты, значки, медали, вознаграждения за рационализаторство. Бригаде, которой я руководил в моторном цехе, было присвоено коммунистическое звание. Ученые-социологи упоминали о нас в своих научных трудах. Фотокорреспонденты, радиорепортеры подходили к нам, а потом в газете появлялись наши фотографии, по радио назывались наши имена. «Ну что особенного,—думал я,—работая, как все, и ребят вокруг полно хороших, а вот прилипнут к одному и пошло, и пошло...»

Поэтому к просьбе явиться на стадион, где будут проходить торжества, я отнесся без особенного энтузиазма.

Пасмурным, сырым было начало июля в Улан-Удэ. С гор дули прохладные резкие ветры. Но десятого июля—в день юбилейных торжеств—природа вдруг расшевелась. Ослепительное солнце и ветры развевали тучи, принесли радостное праздничное настроение. Город, которому исполнилось ровно триста лет, вдруг оказался таким молодым, юным. Умытый дождями, овеянный таежными ветрами, он сверкал на солнце обновленной краской многоэтажных белокаменных громадин, шелестел нежной листвой тополей и акаций. Над шверами и парками, над площадями и улицами, над полноводной Селенгой, над холмами Шишкови и Аршана неслись праздничные мелодии, реяли полотнища знамен, транспарантов.

И тут-то вдруг меня охватило волнение. Подумать только, в такой торжественный, удивительный день, который действительно, случается раз в триста лет, простому слесарю оказана высокая честь представлять в числе немногих не только свой завод «Электромашина», но и как бы весь рабочий класс столицы Бурятии.

Стадион переполнен до отказа. А на подступах к нему—еще тысячи и тысячи людей. Артисты, спортсмены, участники парада, зрители... Никогда не собиралось здесь столько народу, даже в самые лучшие матчи «Селенги».

Одна за другой подъезжают автомашины с огромными эмблемами заводов—ЛВРЗ, мясокомбинат, стекольный, авиационный. И вот мы, четверо полпредов «Электромашин», взбираемся в открытый кузов автомобиля. Первым стоял ветеран

завода Федул Гребенщиков. За ним—комсомолка Светлана Москалева, изолировщица электроцеха. Рядом с ней я, за мной—Миша Голубенко.

Стою я и думаю:

«А все-таки почему именно мне доверено стоять здесь на одной из машин, которые совершат сейчас круг почета?» И я невольно вспомнил всю свою жизнь, всех своих родичей.

...Жил-был когда-то старик по имени Сельвер. Странно звучало в бурятском улусе Аляты это имя. Не только в улусе, но во всем Голуметском районе, во всей Иркутской области, пожалуй, не было такого имени. Может, это производное от искаженного Сильвестр, кто знает? У Сельвера был сын с еще более непонятным именем Мормон, а у Мормона—сын Буда, мой отец. Долго жил он, но никакого добра, кроме множества детей, не нажил. Дело не в том, что несмышленым или ленивым был отец. Как раз ума-то и трудолюбия ему не занимать. Это в Алятах знали все. Просто время было такое—не столько по уму и труду богатство приваливало, сколько по наследству и изворотливости.

В год, когда произошла Октябрьская революция, его старшему сыну было лишь одиннадцать. Понял старый Буда, что только дети его смогут добиться того, чего никак не смогли бы добиться в старые времена.

Много сил он положил ради нас, но до того дня, когда его дети и внуки поднялись на ноги, не дожил...

Когда машина въехала на дорожку стадиона, Светлана Москалева толкает в плечо.

— Что с тобой, Давид? Нас уже видят с трибуны, не хмурься!

Да, в самом деле, я, наверное, был мрачен со стороны. Но на душе все было хорошо. Просто вдруг я пожалел о том, что не видит отец того, как прекрасен теперь город, где жил он, где живем мы, его дети. И вовсе неплохо было бы, если бы он увидел меня на этой вот машине. Дело вовсе не во мне, дело в том, что род Сельверовых был представлен на этих высоких торжествах.

Если бы меня тогда вдруг спросили, кого из рода Сельверовых я поставил бы вместо себя, я бы назвал и старших братьев—Бадму, Доржи, Андрея, и племянников—Арнольда, работающего в одном из институтов, Виктора, кандидата биологических наук, Геннадия, который после окончания Московского энергетического института работает на одном из предприятий, «обслуживающих» космос. Назвал бы и Нелю—аспирантку института эндокринологии в Москве. А ведь есть еще и танцовщица ансамбля «Байкал», и целая «куча» учителей, агрономов, врачей...

Как-то так получилось, что из всей семьи лишь один я пошел по рабочей линии. Семнадцатилетним парнем приехал после войны в Улан-Удэ. Время было трудное, не до учебы, слесарил в гараже, потом на ПВЗ освоил специальность газорезчика. Затем служба во флоте. Был мотористом,

командиром отделения береговой обороны близ озера Хасан на Дальнем Востоке. И вот с 1953 года по сегодняшний день работает на заводе «Электромашина».

...Встречный ветер ударил в лицо. Под звуки торжественного марша, под шелест шелковых знамен, под величавый голос Левитана, медленно едем по стадиону. Трибуны рукоплещут, кто-то машет флажками, кто-то бросает цветы...

Соном ДУГАРОВ,

министр просвещения Бурятской АССР.

Размах и величие свершений

Образование и просвещение народов — одно из величайших чудес, сотворенных человечеством на его долгом и трудном пути к свету и социальному прогрессу, к знаниям и цивилизации. До Великой Октябрьской революции этими благами духовной жизни людей пользовались только сильные мира сего, имущие классы. Вспоминается улигер «Ленан-багша» Аюолзона Тороска, бурятского Гомера XX века:

С тех пор, как пастух подневольный,
подобно коню верховому,
по тракту печальной жизни
нойона повез на себе,
с тех пор золотое солнце
степь столько раз обходило,
сколько в степи травинок,
сколько волос на коне.
И видело вечное солнце,
и слышали травы седые:
нойон оставался нойоном,
пастух — пастухом-бедняком.

Справедливо пел улигершин Тороев! Нойон оставался нойоном... Ему принадлежали лучшие земли, лучшие трасы. Бедняки ютились в продуяренных ливнями горя и бед юртах у каменных склонов гор, на бесплодных и высохших солончаках, окруженных не всегда приветливой для бедняка тайгой. Бесправие, нищета, невежество...

Так было, пока не грянул Великий Октябрь.

Когда говорят о переменах в жизни страны, республики или области за годы Советской власти, то прежде всего обращаются к показателям экономического и культурного подъема. Это убеждает лучше любых фраз. Особенно эффективна статистика сравнительная. Привыкнув к темпам прогресса, мы воспринимаем его порой буднично, по-деловому. Но вот берутся какие-то штрихи прошлого, и вступает в силу контрастное ощущение социальных явлений. Известные факты освещаются по-новому, волнуют, предстают не разрозненно, а связано, как детали одной великой исторической картины. Вот почему

Перед правительственной трибуной машины вплотную примкнули друг к другу и зрители увидели, что буквы, укрепленные на них, образовали огромный лозунг, еле вместившийся на стометровой дорожке:

ВПЕРЕД — К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!

Представители рабочей гвардии замерли, как воины под боевыми знаменами, словно произнося молчаливую клятву верности — Родине, народу, партии.

Важно оглянуться назад, на прошлое с тем, чтобы еще лучше увидеть наш сегодняшний день, чтобы настоящее предстало во всей своей значительности, во всем величии.

В условиях патриархально-феодалных отношений, беспроектной темноты и невежества неутомимыми спутниками бурятского народа были нищета и бесправие, бескультурье и повальные болезни, сплошная неграмотность и духовное прозябание.

По переписи 1897 года число грамотных мужчин среди забайкальских бурят едва составляло 8,1 процента. Это были в большинстве своем ламы, богачи, нойоны. Среди женщин-буряток грамотных не было вовсе.

Первыми школами считались приходские училища, называвшиеся «инородческими». — Балаганское, Оноинское, Тункинское, Селенгинское, Баргузинское (Уланское) и Кударинское. Условия их работы были чрезвычайно тяжелыми. Они почти не имели учебников, наглядных пособий, школьно-письменных принадлежностей и отвечающих элементарным требованиям помещений. Характер и направленность учебно-воспитательной работы в училищах определяли господствовавшие в них схоластика, зубрежка, палочная дисциплина. «Учительствовали» в них люди, далекие даже от педагогики того времени — сельские грамотен, думские писари, не имеющие какого-либо педагогического образования.

Государство и местная феодальная знать не заботились о развитии просвещения среди бурят. В Оноинском училище, например, обучалось всего 20 детей, а в Кударинском и того меньше — 14.

В России и на ее окраинах, в том числе и в Бурятии, по «особой воле» царского министерства народного просвещения открывались те редкие и убогие по учебно-воспитательной базе школы для инородцев с единственной целью еще большего закабаления местного населения. Эти школы готовили переводчиков, писарей, «верноподданных» для органов родового

управления бурят и других государственных учреждений.

Между тем необходимость овладения бурятами грамотой диктовалась самой жизнью. Интерес к школе, просвещению у бурятского народа пробудился и под влиянием новых идей того времени, идей декабристов, политических ссыльных. Открывались так называемые «вольные» (домашние) школы. Хотя они и не играли большой роли в развитии просвещения бурят, но в какой-то степени сеяли «разумное, доброе, вечное», несли в бурятский народ передовые идеи, будили в нем чувство классового и национального самосознания. Поэтому буряты с уважением относились к учителям этих школ.

Но ни приходские училища, ни «вольные» школы не смогли изменить положение народа, он по-прежнему был бесправен, нищ и неграмотен. Только Великий Октябрь положил конец страданиям и мукам народов, открыл им ясную дорогу к счастью и свободе, к образованию и науке.

Руководствуясь программой Коммунистической партии, разработанной В. И. Лениным и принятой на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года, партийная организация Бурятии с момента ее автономии осуществила ряд важных практических мероприятий в культурном строительстве. Важнейшее из них — ликвидация неграмотности и малограмотности, создание новой школы и введение всеобщего обязательного начального образования, создание сети дошкольных детских учреждений, сооружение школ, подготовка учителей и т. д. Народ, освобожденный от оков царского самодержавия, горячо взялся за дело. С каким упорством он приобщался к культуре и грамоте! С 1923 по 1928 год за парты села 35 тысяч, а в последующие два года — 58 тысяч человек. С каждым годом росло число обучающихся. И уже в 1933 году грамотность всего населения республики достигла 67 процентов. Повсюду открывались все новые и новые школы, курсы, ликбезы, рабфаки. В 1941 году грамотность населения республики достигла 92,2 процента.

Введение всеобщего начального образования, а позднее семилетнего и восьмилетнего обучения — это уже триумф идей Октября и социализма в области народного образования. С каждым годом увеличивается количество начальных школ и число детей, обучающихся в них. Если в 1923 — 24 учебном году, первом году автономной республики, число школ в Бурятии достигло 279, а в год десятилетия Октября — 357, то в 1929 — 30 учебном году их уже стало 557. Укрепившаяся за эти годы учебно-материальная база позволяла постепенно начать переход школ с семилетнего на восьмилетнее обучение. Накануне войны, в 1940-41 учебном году, в республике уже работало 84 семилетних и 49 средних школ, обучалось в них 100,1 тысячи учащихся. А уже с 1955 года начался переход ко всеобщему среднему образованию.

Приведу такое сравнение. В 1932-33 учебном году в Бурятии было 2 средних школы, а в 1967 году их стало 164. Число уча-

щихся во всех общеобразовательных школах возросло почти в 14 раз. Эти цифры сами по себе поражают воображение. А если к этому добавить открывшиеся впервые в Бурятии школы, в которых дети-буряты обучаются на своем родном языке, то это уже победа социалистического народного просвещения.

Выдающаяся роль в великих преобразованиях народного образования принадлежит учителю. Он был верным помощником партии в период становления Советской власти, индустриализации и коллективизации, в годы Отечественной войны и в послевоенном строительстве.

В республике трудится многотысячный отряд учителей. Многие из них были не только свидетелями становления Советской власти, но и активными участниками ее создания в Забайкалье и Прибайкалье. Это и В. М. Серов, и К. А. Масков, и И. А. Таубе, и А. П. Александрова, и Р. Т. Туйчинов и многие-многие другие. Назову и первого наркома просвещения Б. Б. Бардина, первого директора педагогического техникума А. И. Алексеева, первого директора педагогического института М. П. Лаазева. Их много — первых учителей, первых руководителей народного образования, ветеранов педагогического труда. Большинство из них и сейчас успешно трудится, передает свой опыт молодым.

Именно признанием великих заслуг просвещенцев продиктована повседневная забота о народном учителе со стороны партии и правительства. В своем ноябрьском постановлении о школе ЦК КПС и Совет Министров СССР, отмечая, что дело дальнейшей совершенствования народного образования зависит прежде всего от учителя, указывали на необходимость создания надлежащих условий для его успешной работы, систематического повышения его квалификации, безусловного выполнения законов об охране труда, льготах и привилегиях для работников народного просвещения.

Государство, народ доверяют учителю формирование молодого поколения, свои надежды и свое будущее. И это доверие окрыляет его, заставляет трудиться с еще большим упорством, успешно решать поставленные перед школой новые задачи. А задачи эти поистине грандиозны. И первая из них — осуществление всеобщего среднего образования. Это не просто благое пожелание. Это жизненная необходимость, обусловленная требованиями коммунистического строительства. И, чтобы справиться с этой задачей, наши учителя беспрерывно учатся сами, пополняя свой научный багаж, оттачивая свое педагогическое мастерство.

Великое это призвание — педагог. Им может быть лишь человек высокой культуры, кристальной чистоты и честности, обладающий умением проникать в души людей, делать их умнее и добрее. И радостно сознавать, что таких педагогов в республике становится все больше и больше. Вот имена только некоторых из них: С. А.

Григорьева, Е. С. Куриганова, В. В. Округина, Д. С. Манзарханов, Р. Ц. Найдаков, В. Д. Дамбинимаев, Н. Н. Намсараев, Н. И. Червинская, И. А. Скосырская, Н. М. Бурушкина и тысячи других. Труд лучших из них отмечен высокими правительственными наградами. В рядах просвещенцев более 90 учителей, носящих почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР и 454 — заслуженного учителя школы БурАССР, 1160 отличников народного образования. Это — достойные из достой-

ных. Их глубоко уважают, с них берут пример.

И сегодня, как пятьдесят лет назад, наши передовые учителя — проводники идей и планов ленинской партии, они в гуще начатой ею борьбы за коммунистическое воспитание людей, гармонически сочетающих в себе высокую идейность, трудолюбие и организованность, духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство.

Василий ФИЛИПPOB,
профессор, ректор БСХИ.

Наш вклад в науку

На огромной территории дореволюционной Сибири, простирающейся от Уральских гор до берегов Тихого океана, от просторных монгольских степей и Синьцзяна до берегов Северного Ледовитого океана, не было ни одного высшего сельскохозяйственного учебного заведения.

Впервые в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1932 году в составе Бурит-Монгольского агропединститута был открыт сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами.

Весть об открытии сельскохозяйственных факультетов быстро облетела города и села, улусы и стойбища, вызвала живейший интерес у молодежи. С берегов легендарного озера Байкал, с подножий седых вершин Мунко-Саридака, Приангарья и Даурии потянулись юноши и девушки в город Верхнеудинск. На собаках и оленях, на яках и волах, на лошадях и автомашинах, пароходах и поездах приезжали они поступать в институт. Многие прямо с дороги держали вступительные экзамены и зачислялись на первые курсы, а другие, не имеющие среднего образования, шли на подготовительные курсы.

В 1935 году агропединститут был реорганизован в два самостоятельных вуза: пединститут и зооветинститут (агрономический факультет был переведен в Иркутский сельскохозяйственный институт). Бурят-Монгольский зооветеринарный институт имел ветеринарный и зоотехнический факультеты и курсы по подготовке в вузы. Институт просуществовал до начала Великой Отечественной войны. С началом войны многие преподаватели и студенты ушли на фронт. Оставшийся небольшой контингент студентов был переведен в Омский ветеринарный институт, а отдельные преподаватели, не военнообязанные, перешли на работу в Бурятский сельскохозяйственный техникум (поселок Тамча).

Первый выпуск зооветфака состоялся в январе 1937 года. До войны наш институт дал Родине 157 зоотехников и 45 ветеринарных врачей.

В конце 1944 года по настоятельному

требованию Бурятского обкома КПСС и Совета Министров Бурятской АССР был вновь открыт наш институт. Спустя шесть лет в нем организуется агрономический факультет, и еще через три года технологический факультет с тремя отделениями: строительным, по подготовке инженеро-технологов по меху и коже, инженеро-технологов по мясу, молоку.

В 1962 году технологический факультет отделился от БСХИ и стал называться Восточно-Сибирским технологическим институтом. В нашем же институте открылись два новых факультета — механизации сельского хозяйства и экономический.

Сейчас сельскохозяйственный институт является самым крупным вузом в республике. Здесь обучается более 6 тысяч студентов на дневных и заочных факультетах и на факультете переподготовки, работают 266 преподавателей, из них 7 профессоров, докторов наук, 112 кандидатов наук и доцентов. Их имена известны далеко за пределами Бурятии. Профессорами и преподавателями проведены научно-исследовательские работы по созданию бурятских тонкорунных овец, породной группы сибирских симменталов крупного рогатого скота, по скрещиванию лошадей местной породы с русскими рысаками и русским тяжеловесом, по скрещиванию крупного рогатого скота с яками, по гибридизации местных коз с сибирским горным козлом (такэ — яман), по системе земледелия колхозов и совхозов Бурятии и по другим вопросам сельскохозяйственной науки. Например, доцент К. Е. Ильин занимается усовершенствованием продуктивных свойств симменталов бурятских помесей крупного рогатого скота. Если раньше коровы бурятской породы давали по 800 литров молока за 300 дней лактации, то теперь коровы симменталов бурятских помесей в учебном хозяйстве института дают 4500—5000 литров молока за этот же период. Доцент Р. П. Пилданов провел большую работу по созданию бурятской тонкорунной овцы. Если бурятская грубошерстная овца давала настриг шерсти по 800

900 граммов с головы, то со скрещенной бурятской тонкорунной мы стали получать 5—6 килограммов шерсти.

Работа доктора экономических наук, профессора П. И. Малахинова «О двух типах аграрной эволюции в России» является капитальным исследованием в области политической экономики. Монография А. А. Баяртуева «Биология и агротехника греихи» — тоже большой вклад в науку.

БСХИ в данное время имеет 30 аспирантов по агрономии, биологии и ветеринарии. К услугам будущих ученых — хорошо оборудованная ветеринарная клиника,

учхоз, где можно приложить свои знания на практике. Для лаборатории БСХИ приобретено новейшее оборудование: электронный микроскоп, ультра-центрифуга, спектрофотометр, электрофореометр и хроматографы.

За все годы существования Бурятский сельскохозяйственный институт выпустил 3843 специалиста для сельского хозяйства, промышленности и строительства. Ныне выпускников БСХИ можно встретить во многих совхозах и колхозах республики. трудятся они и в Якутии, Туве, Иркутской и Читинской областях.

Барадий МУНГОНОВ,

писатель.

Чабан из Капчиранги

Капчиранга, Капчиранга... Если проехать от улуса Бом на север километров десять сначала по голой степи, потом меж каменистых сопок, поросших редколесьем, попадете в довольно широкую впадину, где тигровой шкурой пестреют поля зеленки, разнотравье покоса и мохнатые полосы кустарников вдоль маленькой речушки Капчиранги. Это и есть урочище Капчиранга. Ну, что ж, махнем туда? Махнем! Стоит только оседлать мотоцикл, он мигом домчит нас куда надо. Там увидим интересные места и интересных людей.

Солнце висит уже низко над темной грядой Баян-Хары. Солнце уходящего забайкальского лета. На дальних мохнато-зеленых отрогах Барского хребта, что нежно купается в густой небесной синеве, золотистыми островками желтеют деревья. Уже пахнет осенью.

«ИЖ—Юпитер» — хорошая машина — разъяренным зверем рычит по полевой дороге, подминая под себя километры. Вот в северная окраина Тугуйской долины. Начались горы: по левую сторону высятся каменная вершина Зурхайта-горы и лесистый Бажагар, по правую сторону, за речкой Капчирангой — голая сопочка Гол Чологой на фоне высоких осанисто-плешинных гор Айха и Хабшаг-Сагаан.

Наконец, впереди внизу, километрах в полтора, показалась чабанская усадьба: большой дом-зимовье, рядом поменьше — летник, база и ограды для овец, стога сена. И овцы, крохотными белыми комочками покрывшие склон соседней горы. Вот уже четверть века здесь живет чабанская семья знатного овцевода совхоза «Эрдэм» Мухоршибирского аймака Дугаржапа Чимитова. Подъезжаем. Чабанскую бригаду мы застали в разгаре сеноуборочных работ. Члены бригады — вся семья — стогают сено в жердяной ограде возле базы. Три больших зарода рядышком.

В трехстах метрах в стороне, на самом поливном и утужном лугу поставлены еще три крупных зарода. Младшая дочка чабана, третьеклассница Вера, верхом на высокой вороной лошади волоком подвозит копыны к стогу. Другие дети — школьники, студенты — тоже все в работе. А детей у Дугаржапа Чимитовича — шестеро. Подкаинивает Вере мать, старая чабанка Долгор Доржиевна. Сам Дугаржал Чимитович с граблями в руках возвышается на стогу, выполняет самую ответственную работу — мастерски завершает зарод, чтобы осенние проливные дожди не проникли туда и не испортили сено. (В следующий раз мы застали его уже на конной сенокосилке — вот действительно универсал-человек!) На нем черная поношенная шляпа, темная сатиновая рубаша, его загорелое лицо лоснится от пота под лучами заходящего солнца. Пока завершается зарод, подходим к жене чабана, приветливой женщине с обветренным лицом. Разговорились.

— Если считать, мы с мужем целых двадцать пять лет неотлучно живем здесь, на этой вот усадьбе, — рассказывает Долгор Доржиевна, окинув любовным взглядом карих глаз свои, чабанские владения. — Но я, еще раньше, еще до замужества жила тут, лет десять с мамой пасла колхозных овец. Уже шестой год пошел, как я вышла на пенсию и продолжаю работать. Пока сила есть, не намерена сидеть сложа руки. Сейчас у нас в отаре более пятисот голов овец. Вот и заготавливаем сено, чтобы подкармливать их в зимнюю стужу, в бурные дни, и в период приема приплода — один центнер на голову. Сегодня ставим шестой зарод, а всего у нас их будет восемь. Пятьсот с лишним центнеров. Еще зеленки стога два наберется. Уберем ее после, как только управимся с сеноуборкой. Но всего этого, конечно, очень мало для такой оравы. Зимой овец у нас

держался, в основном, на подножном корму. Трудновато дается зимняя пастбища. Однако где ж бывает без трудностей? Так и живем, и трудимся, на судьбу не жалуемся...

Тем временем солнце скрылось за каменной вершиной сопки, с верховьев Капчиранги потянуло холодом. Дугаржап Чимитович закончил работу и по веревке спускается на землю. Мы подошли к нему, поздоровались. И начался тот непринужденный разговор, который всегда начинается при первом знакомстве: о здоровье, о погоде, об упитанности скота, об урожае сева и хлебов. Но тут еще большие ступились сумерки, низко над горизонтом заоблестели первые звезды, сильно похолодало, еле уловимо зашуршал сухими травинками и листьями соседнего зароста пестрый ветер-верховик, послышался певучий голос ночной птицы-козодоя. Увидев, как мы поехали, хозяин пригласил нас в дом. Разговор продолжался в тепле.

— Бригада наша хозрасчетная. Это одна из двадцати восьми хозрасчетных чабанских бригад совхоза,—начал рассказывать Дугаржап Чимитович, исторопливо дымя папироской.—А так в совхозе всего восемьдесят отар, составляющих сорок четыре тысячи овец. К концу пятилетки доведем поголовье овец до пятидесяти тысяч... Вас интересует работа хозрасчетной бригады? Ну, это самое простое дело. Оплату за труд свой мы получаем по выходу валовой продукции, то есть за шерсть, мясо и приплод. Чем больше получим их, тем больше оплата. Такой порядок работы сильно поднял заинтересованность чабанов и люди стараются. На этом принципе построил весь хозрасчет—на поднятие заинтересованности людей в получении большей продукции. За ними закрепляется пастбище, сенокосное угодье, поле для посева зелени и они «танцуют» на них как угодно, поливают луга, сеют и убирают зеленку, делают угуи, в общем стараются получить как можно больше кормов, а корма—это все. Без кормов куда прынешь? Особенно в зимние холода, хотя в основном на тебеневке и держимся. Вот так и работаем, пока хвататься сильно нечем.—Дугаржап Чимитович, строго прищурившись, полушутливым тоном проговорил:—Как говорится, поживем—увидим.

Мы понимаем скромность чабана, как всякого труженика-буурата. Однако еще до встречи с ним мы уже знали результаты его работы за все двадцать пять лет, особенно за последние три года. Как не скромничай, а секретарь парткома совхоза, управляющий 3-м отделением и зоотехник уже подробно рассказали о нем. Дугаржап Чимитович всю жизнь трудился в колхозе, в основном в животноводстве, а последнюю четверть века работает чабаном, теперь уже в совхозе. Работает хорошо, всегда в почете. Сколько агнят, сколько овец за это время прошло через его руки! Разве считаешь? За последние три года чабанская бригада Чимитова ежегодно получала от 100 маток по 100—102 агненка, настриг шерсти составлял в среднем

с овец по 3—3,5 килограмма. За многие годы трудовой деятельности Дугаржап Чимитович удостоился нескольких десятков грамот и дипломов. Ему присвоены почетные звания «Лучший чабан республики», «Мастер овцеводства аймака», «Удирник коммунистического труда». И, наконец, орден Ленина—высшая награда Родины. Таков этот скромнейший человек—человек труда, истинный труженик-коммунист, он весь как на ладони.

Если вспомнить, и немало трудностей встречалось на его жизненном пути, которые ему приходилось преодолевать. Нелегко достались ему эти почетные звания и высокая правительственная награда, и не сразу пришли к нему почет и уважение земляков. Все это достигнуто его упорным, повседневным трудом. Дугаржапу Чимитовичу часто вспоминаются первые годы колхозной жизни, когда приходилось возить горюче-смазочные материалы от самого Верхнеудинска конно-гужевым транспортом. Это почти сто сорок километров расстояния. Это две ночевки по пути—в Габгагае и Хариьске. Еще он помнит, как однажды, в начале коллективизации, ездили верхом на лошадях аж до самой Еравны, чтобы пригнать оттуда скот, отданный местными богатеями на выращивание и теперь принадлежавший сельскохозяйственной артели. И разве забудешь трудную солдатскую жизнь на востоке в годы войны? А после войны до сих пор, как привязанный, ходишь за овцами, ходишь зимой и летом, днем и ночью, в пургу и дождь, в зной и холод. Это не так просто, этого тоже не забудешь. Всяко бывало. И вот, благодаря неустанным стараниям человека, когда-то пестрыц, разномастные овцы местной породы превратились в тонкорунные—в настоящее золотое руно, золотое дно розного совхоза. Да, есть чем гордиться Дугаржапу Чимитовичу. Но в том-то и дело, что он человек не из горделивых и заносчивых, а самый простой, обыкновенный труженик, каких немало в привольной Тугнуйской долине.

Наступила темная, безлунная ночь. Мириады звезд высыпали на черном небе, словно тучные стада на бескрайние пастбища. Проехав сколько-то километров вниз по Капчиранге, выезжаем на тихую долину Тугнуя. Далеко на юге сверкают огни улуса Бом, еще дальше—огни центральной усадьбы. Впечатление такое, будто звезды спустились со Вселенной.

А в глазах не исчезает образ знатного чабана, с которым только что мы расстались. В ушах слышится дробный стук кованых копыт его коня по каменистым взгорьям и холмам. Вот он галопом взлетел на пригорок и, придержав коня, каменным изваянием застыл на вершине. Поднес ладонь к глазам и зорко всматривается вдаль, в даль Тугнуйской долины. Что он там увидел? Мамонтов, пасувшихся на приволье доисторических лугов? Или первобытных людей, крадущихся к этим волосатым исполинам? За спиной—высокие, отвесные скалы Баян-Хары. Там зияют черные пасти пещер и каменных

гров. Отвесные стены испещрены древними наскальными рисунками. Там были стоянки первобытных людей. А у подножия скал разбросаны девятости курганов более поздних древних захоронений. В Тугнуйской долине люди наших дней находят много костей мамонтов, из которых легко можно собрать полный скелет. Да, поистине интересные, исторические места! Может и вправду о первобытных людях думает иногда Дугаржал Чимитович, когда подолгу застывает на вершине холма, поднося ладонь к глазам и внимательно всматриваясь в долину, где привольно рассыпалась, словно белогривые волны Байкала, его знаменитая отара. А может он заметил там, в долине, древнего скотовода, еле тащившегося за своими

овцами и ставшего настоящим батраком своего собственного скота? А может о чем и о другом, о светлом будущем милой Тугнуйской долины и родной бурятской стороны, о больших перспективах родного совхоза думает он, убежденный сединами, старый чабан?

Да, конечно, о прекрасном будущем всей Советской страны, находящейся на пороге своего знаменательного пятидесятилетия, думает знатный овцевод, потому что думы и чаяния скотоводов Тугнуйской долины всегда взаимосвязаны с судьбой великой Родины.

Шелестят ветры в Тугнуйской долине, играют золотистыми метелками степного ковыля. Шелестят ветры влечновенилы гряда на благо процветания земли советской, привольной.

Любовь МАДЫЕВА,
министр здравоохранения Бурятской АССР.

Люди самой гуманной профессии

Великий Октябрь открыл новую страницу всемирной истории, положил начало эпохе торжества социализма. Давно канули в небытие политикины, злобно пророчившие быстрый крах молодой Советской республике. Замолчали сомневающиеся в силе и крепости нашего государства. Завоевания Октябрьской революции явились могучей базой революционных преобразований во всех частях света.

Нельзя без волнения читать строки Тезисов ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», в которых подводят итоги полувекowego пути борьбы и побед, перечисляются самые важные завоевания первого в мире социалистического государства. Они о многом заставляют задуматься, наполняют гордостью сердце каждого советского человека. Да, велик путь нашего народа. Велик его подвиг. Он будет вечным примером для грядущих поколений, для всех, кто избрал дорогу свободы.

Великий Октябрь избавил народы бывшей Российской империи от нищеты и невежества, от социальных заболеваний. В царской России врачи не могли бороться против массовых болезней и переживали мучительную трагедию, сознавая свое бессилие перед колоссальной смертностью населения. Только Советское государство могло взять на себя впервые в истории ответственность за жизнь и здоровье своих граждан.

Успехи нашего здравоохранения после Октября становятся особенно наглядными, если вспомнить, какое тяжелое наследие получила Республика Советов от царской России. Тогда в среднем люди жили только 32 года. Особенно велика была детская

смертность. Из каждой тысячи новорожденных умирало 269.

Партия большевиков и Советское правительство заложили основы новой, социалистической системы охраны здоровья трудящихся, создав в июле 1918 года народный комиссариат здравоохранения. Первым наркомом стал Николай Александрович Семашко, врач-большевик. Все трудящиеся молодой Советской республики стали получать бесплатную, общедоступную квалифицированную медицинскую помощь. Широкий фронт развернулась борьба с эпидемиями, ее результат—победа над паразитарными тифами, чумой, холерой, ослой малярией. Развернулось наступление на туберкулез, различные вирусные болезни. Безусловно, в этой большой, подчас невыносимой, но самоотверженной работе врачи помогая укрепившаяся за годы Советской власти материально-техническая база здравоохранения. На службу медицины ставятся открытия в области электроники, кибернетики, бионики и других наук, беспрельдно расширяющих возможности диагностики, лечения и профилактики заболеваний. Все это и плюс повышение общей и санитарной культуры населения, материального благосостояния народа позволили резко сократить заболеваемость и смертность.

Успехи советского здравоохранения—это один из ярких показателей культурной революции, успешно осуществляемой в нашей стране. Особенно контрастно это видно на примере национальных республик—отсталых окраин царской России. Одной из таких окраин являлась и наша Бурятия.

Царское правительство не заботилось о здоровье народа вообще и национальных меньшинств в частности.

Несмотря на постоянные всплески крупных эпидемий, огромное распространение социальных болезней — туберкулеза, трахомы и венерических заболеваний и исключительно высокую смертность — среди населения дореволюционной Бурятии не проводилось никаких лечебных, оздоровительных и противоэпидемических мероприятий.

В 1913 году на территории теперешней Бурятии было всего 7 больниц на 140 коек, 12 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, размещенных в основном в крупных русских населенных пунктах, обслуживающих главным образом зажиточную часть населения. Врачей насчитывалось тогда 14 человек и средних медицинских работников — 44. Фактически подавляющее большинство населения не получало никакой медицинской помощи, вынуждено было прибегать к помощи знахарей, шаманов и лам.

Исключительно велика была смертность среди детей-бурят, особенно в раннем возрасте: среди новорожденных до одного года жизни умирало до 600 из 1000. А за период с 1897 года до 1926 года, т. е. от переписи к переписи, численность бурят-монголов уменьшилась почти на 60 тысяч человек. Это вырождение было обусловлено не только пониженной рождаемостью, но и чрезмерно высокой смертностью.

В 1923 году бурятский народ впервые в истории получил свою государственность. Образовалась Автономная Советская Социалистическая Республика. Народный комиссариат здравоохранения республики возглавил врач, бурят по национальности, Андрей Тимофеевич Трубацев. Началось самое настоящее наступление на болезни, укреплялась материальная база.

Уже в 1924 году (через год после образования республики) был открыт кожно-венерологический диспансер, в 1926 году противотуберкулезный диспансер, на местах организовались венерологические и туберкулезные пункты. Этими пунктами с помощью экспедиций Наркомздрава РСФСР проведена большая обследовательская и лечебно-профилактическая работа, позволившая резко снизить социальные болезни в предвоенные годы. Для обеспечения санаторным лечением туберкулезных больных в 1927—1939 годах были открыты 3 туберкулезных санатория: Верхне-Березовский Ильский и Аршанский костно-туберкулезный, сыгравшие огромную роль в восстановлении здоровья многих тысяч людей.

В довоенный период построены и введены в эксплуатацию типовые здания районных больниц (Баргузин, Баунт, Тунка, Петропавловка, Мухоршибирь, Северо-Байкал и др.), в г. Улан-Удэ на механизированном стекольном заводе, инфекционная и детская.

В г. Улан-Удэ появились учреждения республиканского значения: республиканская больница (ныне городская больница № 1) со всеми ведущими отделениями и станцией санитарной авиации, дом санитарного просвещения, станция переливания крови, санитарно-эпидемиологическая станция.

Особой заботой окружены женщины и дети, для охраны здоровья которых создана специальная сеть детских и женских консультаций, родильных домов, яслей детских больниц и отделений.

Нельзя не сказать о возросших расходах по здравоохранению на душу населения. Если в 1913 году в царской России они составляли только 91 коп. на душу, то у национальных меньшинств — 66 копеек в год (в Сибири — 54 коп.) Уже в 1924 году расходы составили 1 руб. 80 коп. на душу, а в 1939 году — 4 рубля 44 коп. Число врачей в Бурятии с 23 человек в 1923 году возросло до 440 в 1940 году, а средних медицинских работников с 79 до более 1300.

Таким образом, уже до Великой Отечественной войны в Бурятии была создана широкая сеть лечебно-профилактических учреждений, намного увеличилось число врачей и медицинских сестер. Эта огромная работа не прекращалась и в тяжелые годы военного времени, число больничных коек с 1940 по 1945 годы возросло на 24 процента, а бюджет здравоохранения — на 20 процентов. Продолжают строиться все новые и новые больницы, дома отдыха, санатории. Приняли первых больных больницы на мясокомбинате, в г. Закаменске, больницы в поселке Баянгол и многие-много другие. Более 7,5 миллиона рублей вложено в строительство лечебных учреждений по линии Министерства здравоохранения и промышленных предприятий. Новые больницы, фельдшерские пункты, родильные дома сооружаются на средства колхозов и совхозов в Мухоршибирском, Кижингинском, Тункинском, Северо-Байкальском и других аймаках. Вошли в строй комплекс зданий Республиканской больницы, онкологический и эндокринологический диспансеры, санитарно-эпидемиологическая станция.

Невозможно перечислить все то, что было построено за эти годы в нашей республике. Достаточно сказать, что сейчас по республике вместе с различными ведомствами насчитывается 8200 коек в 140 больничных учреждениях. Эта цифра как нельзя лучше характеризует наши успехи. А если к ним прибавить цифры открывшихся впервые в Бурятии домов отдыха, санаториев, курортов, то еще и еще раз убеждаешься в том огромном значении Великой Октябрьской революции для народов далеких окраин России.

Этим успехам в развитии здравоохранения республики мы обязаны нашим неутомимым труженикам — врачам, медицинским работникам — настоящим энтузиастам своего дела. Вот славные имена только некоторых из них. Первый нарком здравоохранения А. Т. Трубацев. Он начал свою деятельность по организации медицинской помощи населению будучи заведующим здравотделом Бурягской АССР, затем став первым наркомом здравоохранения, развернул большую организаторскую работу по созданию и расширению сети ле-

лечебно-профилактических учреждений. Многие сделали для развития здравоохранения республики врачи У. А. Бабушкина, Н. А. Абыков, В. Р. Боянова, возглавлявшие в разное время Министерство здравоохранения республики. Все они прошли большой путь от простого врача до государственного деятеля. Всем хорошо известно имя первого врача-буряты, защитившего кандидатскую диссертацию, Э. Р. Раднаева. 40 лет благородного труда, сотни учеников-последователей — вот тот неизгладимый след, который оставил этот человек. С большим уважением назову имена первых врачей Советской Бурятии: хирурга И. И. Алексеева, детских врачей З. Я. Вассерман и А. М. Дудина, акушеров-гинекологов Г. М. Решикова, М. Н. Соснину, первого главного врача областной больницы Гурьянова, фтизиатра Ф. Н. Дульбева, невропатолога Мешаака, окулиста Е. М. Никифорову, венеролога Т. И. Семенову, разбедных врачей Ф. С. Гальперову, санитарных врачей Д. П. Кузьменко, З. А. Болотову... Невозможно назвать имена всех, кто возглавлял борьбу против самого тяжелого наследия царского самодержавия — невежества, социальных заболеваний, смертности. Расскажу только о некоторых. Вся их жизнь и жизнь тысяч других проходит в благородном служении народу.

...Дмитрий Иванович Новосельцев родился в бедной крестьянской семье. Азам грамоты его учила дачница, приехавшая из Москвы. О школе маленький Дмитрий только мечтал. Надо было работать, помогать семье. В 1913 году Новосельцева призвали в солдаты, а через год грянула война. Она-то и определила будущее юного новобранца. Армии срочно понадобились медицинские работники и Дмитрия, умевшего кое-что писать, направили к полковому врачу. Экзамен — написать домашний адрес — он выдержал и его направили в звании ротного фельдшера в действующую армию. Там он постигал азы медицины.

От малограмотного ротного фельдшера до майора медицинской службы Советской Армии — вот путь, пройденный хирургом Новосельцевым. Только Советской власти он обязан тем, что получил звание врача. окончив тридцати девяти лет Иркутский медицинский институт. И там, где он работал, везде оставлял о себе добрую память. хорошие воспоминания. Возглавляемая им больница в Тунке стала одной из лучших в Бурят-Монголии. Когда надо было укрепить руководство больницы в Нижне-Ангарске, выбор пал на Дмитрия Ивановича. Прошло несколько лет и его имя знают уже в самых отдаленных уголках зймак. Эзники зовут его «большим доктором». Война... Брянский, Воронежский, первый, третий, четвертый Украинский фронты. На его счету тысячи спасенных жизней советских бойцов. 1500 хирургических операций сделал

майор Новосельцев. О нем пишут в фронтовых газетах. Награды за труд — боевые ордена: Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степени, медаль «За победу над Германией», а в мирное время — значок «Отличник здравоохранения», Почетная грамота Президиума Верховного Совета БМАССР и, наконец, присвоение звания заслуженного врача РСФСР.

Таков жизненный путь одного из хирургов Бурятии. Интересен и содержателен он и у фтизиатра Федора Николаевича Дульбева. Избрав своей специальностью туберкулез и рентгенологию, Федор Николаевич за годы Советской власти стал виднейшим фтизиатром республики. Ни одна комплексная экспедиция, ни один лечебно-обследовательский отряд не обходится без его личного участия. Его труд «Борьба с туберкулезом в Бурят-Монгольской АССР» — это труд всей его кипучей деятельности. По стопам отца пошли дети. Геннадий Федорович — хирург, кандидат медицинских наук. Маргарита Федоровна — врач-бактериолог.

Удел женщины-бурятки — очаг, дети, изнурительный домашний труд. Только Великий Октябрь раскрепостил женщину, указав ей путь к свету, знаниям. Вера Ринчиновна Боянова впервые открыла двери школы в год провозглашения Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики. Затем — медицинский техникум, работа в аппаратах горздрава, Наркомздрава, учеба в Ленинградском медицинском институте, позднее заведование сначала районным, потом городским отделом здравоохранения в Улан-Удэ. В 1948 году она — министр здравоохранения Бурятской АССР. За эти годы Вера Ринчиновна неоднократно избиралась депутатом горсовета, членом пленумов райкома, горкома КПСС, дважды избиралась депутатом Верховного Совета Бурятской АССР, депутатом Верховного Совета СССР. Даже мечтать об этом не могла женщина-бурятка до революции! А сейчас женщины составляют 70 процентов всех врачей. Это — результат проводимой партией денациональной политики.

В нашей республике на страже здоровья народа стоит 15-тысячная армия медицинских работников. 225 врачей удостоены почетного звания заслуженный врач Бурятской АССР, 453 — заслуженный врач РСФСР. К тысячам награжденных орденами и медалями врачей и медицинских работников недавно прибавились десятки новых имен. Благодаря их неутомимому и самоотверженному труду в республике навсегда ликвидированы эпидемии оспы, сифилиса, малярии и других социальных заболеваний, значительно сократилась смертность населения, из года в год растет рождаемость. Эти успехи наполняют радостью и гордостью сердце каждого советского человека, наши сердца.

Бурятская палитра — 67

В городе Владивостоке летом этого года открылась 2-я зональная выставка художников Дальнего Востока, посвященная пятидесятилетию Советской власти. «Городом» далеко, но нашением — назвал Владивосток В. И. Ленин. Около 700 произведений живописи, графики, скульптуры, монументально-декоративного, прикладного и театрально-декорационного искусства представили 209 художников из Приморского, Хабаровского краев, Магаданской и Камчатской областей. Почти половина участников выставки были молодые художники, многие из которых участвуют на выставке впервые. Выставка очень разнообразна как по тематике, так и по жанрам. Ее главное идейно-тематическое содержание заключалось в показе борьбы и побед нашей страны за прошедшие 50 лет.

Успешно выступили на этой выставке художники Бурятии. 115 произведений 31 автора. По количеству принятых работ художники Бурятии на 2-м месте после крупнейшего коллектива Приморья, а по количеству работ на одного человека мы поделили 1—3 места с Якутией и Приморьем.

В этом сказался значительный творческий рост наших художников. Выставочный комитетом особенно были отмечены наши живописцы. Яркая самобытность, выразительность идейно-художественного языка, завершенность пластических решений отличает лучшие произведения наших художников.

Образу В. И. Ленина посвящены картины народного художника РСФСР А. И. Тимина «Искра», «Бабушкин у В. И. Ленина в Лондоне» и многофигурная композиция «Разговор о земле» Г. Е. Павлова, заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Обе работы покорают своей непосредственностью и теплотой, выполнены в хороших реалистических традициях советских художников старшего поколения. Г. Е. Павлов и А. И. Тимин принадлежат к первым бурятским художникам, которые начинали и развивали профессиональное изобразительное искусство в Бурятии. Разносторонний художник Г. Е. Павлов с большим успехом работал в портретном и пейзажном жанре, создавал тематические картины и пробовал свои силы в театрально-декорационном искусстве. Главное, что присуще всем его работам — это поэтическое восприятие того, что он изображает, уверенность, человечность, тонкое колористическое дарование. В таком же плане решена его картина «Разговор о земле».

Революция, годы гражданской войны нашли отражение в работах Г. Купцова, И. Нагабордина, К. Дульбева, Г. Москалева, А. Сахаровской, А. Окладникова. В этих

работах мы видим характерные события борьбы за Советскую власть, образ революционного народа и его выдающихся представителей.

Захватывает своей героической романтикой серия графических листов «Забайкалье 1919—1920 гг.» Г. Н. Москалева.

Историческую тему раскрыл на этот раз Д. Дугаров. В своем триптихе «Прошлое» он создал обобщенный образ жизни бурят до революции. Тяжелой, безрадостной была она для женщин и детей («Материнство»). Д. Дугаров в своем творчестве ярко самобытен и глубоко национален. Его ранние картины «Проводы невесты», «Суровый край», «Дочери Бурятии» получили высокую оценку и широкое признание.

Ярким национальным своеобразием и самобытностью отмечены графические произведения А. Н. Сахаровской. Она талантливо и бережно проиллюстрировала бурятский эпос «Гэсэр». Ее иллюстрации национальны по самой своей сути. В большинстве своем это многофигурные композиции, представляющие отдельные персонажи. Иногда это девушки в национальных костюмах, идущих друг за другом с деревянными ведрами, полными воды, иногда это хоровод вокруг костра или стройные полки войска Гэсэра. Работы Сахаровской очень интересны, серьезны, выполнены на высоком профессиональном уровне.

Наша современность выражена в творчестве живописцев Г. Баженова, Ю. Чиркова, М. Оленникова, Б. Садыкова, К. Сергеева, Т. Рудь, М. Метелкиной, И. Алтаева, М. Шестаковой, Л. Лабок и других.

Народному, традиционному празднику посвящена картина Г. Баженова «Сурхарбан». Звучный, насыщенный колорит, динамичная ритмика, умелая, глубоко образная переработка народных традиций, позволили холсту получить широкое эпическое звучание, стали большой удачей художника.

Подлинным человеколюбием пронизан портрет старого охотника, выполненный художником Ю. Чирковым.

Отрадно то, что если раньше ведущим жанром в произведениях бурятских художников был пейзаж, сейчас главенствующее место занимает тематическая картина, где художники ставят большие проблемные задачи, созвучные нашему времени. Успешно работают в пейзаже М. Оленников, Б. Садыков, К. Сергеев, Т. Рудь и др.

М. Метелкина была представлена на выставке серией натюрмортов. Ее работы красочны, декоративны. «Омуть», «Дары природы», «Натюрморт с рыбой» выполнены в хороших реалистических традициях.

Успешно выступили на выставке худож-

ники наших театров. В экспозиции этого раздела — народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств БурАССР А. И. Тимин, М. Я. Шестакова. Их произведения очень интересны в том отношении, что они не только эскиз к костюму, а уже найденный целостный образ того или иного персонажа. Много лет они трудятся в театре оперы и балета, каждый раз создавая новые решения того или иного спектакля.

На выставке были представлены театральные эскизы молодой художницы А. Бритовой. В своих декорациях к балету «Красавица Ангара» она попыталась по-новому решить национальный балет. А. Хомяков представлен произведениями в стекле и керамике. Художник участвовал на многих внутрисоюзных и зарубежных выставках. Все его работы выполнены с большим профессиональным мастерством и отмечены поиском национальной формы.

Интересно самобытностью и ярким национальным языком чеканное панно П. Намсараева. Хорошие отзывы получили работы Б. Зодбоева — резьба по дереву. Г. Васильев представлен декоративными скульптурами «Утро» и «Голова девушки». Его работы отличаются острое чувство материала, полное раскрытие его декоративных

возможностей. Молодой художник С. Ринчино создал ковер «Песни Бурятии». Несмотря на то, что это единственное произведение на выставке в этом материале, оно получило высокую оценку.

В этой статье я кратко перечислил только основные работы наших художников на юбилейной зональной выставке.

Выставочный комитет юбилейной выставки «Советская Россия» отобрал на нее 56 произведений 15 художников Бурятии: Д. Дугарова, Г. Баженова, Ю. Чиркова, А. Тимина, М. Шестаковой, А. Бритовой, А. Сахаровской, Г. Москалева, Е. Неволной, А. Хомякова, П. Намсараева, Б. Зодбоева, С. Ринчино и Г. Васильева.

За успешное выступление на Зональной выставке Выставочный комитет 8 наших художников рекомендовал в члены Союза художников и 9 (впервые участвующих на такой крупной выставке) в кандидаты Союза художников СССР. В заключение хочется поздравить наших художников с юбилеем 50-летия Советской власти и пожелать им дальнейших еще больших творческих успехов на следующей Зональной выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Валерия БАТАШЕВА

Семья — ровесница революции

Тихий летний вечер. Из соседних дворов доносится лай собак, скрип телег и вырост. 19-летний Лазарь Балдаев по окончании Иркутского сельскохозяйственного училища прибыл в родной улус Моголют. В душе таилась тоска по родине, радость встречи со сверстниками.

После ужина и теплой беседы с родными вышел во двор. Было темно, хоть глаза коли. На просторах необъятного купола радостно мерцали звезды. Приятная прохлада. Все манило побороться по знакомым местам. Тишину нарушил четкий ритм плясового напева — родная ехорная мелодия.

«Ехор в разгаре. Видно, со всех восьми улусов собрались. Весь Нижний Янгут», — подумал Лазарь.

Бегом вернулся в дом и, предупредив родных, что пойдет на ехор, нырнул в темноту деревенской ночи. Казалось, что сама мелодия ехора мчит к нему навстречу.

Друзья радостно приняли его в свой круг. Молодой, красивый и одетый не по-улусному, он стал объектом всеобщего внимания. Каждому хотелось с ним поговорить. Его обнимали, качали и изнепрерывно засыпали вопросами. В эту ночь ехор продолжался с удвоенным темпом. Веселилась молодежь до самого рассвета. Среди мно-

жества девушек была очень скромная, с легкой фигуркой, обаятельная Татьяна Павлова. Она на удивление всем впервые осталась на ехоре до рассвета...

В 1917 году, в канун Великой Октябрьской социалистической революции, в бурятском улусе Моголют двадцатилетние юноша и девушка, познакомившиеся на ехоре, справляют свадьбу. В то время Лазарь Иванович и Татьяна Семеновна Балдаевы не думали о том, что они составят будущую советскую семью.

В 1913 году Лазарь Балдаев окончил Кяхинское двухклассное училище. В этом же году поступил в Иркутское сельскохозяйственное училище. Очень активный, он всегда тянулся к общественной работе. В 1917 году вместе с Прокопием Павловым, революционером, создают Янгутское общество потребителей. Лазарь Иванович назначается заведующим магазином. Членом правления этого общества работает до 1919 года, затем секретарем Янгутского хошревкома. Кроме советской работы, Лазарь Иванович проводил в улусах широкую массово-политическую, общественно-просветительную работу: организует первые спектакли на злободневные темы, принимает в них участие.

В 1924 году по инициативе Лазаря Ива-

новича в улусе открывается начальная школа. Первым учителем в ней становится Л. И. Балдаев. Он учит детей и учится сам.

За тридцать четыре года педагогической работы Лазарь Иванович дал путевки в жизнь тысячам воспитанников. Л. И. Балдаев с гордостью называет имена и фамилии своих бывших учеников, которые завоевали симпатию народа, стали знатыми людьми республики. Среди них учителя, врачи, кандидаты наук, партийные деятели. Ц. С. Очинова, Ю. Н. Миронов — заслуженные учителя школ РСФСР; Д. В. Лаврентьев, Ц.-Д. Дугаров, П. Ц. Цыбикова, Ц.-Д. Д. Дылгирова — заслуженные учителя школ БурАССР; Р. Б. Будаев — заслуженный врач БурАССР, Г. А. Гармаев — кандидат педагогических наук, доцент.

Веркой помощницей в успешной педагогической деятельности Лазаря Ивановича была его спутница жизни — Татьяна Семеновна. Она вырастила восьмерых детей. Из них один — партийно-советский работник, два — известных музыканта — виолонче-

лист и дирижер, два — известных спортсмена — призеры и, наконец, кандидат исторических наук.

Прибавилось забот у Татьяны Семеновны — появились внучат, правнуки.

Как родную мать чтят Татьяну Семеновну ученики Лазаря Ивановича. Они благодарят ее за заботу о них, за душевное отношение к ним. Для Татьяны Семеновны не существовало различия — свои и чужие дети — для нее все были одинаковы, для всех в ее сердце находился кусочек тепла.

Лазарь Иванович и Татьяна Семеновна Балдаевы — скромные люди труда снискали себе любовь и признание со стороны учеников и их родителей.

21 октября 1967 года, в канун исторического 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции состоялась золотая свадьба и юбилей — 70-летие со дня рождения супругов.

Семье — ровеснице Октября доброго здоровья, долгих лет жизни и счастья!

Михаил ВОСКОВОЙНИКОВ,
доктор филологических наук

В Большой мир

Начало тридцатых годов... Я с молодым эвенкийским учителем, Николаем Ламаткановым, пробираюсь сквозь тайгу в Усть-Тананду. Вот она, наша будущая школа. Будущая... Но пока это деревянный сруб без крыши, без печей, и ни в одном окне нет стекол. В тридцати километрах от фактории Усть-Тананды затерялась совсем маленькая деревушка Ключевка. Русские старожилы из Ключевки были некогда хлебопашами на Тамбовщине. Потом «довела их до Сибири злая доля бедняка». Теперь бородачи из Ключевки породнились с ороочманами — исконными оленеводами и угощают их свежими булками, испеченными из «нашенчики».

И в Ключевке и ни в Усть-Тананде никогда не было школы. А теперь председателю туземного Совета Петру Юмсунову во что бы то ни стало надлежит открыть школу. Бородачи из Ключевки сложили русскую печь, нарезали досок и сколотили классную доску, парты. А мы с Ламаткановым надрали корья и закрыли крышу. Есть уже все, но нет стекол. Холодно... Завывает пурга... Вместо стекол в оконных рамах натянули белое полотно.

Но школа была. Я составил тунгусскую азбуку и написал для детей йески. Петр Юмсунов, верный сын большевистской партии, бывало, просиживал над моим рукописным букварем до глубокой ночи, складывая из букв и слогов первые тунгусские фразы.

— О-о-о! Оройкокун! — восклицал Юмсунов. — Вот... вот... так. Какое же это

счастье, — продолжал он. — Теперь я не только председатель туземного Совета, теперь я сам буду читать эвенкам про советский закон, о нашей партии, о Владимире Ильиче Ленине.

...Торопясь к многоводной Ципе, ревел на перекатах Амалат. Ярко светило солнце, и где-то рядом токовали глухари. В большом чуме пахло медвежатинной. Уриндак Басаулова уложила из берданы медведя, а теперь вот силит на мягкую шкуру и угощает меня. Ламатканова и Юмсунова свежиминой.

Юмсунов эвенкам-охотникам объясняет слово «колхоз», а мы с Ламаткановым, по поручению райкома комсомола, вручаем членский билет первому комсомольцу из рода туруягир Спиридону Басаулову. Смотрят на дорогую реликвию Спиридона его сестра Уриндак, но они еще не умеют читать. И только их младшая сестренка, Чивканан, приехавшая из школы погостить в свой чум, вместе с Петром Юмсуновым произносят на чистом русском языке слова «Коммунистический союз молодежи».

С раннего возраста я привыкал к речи моих сверстников из бурятских улусов и тунгусских стойбищ. Я никогда не забуду моего учителя Будажапа Доржиевича Очинова, обучавшего меня в шестом классе старомонгольской письменности. В Усть-Тананде и в стойбищах эвенков с Ламаткановым мы разговаривали по-русски, по-бурятски и на языке эвенков. Я завидовал Ламатканову, когда он вязал сети или ловко свеживал сохатого, истребляя стрик-

нимом волков и умело настораживал на диких кабанов. Помню, как Ламатканов, Спиридон Басаулов и вся его семья, обнимая, провожали меня в далекий путь. В памяти навсегда остались баргузинское детство, русские деревни и бурятские улусы, шамес еврейской синагоги Моисей Эльбаум и два брата в тунгусских стойбищах — Подковник и Майор.

Ленинград перенес меня из таежных кочевых школ в Большой мир. Город Ленин согрел меня, юношу-чадона, и стал моей второй родиной.

Здесь, в Ленинграде, я узнал, что пра-родиной всех тунгусских племен был район Прибайкалья. Еще за много веков до Ерофея Хабарова братские люди подружились с тунгусами и орононами, а потом они стали надежными проводниками русских землепроходцев.

И вот звенки собрались в большой «чудесный чум» — Институт народов Севера. Вместе с ними изучают достижения советской и мировой науки дети чукчей, менцев, эскимосов, хантов, саамы и других малых народностей Севера. Пока еще мало, очень мало, своих национальных кадров. Из среды эвенков и чукчей нет еще врачей, инженеров, но скоро их можно будет встретить всюду на просторах тундры и в таежной глухомани. В районном центре Баунта разосилась новость — приехал из Ленинграда народный судья, бывший беловодский пастух звенк Степан Маркунов. Вслед за этим событием другое — сын Григория Догонича, Василий Григорьевич, закончив Институт народов Севера, назначен учителем литературы в Багдарини. И, наконец, главное — первый комсомолец из эвенков Хабаровца Андриян Семенович Воронин избран председателем окружного исполкома в Кадлакане.

Мирную жизнь Ленинграда прервала война. Фашистские полчища у подступов к городу Ленина. Я сражаюсь в Первой Гвардейской дивизии, рядом со мной лежат в окопах эвенк Паша Алексеев и якуг Георгий Афанасьевич Никифоров. Пали смертью храбрых у стен Ленинграда аспирант Института народов Севера эвенк Павел Алексеев и его друг, аспирант-диссертант, сын ивановского рабочего, комиссар батареи Леонид Владимирович Соболевский. Когда окончилась война, многие мои коллеги-североведы и наши бывшие студенты снова повстречались на Невском проспекте. Среди северян я увидел эвенка майора Михаила Савина, награжденного орденами и медалями. Здесь же стоял прославленный танкист, освобождавший Прагу, нанец Сулунгу Николаевич Оненко.

В офицерской шинели и шапке-ушанке я доскал поездом до Улан-Удэ, а потом на «У-2» приземлился в Багдарине. Стояла лютая стужа, но мне нужно было поехать в Хойгот, на Усой, в Россошино, чтобы снова записывать эвенкийские сказки, песни и предания. В охотничьей избушке я по-стречал старшего лейтенанта, выпускника

Института народов Севера Василия Егоровича Доколева. Его грудь тоже украшали ордена и медали. Мы вели долгие разговоры о прошлом, настоящем и будущем. Бывшие солдаты Аюр Нанканчин, Тындэй Торгонов вспоминали, как сражались за освобождение Варшавы и Будапешта. Знаменитый охотник Уриндак Басаулова показала мне письма командира части, где служил и погиб друг моей юности первый комсомолец из рода туруягир Спиридон Басаулов.

Тридцать лет я веду занятия с северянами в Ленинграде. Но мне особенно приятно вспоминать наши кочевые школы, председатели Баунтовского районного исполкома Егора Гавриловича Торгонова, едва умевшего прочитать бумажку. Мой бывший ученик из четвертого класса Ганя Воронин ныне окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и возглавляет районную партийную организацию. Бывший студент Института народов Севера Вася Увачан закончил два института и Академию общественных наук. Он завершает докторскую диссертацию и избран членом Ревизионной комиссии ЦК КПСС. Василий Николаевич Увачан — депутат Верховного Совета СССР.

Лучи Великого Октября освещали тропы, по которым шли дети тайги. Эти тропы привели потомственных охотников и оленеводов в Большой мир. Чукотский писатель Юрий Рытхэу создал романы и повести. Поэзия манси Ювана Шестадова, эвенка Алитета Немтушкина, ненца Василия Ледкова привлекает внимание миллионов читателей. Делегатами XXII съезда КПСС были чукча охотник Аренто и чеченская учительница Елена Сусой. Эвенк Михаил Молоков преподавал историю русским детям на золотых приисках, а его сородич Олег Карпушкин ведет уроки физики в Багдаринской школе. 35 лет назад вместе со мною работал в тайге Цыдыл Вачеланов. Он погиб под Ленинградом в боях у Сиязьино. Сын Цыдыла — Багдан Вачеланов водит комбайн, убирая пшеницу на широких равнинах Куйтуна. И все это стало обычным. Скоро земляк Багдана Вачеланова — Александр Сергеевич Шубин приедет в Москву, и я выступлю первым оппонентом на защите кандидатской диссертации молодого ученого-эвенка Шубина. Он тоже уходит в Большой мир.

В день великого и всенародного праздника — 50-летия Октября — в Георгиевском зале Кремля собирався Советский парламент. Среди депутатов были представители всех наций и народностей Советского Союза. Были там и якуты, и чукчи, и ханты, и ненцы, и эвенки.

Народ, измученный царем,

Октябрь великий возродил.

Народу, знавшему лишь гнет,
открыты все теперь пути... —

с гордостью произносят они стихотворение талантливого нанайского поэта Акима Саморы.

ПОЛЕТ В ЧЕТВЕРТОЕ СТОЛЕТИЕ

Этот день для меня останется одним из памятных и дорогих. Я оказался в небе самого счастливого города на планете — Улан-Удэ, счастливого потому, что ему исполнилось 300 лет. Медленно уходящая земля, изрезанная морщинами гор и руслами рек, невольно наводила на размышления о веках становления города. От небольшого сруба до современной столицы — таков путь тех, кто создавал Верхнеудинск—Улан-Удэ. Я проникаюсь любовью и уважением к живым и мертвым, к тем, кто родился, учился, работал в этом городе, ко всем, кто сейчас живет в нем.

Хотелось взять авторучку и писать о чувствах и думах, рожденных полетом в день рождения замечательного города. Но руки заняты штурвалом...

Более двухсот тысяч улан-удэнцев, выходящие к шумному небу нынешнего века, может быть, и не заметили серебряную точку над собой, но я думал о них и радовался их торжеству...

Полет подходил к концу. В наушниках голос Земли. Снижаюсь. Из небольшого многоугольника постепенно проявляются улицы, дома, машины, люди... Вот уже глаз не может охватить одним взглядом разливающийся по сторонам многокилометровый город. Медькают стрелы подъемных кранов. Город строится, город в наступлении, и его черта, подобно линии фронта, меняется с каждым днем, с каждым вновь построенным домом.

Я не думаю, сколько было и сколько стало больниц, заводов, школ, библиотек, институтов, об этом расскажут другие. Важно то, что все это есть, что талантливый бурятский народ сумел в дружбе с

русским и другими народами обрести свободу, независимость, и влившись в единый и могучий поток Союза Советских Социалистических Республик, построить свое счастье по заветам великого Ленина — сохраняя национальный быт, культуру, свой язык. И во все времена во всех начинаниях, больших и малых, был город Улан-Удэ, которому сегодня уже 300 лет. Но сейчас древность осталась лишь в памяти народа. Сегодня — это город юности, город большой и светлой мечты.

Летя на малой высоте, хотелось крикнуть:

— Смотрите, именинники, вы летите в четвертое столетие!

И, честное слово, меня охватила зависть к тому, кто через сто лет, подобно мне, окажется уже над коммунистическим Улан-Удэ и, возможно, вернувшись из долгого далекого путешествия по просторам Вселенной, совершит посадку на местном космодроме...

Из века в век человек, забывая на мгновения печали и радости, предается тоске о будущем.

Полет окончен. Через несколько часов я вместе с тысячами улан-удэнцев разделю их радость и полному бокал за наш родной город, за тех, кто давным-давно вбил первый кол и, осев в суровом, диком краю, заложил начало сегодняшнему торжеству, за тех, кто донес эту эстафету до наших дней, за тех, кто примет ее рано через век, за тех, кто родился в этот день и за всемогущие мозолистые руки строителей всех времен!

Побег

Писарь Томской пересыльной тюрьмы составлял список заключенных. Он просматривал их личные дела и, записывая фамилию, добавлял краткую характеристику.

...Петухов Андрей Гаврилович (он же Петраков) — председатель Кузнецкого Совдепа, один из главарей забастовки на Ленских золотых приисках в 1912 году. Схвачен при отступлении красных из Кузнецка:

Лестов Гавриил Иосифович — красногвардеец, участвовал в конфискации имущества у купцов и почтенных крестьян села Щеглово. Был в числе организаторов Щегловской деревообделочной артели, объявившей себя коммуной:

Речицкий Иосиф Иванович — красногвардеец, кузнец Щегловского коксохимического завода, переселенец с Украины, там тоже был замешан в антиправительственных делах;

Скульский Григорий Кононович — член Щегловского уездного Совдепа:

Сотников Ефрем Михайлович — активный большевик, каменщик Щегловского коксохимического завода, приехал в Щеглово из Енакиево, где также участвовал в забастовках и диверсиях;

Цибульский Клавдий Викентьевич — командир красногвардейского отряда, схвачен под Мариинском...

А на следующий день по гулкому тюремному коридору пронеслась команда:

— А ну, выходи во двор! Выходи, пошевелива-а-айсь!

Во дворе построили по двое и перед тем, как открыть скрипучие тяжелые ворота, сделали «напутствие»:

— По сторонам не глядеть! Из перенги не выходить! Шаг влево, шаг вправо будет считаться за попытку к бегству.

И в заключение:

— Шаго-о-м ма-а-рш!

По пыльной окраинной улице Томска их, пятьдесят семь политических, повели из пересыльной тюрьмы на вокзал. Здесь, разбив на две партии, затолкали в два вонючих товарных вагона, на обоих написали мелом: «КОМИССАРЫ».

На станции Тайга вагоны прицепили к специальному эшелону в нем везли на восток свыше двух тысяч борцов за власть Советов. И назывался эшелон «эшелонем смерти».

Тайгинские подпольщики приняли все меры, чтобы облегчить участь своих товарищей. Они организовали встречу эшелона населением, которое, несмотря на все строгости, снабжало заключенных пищей и одеждой.

Подпольщики пытались осуществить массовый побег. Машинист-большевик Стайков получил задание поближе к Мариинской тайге остановить эшелон, повредив паровоз. Заключенные в этот момент должны были поднять восстание, обезоружить конвой, скрыться в лесной чаще.

Но все провалилось. Стайков был предан провокатором. Ему не дали заступить на смену, тут же арестовали. Эшелон под усиленной охраной тронулся дальше.

Почти в самом конце состава — один из тех двух вагонов, что прибыли на станцию Тайга из Томска с надписью «КОМИССАРЫ».

Двадцать восемь в этом вагоне. В основном кузбассовцы. Большевики. Руководители и члены Совдепов. Красногвардейцы. Угрюмые, изнуренные, молча сидят они на полу, слушают, как грохочут колеса, как грустно воет снаружи встречный ветер. А по бесконечным лентам рельс катятся вагон за вагоном, на тамбурных площадках стоят часовые, блестят на солнце лезвия штыков. Двери наглухо закрыты, на массивных накладках огромные замки, или — вместо замков — навита в несколько рядов толстая проволока. Нет, не откроешь такую дверь, не пытайся, не трать понапрасну силы!

У самого потолка с двух сторон — по два узких продолговатых окна. Окна забраны железной решеткой, навечно, впаянной в вагонные стены. Не вырвешь решетку, куда там!

Куда ни кинься — часовые, замки, решетки. Нет выхода. А все-таки... Все-таки...

— Скоро Боготол, — вполголоса говорит один из арестованных, — как ты думаешь, Иван, придет нас встречать твоя сестра или нет? Поможет достать?

— Как же, — ответил тот, кого называли Иваном, — обязательно придет! И поможет. Должна помочь!

Разговаривают двое. В полутьме не видно их лиц, лишь вырисовываются силуэты их фигур, одной — могучей, плечистой, второй — щуплой, низкорослой. Тот, который заговорил первым, — Григорий Скульский. Он не теряет надежды на спасение и, горячо поддержанный еще двумя товарищами — Ефремом Сотниковым и Клавдием Цибульским, снова и снова обдумывает план побега. План пока в секрете — надо сначала проверить остальных, надо сначала обеспечить себя инструментом.

Легко сказать — инструментом! Как будто можно достать и пронести в вагон топор или ножовку. Это при такой-то страже!

Скульский оцупал в кармане обломок острой металлической пластинки, что сумел уберечь, несмотря на обыски при посадках, и вздохнул: нож бы хоть перочинный!

У Ивана Лудзица в Боготоле сестра. На каждой станции эшелон приходили встречать жители. Конечно же, придут и в Боготоле. Среди встречающих, как убеждал себя и товарищей Иван, непременно будет и она. Скульский еще не сказал Ивану, зачем так нужен нож. Но этот славный парень и не спрашивал. Он догадался сам. По тому, как заблестели в полумраке его голубые глаза, можно было судить, с какой готовностью он рад был принять во всем участие...

В Боготол прибыли после полудня, часа в два. Конвоиры открыли в вагонах двери (справа по ходу поезда), встали возле них с ружьями наперевес. Заключенным разрешалось подойти к открытой двери, но не ближе трех шагов. Разрешалось принять передачу, однако после тщательной проверки. Если к кому приходили родственники — дозволялось свидание, но... на расстоянии, то есть можно было поговорить так же не выходя из вагона.

Людей на станции было полно. Они теснились вдоль всего состава, и редко у кого в руках не было узелка — передавали хлеб, яйца, мясо, молоко, овощи. Передавали чистое белье, портянки, обувь. А сколько теплых, подбадривающих взглядов и слов дарили через головы конвоиров, через их штыки!

Вдруг Иван толкнул Скульского в бок и, не в силах сдержать радость, закричал:

— Здесь она, здесь!

Раздвигая всех локтями, к вагону пробивалась девушка в бордовом полушалке.

— Братка! Иван! — воскликнула она, протягивая руки.

— Вера! Сеструха! — рванулся к девушке Иван.

Тотчас на обоих наставили ружья:

— И-но-о, и-но-о, не положено! Наза-а-д!

— Даже поздороваться не дают, изверги! — слышались возгласы в толпе.

Девушка отступила под напором конвоиров и, не отрывая от Ивана глаз, повторяла:

— Братка, куда же вас? Куда?

— Ничего, красавица, мы вернемся! — ответил за Ивана Скульский и шепнул Сотникову:

— Давай, Ефрем, помогай!

Сотников встал рядом с Иваном и, пока Скульский и остальные товарищи принимали передачи и отвлекали этим внимание конвоиров, вступил в «беседу» с сестрой Ивана. Жестами они старались объяснить ей: пусть она передаст им нож, а еще лучше — небольшую ножовку. Передать можно в буханке хлеба, в арбузе или еще в чем-нибудь — только это надо сделать! Надо! Понятно?

Вера не понимала. Она беспомощно смотрела и растерянno пожимала плечами.

— Фу ты, черт возьми, как же ей объяснить?! — горячился Иван, нервно топчась на месте. — Время-то уходит, ведь так и погибнуть все может.

Вдруг к Вере подошел пожилой рабочий, слегка наклонился к ней и что-то сказал. Потом, как бы поправляя на голове кепку, стал жестикулировать пальцами. Что это? Иван с Ефремом радостно переглянулись — он «морзировал» им, что просьбу поняли и постараются выполнить. И тут же отошел от девушки, скрылся в толпе. Ушла и Вера.

— Ну как? — обернулся к ним Скульский, — удалось что-нибудь?

— Удалось, кажется, — все еще не опомнившись, ответили Лудзиш и Сотников. — Помог нам один неизвестный друг.

А в душе у них не было твердой надежды на успех, закрадывалась тревога: а друг ли он, этот неизвестный? Может, это шпик? Но тут же они, успокаивали себя: да нет же, это свой человек, соратник, товарищ! Иначе откуда бы он знал «воздушную» азбуку морзе, которой они, политические, обучались в тюрьме? Значит, он сам, наверно, не раз побывал за решеткой.

Прошло уже немало времени, как ушла Вера, а назад она не возвращалась. Скоро отправление. Тогда, выходит, и впрямь это был шпик.

Скульский сдвигает густые мохнатые брови, глубоко посаженные серые глаза его делаются стальными. Сотников в волнении мечется взад и вперед по вагону, а Иван продолжает стоять у двери и твердит:

— Придет... Придет... Придет...

Но вот охрана начала разгонять народ — трехчасовая остановка в Боготеле кончилась, уже дан предупредительный паровозный гудок, с минуты на минуту эшелон тронется.

— Эй ты, чего выставился, отойди! — крикнули на Ивана конвоиры.

Они подошли с двух сторон к двери, чтобы враз прикрыть ее. И в этот момент в толпе мелькнул бордовый полушалок, раздался умоляющий девичий голос:

— Постойте! Ради Христа, постойте!

Иван, так и продолжавший стоять у двери, увидел Веру и ее подругу Розалию Глусс. Помогая друг другу, они тащили мешок.

— Это я принесла братке хлеба, — стала пояснять часовым Вера, — будьте ласковы, разрешите передать!

Не успели конвоиры ответить, как к девушке подбежали несколь-

ко рабочих во главе с тем, пожилым, что разговаривал с Сотниковым и Иваном азбукой морзе. Приподняв мешок, они в миг забросили его в вагон.

— Куда? Куда-а?!— кинулись было часовые, но, подхваченный десятками рук, мешок исчез уже в глубине вагона.

Предпринять еще что-либо конвоиры были бессильны — паровоз дал последний гудок. Едва успели закрыть дверь, замотать накладку проволокой и вскочить на тамбурную площадку...

Уже далеко за полночь, но Скульский еще не сомкнул глаз. Правая рука его в кармане брюк, а в руке острый, с крепкой литой ручкой нож. Скульский ощущает прохладный металл и с благодарностью думает о них, тех товарищах, что так здорово сумели помочь. «Ведь подумать только — перед самым носом у конвоиров забросили мешок! Это нарочно рабочие подослали девушек к вагону перед самым отправлением. Молодцы!»

Кроме ножа, в хлеб была запрятана и небольшая ножовка, а в один из калачей — записка. «Смелее, товарищи! Знайте, что всюду у вас есть друзья!» — говорилось в ней.

«Смелее, смелее! — мысленно повторял Григорий. — Главное теперь — это уметь, осторожно подготовить всех двадцать восемь». Но на каждого ли можно рассчитывать, на каждого ли можно надеяться? Он, например, не уверен в Адаме Смотрише. Его посадили в вагон в Томске, однако в какой камере он был в тюрьме — никто не знал. Был он упитанный, с розовыми щеками — совсем не похоже, что жил на тюремной баланде. Что-то не так. Но провокатор ли?

Перед Иркутском Скульский затеял разговор о побеге. И что же? Когда большинство выразило согласие, Смотриш выдал себя. Он заявил, что категорически против, что идти на такое — это быть сумасшедшим. Заявление его многими было встречено в штыки, но молчавший до этого Сотников сказал:

— Смотриш прав. Надо бросить все это.

Когда же стали приближаться к городу, Скульский попросил товарищей:

— Не сводите с него глаз. Сделайте все, чтобы этот тип не мог переговорить с охраной. Он может выдать нас. Не отходите от него ни на секунду!

В Иркутске заключенных высадили и погнали в тюрьму. Но места на всех не хватило — и их снова погрузили в тот же состав. Во время погрузки Сотникову и Цибульскому удалось связаться с Андреем Петуховым. Он ехал во втором вагоне с надписью «КОМИССАРЫ». Сотников и Цибульский хотели посоветоваться о побеге, предложили сделать попытку освободиться всем эшелоном.

— Друзья, — ответил на это Петухов, — такая задача пока неразрешима. Если вы готовы — действуйте.

Следующая остановка была в Слюдянке, а когда эшелон двинулся дальше — в первом вагоне с надписью «КОМИССАРЫ» решили: побег больше не откладывать.

Их стало меньше на два человека — не двадцать восемь, а двадцать шесть. Один тяжело заболел, и его сняли в госпиталь, другой же — Иван Поваров — оказался счастливей всех, он уже на свободе! Случилось это так. Когда в Слюдянке всех повели в туалет, Поваров на обратном пути немного отстал, за что-то запнувшись. Его тотчас окружили, заслонили собой люди, пришедшие встречать эшелон. Как-то так получилось, что часовые не заметили этого, а при посадке в вагон не стали пересчитывать вернувшихся. Так и спасся Иван Поваров. Искренне радовались заключенные за товарища, теперь еще

больше хотелось и им избавиться от той трагической участи, которая ожидала их. Все двадцать шесть, даже Смотриш, выразили готовность бежать. Григорий Скульский, Ефрем Сотников и Клавдий Цибульский раскрыли план побега, сообщили, что уже удалось достать нож и ножовку.

А план был такой: прорезать доски в обеих дверях, в отверстия просунуть руку, раскрутить проволоку и вытащить болты. Прыгать надо было справа и слева по ходу поезда. Вот и весь план... Как будто прост и ясен. Но сколько в нем риска, дерзости, опасности! Есть ли шансы на его выполнение? Откровенно говоря — очень-очень мало. Люди понимали это. И шли на риск. Шли потому, что жаждали жить, жаждали продолжать борьбу с врагом.

Бежать решили в полночь — забайкальские ночи в это время еще безлунны и особенно густа тень от горных кражей. И вот двадцать шесть человек, сидя в полной темноте, ждут назначенного часа. Стучат и стучат колеса, летит и летит поезд. А еще быстрее летят мысли. Каждый думает о своем, каждый торопится поговорить, хотя бы в думах, с близкими сердцу. Поговорить и... попрощаться. Ведь не на прогулку готовятся — на поединок со смертью!

Григорий Скульский тоже молчит и тоже думает. Если б кто мог видеть в темноте его крупное мужественное лицо — каким нежным и грустным оно было... Перед его глазами вставали небольшая сибирская станция с коротким названием — Топки, низкий деревянный домишко и милые родные лица — отца, матери, братьев, жены, троих его детей, троих забавных малышей с льняными волосами и веселыми веснушками. Ах, малыши, малыши... Григорий проглотил подступивший к горлу комок, поспешил оторваться от воспоминаний. Не к чему размягчаться! Не он один имеет детей. Вон у Ефрема Сотникова их четверо, а у Иосифа Речицкого даже шестеро. Один одного меньше...

Скульский поднялся:

— Пора, товарищи дорогие!

Все встали.

— Прыгать будем по очереди, — сказал Сотников. — Придется кинуть жребий. Я приготовил.

Он зажег спичку, положил на пол кепку с номерами. Каждый вытащил свой жребий. Тринадцать человек справа и тринадцать слева по ходу поезда выстроились друг за другом по обе стороны вагона.

Начали прорезать обе двери одновременно. Правую попеременно резали Сотников, Скульский и Пестов, левую — Цибульский, Ильин и Бобров.

Вдруг Смотриш резко метнулся к стене, за которой находилась тамбурная площадка с конвоирами.

— Ре-е-жут, — кричал он, стуча кулаками, — режут две-е...

Федунов и Пестов подскочили к предателю и сшибли его с ног.

— Кляп ему в глотку! — приказал Сотников.

Дрожащего, с законопаченным ртом Смотриша оттащили от стены. Поезд по-прежнему мчался во весь опор, грохотали колеса — нечего было бояться, что шум в вагоне услышат часовые.

Работа шла успешно. И, главным образом, потому, что ночью, когда все спали, Скульский с Сотниковым и Цибульским наполовину прорезали доску. А никто об этом даже не догадывался!

Примерно через полчаса все было кончено. Хрустнули последние нити разрушенной древесины, в обеих дверях зазияли отверстия. Встречный ветер со свистом ворвался в них, обдав людей прохладой и густым хвойным ароматом.

— Приготовьтесь, друзья! — дрогнувшим от волнения голосом сказал Скульский.

— Смотриша в вагоне не оставлять! Откройте ему рот, пусть он, прохвост, тоже прыгает. Вытолкните его предпоследним.

Сотников и Цибульский раскрутили проволоку с наружных накладок и вынули болты. Двери медленно, как бы не веря тому, что они побеждены, раскрылись. Справа глядела на смельчаков дремучая тайга, слева с бешеной скоростью неслись горные отроги.

— В час добрый! — враз крикнули Сотников и Скульский.

Первым прыгнул в черную мглу ночи Гавриил Пестов. Через десять минут вагон был пуст.

С лихорадочно бьющимися сердцами люди лежали, припав к земле, слушая удаляющийся цокот колес. Остановится? Не остановится? Эшелон не остановился. Люди перевели дыхание.

Поднимались и шли. Окровавленные, в ссадинах, в синяках. Шли, как условились, назад от поезда.

— Эй, кто где есть, отзо-ви-и-ись!

Темень такая, что в ней, как в бездне, тонет все окружающее. Может, кто рядом с тобой, может, кто не в силах подняться и ждет твоей дружеской руки, а ты его не видишь...

— Эге-ге-е-ей!

— Сюда-а!

«Сюда-а-а!» — доносит эхо.

Это Скульский, это его голос. И все спешат на этот зов, спешат, как на маяк, который укажет путь к спасению.

Собралось десять человек. А где же остальные? Те, что прыгали влево по ходу поезда, могут найтись позже, они, наверно, собрались там, на своей стороне. Но где же трое из тех, кто прыгал в тайге?

Вдруг послышались шаги, донеслись слабые стоны. Это были Бобров и хакасец из Новониколаевска, совдеповец. Когда подбежали к ним — ужаснулись: у хакасса была содрана кожа с головы вместе с волосами, так неудачно он приземлился. Шаманский, врач по профессии, стал тут же оказывать пострадавшему помощь.

Итак, собралось двенадцать человек. Кого же нет тринадцатого?

— Иосифа Речицкого нет. Ре-чиц-ки-и-ий!

Врасыпную бросились искать. И потеряли, было, надежду найти товарища, как Гавриил Пестов закричал:

— Здесь он, здесь!

Оказывается, Речицкий выпрыгнул, когда проезжали небольшой мост над оврагом. Он и угодил на дно этого оврага. Вынесли Иосифа на руках. Шаманский, осмотрев его, успокоил всех — переломов нет, просто сильный ушиб.

Теперь надо было разыскать тех, кто прыгал влево. У дороги задерживаться было опасно, решили отойти в глубь тайги, обождать их там — так и уславливались. И вдруг послышались паровозные гудки, зазвучали голоса. «Солдат высаживают, облава!» — обожгла всех страшная мысль.

— Уходите в лес по одному, по два! — приказал Скульский, а сам остался возле Речицкого.

— Это ты из-за меня здесь, — сказал Иосиф, неподвижно лежавший под сосной. — Иди, спасайся!

Скульский опустился на землю рядом с товарищем и сжал его руку.

Вскоре их разыскал Пестов. Он помог Скульскому отвести больного к остальным. У костра грелись и те, кто прыгал по левую сторону дороги. Теперь, выходит, все в сборе! Никто не знал только, куда исчез Смотриш. Ну и черт с ним!

Когда взошло солнце, снова двинулись в путь. Разбившись на

несколько групп, шли тайгой по направлению к Слюдянке. Твердо верили, что именно оттуда придет к ним помощь.

Слюдянский телеграфист-подпольщик принял телеграмму: в ночь на 25 августа 1919 года между станциями Мурино и Выдрино Забайкальской железной дороги совершила побег большая группа красных комиссаров. Предлагалось немедленно поднять на ноги все карательные отряды.

На рассвете телеграмму уже обсуждали в Слюдянском подпольном комитете. По всей линии железной дороги от Слюдянки до Выдрино, по таежной чаще и горным отрогам были посланы подпольные пикеты. Они несли пищу, одежду, документы, по которым на некоторое время можно было уйти в подполье. Только через двенадцать дней напали на смельчаков. Они были измучены тяжелым походом по таежному бездорожью, ослабли от голода. Но все были живы, все после короткой передышки ушли в партизанские отряды.

Яков ЖИГАЛИН

Я видел Лазо

О Сергее Лазо написано немало, но я хотел бы дополнить его образ несколькими интересными штрихами.

В январе 1918 года наш 2-й Читинский казачий полк возвращался с Кавказского фронта в Забайкалье. Я — выборный командир полка — и член полкового комитета Д. С. Шилов зашли в Иркутске в Центросибирь — договориться о продвижении в Читу и узнать, что делается в Забайкалье. В военном отделе мы встретились с Лазо, Блюменфельдом и Зотовым. Лазо сразу же произвел на меня хорошее впечатление. Высокий, с небольшими подстриженными усиками, с мягкими чертами лица. Темно-карие глаза внимательно смотрели на собеседника. Справившись о настроениях казаков нашего полка и о наших намерениях, Лазо информировал нас о положении в Забайкалье.

— Обстановка в Чите очень сложная, — сказал он, — там верховодят эсеры и меньшевики, Советскую власть не признают. А из Маньчжурии выступил со своей бандой атаман Семенов и движется на Читу. Большевистская организация там слаба и не имеет за собой вооруженной силы, на которую могла бы опереться. Значит перед вами сразу же встанет большая задача — помочь читинским большевикам установить в Чите Советскую власть и дать отпор Семенову.

Заверив Центросибирь, что наш полк сделает все, чтобы выполнить эти задачи, и разрешив другие вопросы, мы с Шиловым вернулись в полк. И действительно, прибыв в Читу, полк выполнил первую задачу — под руководством читинских большевиков, совместно с читинской Красной гвардией, 16 февраля 1918 года в Чите была установлена Советская власть.

Но вторая задача оказалась не по плечу нашему полку, и для организации отпора Семенову Центросибирь направила в Читу Лазо. Мне снова пришлось встречаться с ним на заседаниях, собраниях, митингах. Лазо был хороший агитатор-массовик. Говорил он просто и убедительно, речь его всегда доходила до сердца слушателей.

Перед Лазо стояла трудная задача — организовать из отдельных

рабочих и казачьих красногвардейских отрядов боеспособную армию. И мне не раз приходилось видеть, как на площади в Чите Лазо руководил обучением рабочих-красногвардейцев элементарным военным знаниям. Лазо блестяще справился со своей задачей. С мая по июль 1918 года после упорных боев в Могойтуйе, Оловянной, Мациевской и Тавын-Тологое семеновские банды были изгнаны из Забайкалья. Лазо показал себя не только хорошим организатором, но и талантливым полководцем.

Особенно ярко эти способности Лазо проявились в бою при форсировании большой и быстрой реки Онон. Белые занимали высокие сопки на правом берегу и имели большое позиционное преимущество. Нашим войскам предстояло переправиться через реку под огнем противника. Переправочных средств почти не было. Железнодорожный мост был взорван, переходить по нему можно было с большим трудом, и то по одному человеку. Лазо вызвал добровольцев из Дальневосточной флотилии, тщательно изучил подступы к мосту и ночью с величайшей осторожностью начал переправу по мосту. Бесшумно были сняты вражеские часовые у моста, и началось накопление сил на правом берегу. На рассвете наша артиллерия открыла огонь по вражеским позициям. Главные силы переправлялись на нескольких лодках и плотах, а перешедшая по мосту ударная группа с криками «ура» бросилась вперед.

Удар был так неожидан и стремителен, что белые растерялись. Они открыли беспорядочную стрельбу, началась паника.

Большую роль в этом бою сыграл 1-й Аргунский полк красных казаков, переправившийся через Онон в пятнадцати верстах ниже Оловянной и ударивший в тыл противника одновременно с главными силами.

Это было большое сражение. С обеих сторон участвовало примерно по десять тысяч человек. Свой расчет на победу Лазо строил главным образом на героизме и революционном энтузиазме красногвардейцев. И этот расчет полностью оправдался. Белогвардейцы, несмотря на свои военные преимущества в виде хороших позиций и лучшего вооружения и техники, не смогли противостоять красным бойцам.

Особенно ярко запомнилась мне встреча с Лазо на Даурском фронте. В июле 1918 года наши войска прижали семеновцев к китайской границе. Белобандиты закрепились на горе Тавын-Тологой, вырыли окопы, сделали провололочные заграждения и считали свою позицию неприступной. Все подступы к горе были открыты и хорошо простреливались сверху. Восточной стороной гора примыкала к границе. Я со своим Зоргольским красногвардейским отрядом находился на левом фланге, примыкавшем к пограничной реке Аргуни. Лазо с утра приехал к нам и тщательно изучал местность, изыскивая подступы к позициям врага. Потом он выступил на митинге перед красногвардейцами и обсудил с командирами отрядов план штурма.

После совещания Лазо решил ехать к себе в штаб фронта, находящийся на станции Мациевская, и предложил мне поехать с ним, чтобы привезти для левофланговой бригады «Койзергаз» боевой приказ. Я охотно согласился.

Лазо ездил на старой, выдавшей виды машине.

— Какой дорогой ехать, — спросил шофер, — в объезд, по-за сопками, или прямо, к железной дороге?

Лазо взял планшет с картой и, рассматривая ее, рассуждал:

— Если ехать в объезд, это значит сделать крюк, лишних двадцать верст, и мы засветло не успеем доехать, а света у нашего «коныка» нет. Ехать прямо соблазнительно, но тогда придется ехать на

виду у противника, и нас могут обстрелять из артиллерии. Зато через два часа мы будем в штабе.

Лазо призадумался, потом, тряхнув головой, решительно сказал: — Едем прямо!

Шофер рванул машину, и мы покатили по узкой долине. Вскоре мы выехали из-за сопки, и слева от нас открылась Тавын-Тологой. Лазо взял бинокль, с которым никогда не расставался, и рассматривал позиции врага.

На горе блеснул огонь, раздался оружейный выстрел.

— Заметили,—сказал Лазо.

Через несколько секунд снаряд разорвался впереди нас, второй снаряд — сзади. Шофер нервничал и нажимал на акселератор.

— А неплохо стреляют. Взяли нас в вилку,—спокойно сказал Лазо. — Ты, Миша, едь не прямо, а зигзагами, чтоб не пристрелились. Да смотри, не переверни нас на повороте,—шутливо добавил он.

Остальной путь мы провели в разговорах. Лазо был интересным собеседником. Мы говорили о текущих событиях и мечтали о жизни по окончании войны. Лазо расспрашивал меня о настроении казаков. Я рассказал ему об организации своего Зоргольского отряда, о сопротивлении станичных богатеев, о классовой борьбе в забайкальской деревне.

Еще засветло мы приехали в штаб. Лазо вызвал начальника штаба Руссиса, и они засели за составление плана штурма.

26 июля 1918 года высота была взята, белые бежали в Маньчжурию.

Встречи с Сергеем Лазо оставили у меня неизгладимые воспоминания о нем, как о настоящем человеке, скромном, честном, беспрдельно преданном Родине.

Гурдарма ДАМБАЕВ

Наш Барагхан

(О некоторых социальных преобразованиях в улусе Барагхан)

Гурдарма Эрдынеевич Дамбаев прошел большой жизненный путь—был учителем и директором Барагханской школы, затем председателем и парторгом колхоза. По его инициативе были созданы известный в Бурятии барагханский народный театр, барагханский колхозный музей. Перейдя на заслуженный отдых, он начал вести научные исследования в области этнографии, истории, социологии. Труды его были замечены в Москве. Не случайно Г. Дамбаев был приглашен на VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

С большой любовью и уважением к своим землякам-баргузинцам он написал ряд статей на основе глубоких социально-экономических исследований, которые он проводил в своем улусе Барагхан. Предлагая вашему вниманию одну из его статей, мы хотим обратить ваше внимание на то, что свои социально-экономические исследования он проводит на редкость всесторонне, добросовестно. На вполне научной основе. Нам кажется, результатам его работы могли бы позавидовать некоторые научные экспедиции социологов и этнографов.

Статья печатается в сокращении.

Есть в Баргузинской долине гора Барагхан, воспетая в легендах и сказаниях. У подножия ее расположен мой родной улус, носящий имя одной из высших вершин Баргузинского хребта. Трудно точно сказать, когда впервые здесь поселились буряты. Но, как утвержда-

Юрты являются выходцами из Иркутской области, из верховьев реки Лены и переселились в Баргузинскую долину во второй половине XVIII века.

По местным преданиям они не пользовались войлочными юртами. Жили в теплое время года в летниках, а зимой переезжали в шести- и восьмиугольные юрты с конической крышей и отверстием в ней для прохода дыма. В середине такого жилища между вкопанными в землю тремя камнями находился очаг. Окон не было. Были лишь смотровые щели у каждой стены. Изнутри эти юрты подпирались четырьмя столбами — «тегги», крыши делались из балок и засыпались землей. Выход всегда был обращен на юг. Интересно, что распорядок дня определялся в зависимости от того, какая часть юрты освещалась через дымоход лучами солнца. Если солнце падало на середину юго-восточной стены, это означало пору вечерней дойки коров. Одним словом, это были своеобразные солнечные часы, которые регламентировали распорядок трудового дня.

Кроме юрты здешние буряты с давних пор знали жилища и постройки русского типа, с которыми они познакомились на западном берегу Байкала. Еще в начале XIX века они строили четырехугольные жилые дома с двух- или четырехскатными крышами, с окнами, наличниками и карнизами. Об этом говорят и данные лингвистики. До сих пор здесь говорят: «ород гэр» — русский дом, «сеениг» — сени, «харниз» — карниз, «налишник» — наличник.

Некоторые зажиточные буряты строили жилища смешанного типа путем пристройки к русской избе-трехстенке юрты с дымоходом и очагом. В таких домах юрта служила кухней, а изба — спальней.

Усадьба здешних бурят состояла из жилых и хозяйственных построек: жилого дома, амбара, сарая, хотона (стойки) и городьбы для скота. Обычно жилой дом строился отдельно от хозяйственных построек.

Каждый хозяин считал своим долгом ставить коновязный столб (сэргэ) и всегда на южной стороне усадьбы. В народе говорили: «Сэсэн хун сэргэдэ уяха, тэнэг хун тэргэндэ уяха» — (умный человек привязывает коня к столбу, а глупый — к телеге). Сэргэ имело также и ритуальное значение: первое сэргэ ставили при выборе новой усадьбы, а каждое новое ставилось либо по случаю свадьбы, либо при исполнении других семейных и религиозных обрядов. Считалось, что если сэргэ упадет по какой-либо причине, обязательно будет несчастье в этой семье.

У здешних бурят было много обычаев, верований и обрядов, связанных с жилищем. Например, на месте новой усадьбы устраивали молебны, брызгали араку (молочную водку) «святým духам» местности. Время новоселья обычно указывалось ламами.

Строго соблюдались ритуалы, связанные с культом огня. Например, во время свадьбы, невеста, впервые входя в дом своего мужа, бросала в огонь кусок мяса, как символ того, что она отныне становится членом рода своего мужа. Г. Цыбиков писал, что «на свадьбе невеста кланяется очагу родителей и оживляет огонь в знак того, что будет поддерживать огонь в юрте новой семьи, членом которой она становится».

Большинство бурят при царизме находилось в тяжелых жилищно-бытовых условиях. В жилищах беднейшей части населения было тесно, темно и сыро. Все это способствовало распространению социальных болезней и инфекционных заболеваний. Так, во время эпидемии оспы зимою 1908 года только одних зарегистрированных больных было 456 человек. А в 1912 году оспа унесла в Баргузинской долине более трех тысяч человек.

Коренные преобразования в жилищно-бытовых условиях жите-

лей Баргузина произошли только после Великой Октябрьской социалистической революции. Началось строительство многоквартирных домов с паровым отоплением. Село электрифицировано, радиофицировано, есть стадионы, сквер, пристань.

В последние годы в колхозе им. Ленина построена школа на 320 учащихся, здание народного театра на 300 мест, амбулатория, больница, детсад, два полевых стана с жилыми помещениями, красными уголками и столовыми, два клуба по 100 мест в селах Эласун и Хонхино, здание отделения связи, два типовых магазина, стадион и около 200 домов современного типа.

Колхозы и совхозы стали обращать большое внимание на строительство здравниц для отдыха колхозников и рабочих совхозов. В среднем ежегодно в каждом колхозе и совхозе отдыхают по 60—70 человек. Баргузинская долина исключительно богата целебными горячими источниками, не уступающими лучшим термальным водам юга нашей страны. Еще в середине 50-х годов колхозы бывшего Курумканского аймака на живописном берегу горной реки Гарга, где имеется горячий сероводородный источник, построили межколхозный дом отдыха на 100 мест. Совхоз «Дыренский» имеет хорошо оборудованный дом отдыха на 30 мест на берегу горной реки Алла, где также бьет горячий источник. В 1965 году колхоз им. Карла Маркса на живописном берегу реки Ины построил хороший дом отдыха на 50 мест, а колхоз им. Ленина — у барагханского холодного источника. В будущем колхозы и совхозы Баргузинского аймака намерены строить укрупненные дома отдыха и пансионаты.

Значительные изменения произошли не только в типах поселений, но и в самом жилище. Современный дом барагханца — это довольно просторное помещение с двумя или тремя и более комнатами. Одна из комнат служит кухней, а остальные — спальни и рабочие комнаты (кабинеты). Стремление иметь рабочую комнату, надо полагать, связано с тем, что в настоящее время значительно изменился социальный состав сельской семьи. Во многих семьях можно встретить учителя, агронома, зоотехника или партийно-советского работника, которые в силу своей профессии нуждаются в кабинете.

Теперь все чаще стали строить дома не из круглого бревна, как это было в старое время, а из бруса на бетонном фундаменте. Многие дома покрываются шифером, имеют карнизы, наличники с художественной резьбой.

Изменились и санитарно-гигиенические условия жилых помещений: новые дома имеют 6—7 окон и вентиляцию, а иногда застекленные веранды, мансарды.

Значительно улучшилась и внутренняя обстановка жилищ. Потолка стен и потолка, покраска пола, рам и колод стала традицией.

Теперь в обиходе нет самодельной мебели подобно старому жаблану (низкая деревянная койка). Почти все квартиры обставлены деревянными и письменными столами, стульями, диванами, комодами, шифоньерами и никелированными кроватками.

Вместо деревянной посуды появилась фаянсово-фарфоровая, стеклянная и металлическая. Появились радиоприемники, стиральные машины, холодильники, пылесосы и другие электроприборы бытового обслуживания. Пол чаще всего убран коврами, дорожками и различными половиками. Стены домов украшаются картинами, портретами, коврами и салфетками с разнообразными вышивками.

В Барагхане 139 семей-колхозников, 120 семей из них живут в двух- и трехкомнатных домах. Велосипеды и мотоциклы имеют 125 семей, швейные и стиральные машины 125 семей, репродукторы и радиоприемники — 139 семей. Современная усадьба бурята совершенно не похожа на усадьбу единоличника с ее сэргэ на видном мес-

те, многочисленными хотонами и амбарами. Теперь она имеет более благоустроенный вид. Почти у каждого дома имеются палисадники. Приусадебные участки возделываются под огородные и овощные культуры.

Однако в застройке села есть и недостатки. Не имея представления о современных проектах индивидуальных жилых домов, каждый строит, как может, по старинке, без научно обоснованных архитектурных проектов. Мало еще экономичных двухэтажных жилых домов со всеми коммунальными удобствами.

Не совсем удачно строятся в Баргузинском аймаке некоторые общественные здания, например, клубы. Из-за малой сцены, низкого потолка в них трудно ставить спектакли с массовками, балетные спектакли. Многие библиотеки не имеют читальных залов.

В программе КПСС сказано, что «постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями. В конечном счете по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравнится с городским».

К этому неудержимо движется и наш Барагхан.

* *

Семейный быт баргузинских бурят до Октябрьской революции характеризовался сложным переплетением феодальных и капиталистических отношений с пережитками патриархально-родового строя. Господствующей формой семьи была моногамная семья, хотя и не запрещалась полигамия. Состоятельные богачи имели до 4-х жен. Строго соблюдалась экзогамия, то есть брак между родственниками по мужской линии или внутри рода. Вплоть до 20-х годов существовал пережиток патриархально-родового строя — калым. Размер его зависел от состоятельности семьи, но в состав его обязательно входили: крупный рогатый скот, лошадь, одежда. Брак заключался после предварительного сватовства, не считаясь с желанием жениха и невесты.

Наряду с калымом бытовал институт приданого, куда входили скот, одежда и различные подарки. Старинная свадьба состояла из 3 циклов. Наиболее важными являлись сватовство, бракосочетание и свадебный пир.

Муж считался главой, хозяином и владыкой всей семьи. Женщина не пользовалась никакими правами. Невестка должна была трудиться под строгим контролем свекрови, безупречно выполнять ее требования. Молодые женщины работали от темна до темна. Вот что рассказывает 82-летняя жительница села Барагхан Д. Будаева.

— Коров доили на рассвете, затем начинали винокурение, вручную сбивали масло, пекали лепешки в золе. После этого мыли кожу, шили одежду или обувь. Затем наступала пора доения овец, после чего готовили обед, таскали воду или косили сено до вечерней дойки коров. Подоив коров, снова обрабатывали кожу, готовили ужин. И так все время изо дня в день, всю жизнь.

Однако бывали семьи (особенно среди неимущих), где супруги жили дружно. Помогали друг другу. Рождение ребенка считалось большим праздником, устраивали ариулган — праздник наречения имени.

Многие родители старались, чтобы их дети научились произносить чуждые им буддийские молитвы, пугали детей различными бохольдоями и шутхурами (чертями и дьяволами). Иногда старались

учить детей старомонгольской грамоте на грифельной доске или отправляли некоторых своих сыновей в буддийский монастырь, чтобы они стали хувараками, а затем ламами. Об учебе девушек и не думали. Многие бедные люди отправляли своих детей в няньки и прислуги к состоятельным родственникам.

Но несмотря на это, нельзя, конечно, сказать, что в старое время родители совершенно не занимались воспитанием своих детей. Родители придавали большое значение тому, чтобы научить детей трудовым навыкам. Уже с малых лет дети учились ухаживать за домашним скотом, заниматься пастушеством и рыболовством, заготовкой сена, дров и т. д. Хорошей традицией было то, что по вечерам детям рассказывались сказки, легенды, предания.

Такова была семейная жизнь в старое время. После Октябрьской революции в семейном быту баргузинских бурят произошли коренные изменения. Прежде всего женщина стала равноправным членом семьи и общества. Еще в начале 20-х годов партия, опираясь на делегатские собрания, женсоветы, избы-читальни, ликпункты, стала проводить большую политико-воспитательную работу среди женщин, особенно буряток.

Вспоминая события того времени, персональная пенсионерка, жительница села Барагхан Е. Я. Буруева, говорит: «Наиболее усиленную работу мы проводили против калыма. Выступали с политическими докладами и беседами о политике Советской власти в отношении малых народов, о равноправии женщин с мужчинами во всех областях семейной и общественной жизни. Проводили индивидуальные и групповые беседы о санитарии и гигиене, о реакционной сущности ламаизма и шаманизма...»

Однако коренные изменения в семейных отношениях принесла только коллективизация сельского хозяйства. Общественное богатство стало источником и основой благополучия современной семьи, материальное благополучие стало зависимым от участия всех членов семьи, в том числе и женщин, в общественном производстве. Так возник новый социалистический тип семьи. Понятие «глава семьи» стало принимать иной характер. Фактически главой семьи стал семейный совет в составе супругов и старших детей.

Женщины освободились от тяжелого труда, как выделка кожи, сапожное ремесло. Труд женщин облегчается не только тем, что государство обеспечивает население готовой одеждой и обувью, но и тем, что у нас хорошо поставлена гастрономическая торговля, создаются предприятия бытового обслуживания.

Большие изменения произошли в воспитании детей. Современная семья хорошо знает основные педагогические принципы воспитания. Многие дошкольники воспитываются в специальных детских учреждениях. В селах Алла, Барагхан, Баянгол и других имеются детские сады и ясли. Огромную помощь в воспитании детей оказывает государство. Многодетные матери аймака получают пособия от государства в среднем 283 777 рублей в год. Вот что рассказывает мать-героиня Д. Аханаева: «Самое большое счастье для родителей — дети. Я рада тому, что мои дети стали полезными для Родины. Виктор — связист, работает на Крайнем Севере, Владимир — инженер в Иркутске, Рима — учительница. Остальные учатся в школе. Трудно сказать, как я растила бы детей, если бы не огромная помощь государства».

За годы Советской власти возникли новые обычаи и обряды в семье и быту здешних бурят. Большую роль в этом деле сыграли законодательные акты Советской власти, запрещение калыма и прилюдного брака. Свободный брак, основанный на взаимном чувстве, имел большое значение в деле установления новых семейных

обычаев и обрядов. Свобода бракосочетания — наиболее отличительный признак современных брачных отношений. Из свадебных циклов остались только наадан (проводы невесты) и хурим (свадьба в доме жениха). Характерной особенностью современной свадьбы является то, что в ней активное участие принимают не только родственники, но товарищи жениха и подруги невесты, а также общественные организации.

В советский период появилось много новых обычаев и обрядов. Тем не менее еще сохранились обычаи и обряды, связанные с религиозными и патриархально-родовыми пережитками. До сих пор кое-кто продолжает посещать молитвенные дома (дацаны), иметь бурханов, приглашать служителей культа для исполнения отдельных обрядов, в частности похоронных. Имеются случаи поклонения местным духам (бариса, обоо) и соблюдения в некоторых семьях патриархально-родовых обычаев. Весьма живучим оказался культ огня и различных эжинов (хозяев-старцев).

Религиозность людей выражается и в суевериях. Слепая вера в разные приметы, сны и гадания, а также преклонение перед колдовством и знахарством — все это еще бытует у некоторых людей.

Однако за последние годы среди верующих произошли значительные сдвиги и изменения. Сейчас почти нет фанатиков религии. Многие старики и пожилые люди справляют религиозно-бытовые обряды в силу традиции, как бы по инерции. Есть и такие верующие, которые открыто не соблюдают религиозные обряды, но в душе остаются верующими. Одним словом, в настоящее время наблюдаются различные формы и степени религиозности. Антирелигиозную пропаганду следует вести именно с учетом этих особенностей.

Видное место в дореволюционное время занимали различные религиозные праздники, проводимые при дацанах. Здесь собирались сотни людей. Многие люди ездили туда часто не из-за соблюдения религиозного долга, а ради развлечения, общения с людьми дальних улусов. Во время религиозных празднеств устраивались различные состязания — скачки, бурятская борьба, стрельба из лука и т. д. Интересно проводилось празднование цагалгана (праздник белого месяца) — бурятского Нового года. Одним из самых популярных народных праздников был и спортивный праздник байхарбан (праздник стрельбы из лука). В Баргузине в отличие от других районов Бурятии эти праздники называли не сурхарбан, а байхарбан. Разница между ними заключалась в том, что мишенью при сурхарбане служила гунка, т. е. круглый кожаный мешок, набитый шерстью, а при байхарбане — кошма длиной до 2-х метров и шириной до 1.5 метра. На верху этой кошмы втыкали так называемый бухэг — кисточку, сделанную тоже из кошмы. Расстояние от места стрельбы до цели равнялось при сурхарбане 30 тетивам, а при байхарбане — 60 тетивам, или около ста метров. Таким образом, байхарбан — разновидность сурхарбана: каждый участник-стрелок стрелял 8 раз. Результаты соревнования выводили по количеству попаданий в цель. Очень часто во время байхарбана устраивали и такие спортивные состязания, как конные скачки, бурятская борьба, бега и т. д.

Таковы некоторые стороны дореволюционного общественного быта здешних бурят.

* * *

Победа Великой Октябрьской революции определила глубокие преобразования в общественной жизни бурят. Огромная политико-воспитательная работа нашей партии и нашего правительства, деятельность ревкомов, комитетов бедноты, комсомола и женских органи-

заций привели к невиданной в истории политической активности самых широких масс трудящихся.

Основой развития культуры и общественного быта, как известно, является народное образование. По переписи 1897 года грамотных среди забайкальских бурят было всего 8,4%. Но зато вместо образования и культуры широко насаждалась религия: до революции здесь было 44 дацана, 326 церквей.

Такая же картина была и в Баргузинском крае. В первую очередь по инициативе феодально-родовой знати здесь еще в середине XIX века был открыт дацан (буддийская церковь). Никаких очагов культуры не было. Газеты и книги не распространялись. Народ находился в темноте. Только в 1844 году в селе Улюне была открыта первая русско-монгольская школа. Развитие товарно-денежных отношений требовало подготовки грамотных людей для обслуживания сферы торговли и местного аппарата. Появились первые школы: в 1908 году — в Харгане, в 1910 году — в Ине, в 1916 году — в Дырене, в 1917 году — в Мургуне, Харамодуне, Аргаде и Гарге.

Только Великая Октябрьская революция открыла для всех народов нашей страны светлый путь к образованию, к вершинам науки и техники. 27 декабря 1919 года был издан декрет СНК об охвате обучением всего населения в возрасте от 8 до 50 лет.

В свою очередь правительство БМАССР принимает необходимые меры по налаживанию народного образования. В резолюции первого съезда Советов Бурят-Монгольской АССР по докладу Народного комиссариата просвещения БМАССР было записано: «Признать в условиях бурят-монгольской действительности дело народного образования задачей первоочередной и заслуживающей особого внимания как со стороны центральных и местных органов власти, так и всех трудовых масс республики».

С этого периода началось поистине народное движение за ликвидацию неграмотности, открываются кружки и школы ликбеза, избы-читальни и клубы. Избы-читальни, по существу, были первыми народными университетами в бурятских улусах, так как здесь люди не только учились грамоте, но и слушали различные доклады и беседы в политике коммунистической партии, о жизни и деятельности В. И. Ленина.

Разнообразная и содержательная политико-массовая работа, проводимая сельскими коммунистами, комсомольцами и активистами, имела огромное значение в деле обогащения духовной жизни трудящихся. Именно в этот период идет процесс массового отхода от религии. Многие перестали посещать дацаны, приглашать лам и шаманов для совершения религиозных обрядов, стали убирать бурханы, иконы, реже выполнять религиозно-бытовые обряды.

Массовая коллективизация, создание общественной собственности и коллективный труд внесли коренные изменения в общественную жизнь сельского населения. Колхозный строй открыл перед трудящимися крестьянами невиданный простор для проявления своих духовных и физических сил. В каждом колхозе появляются свои агитаторы и лекторы, больше стали обращать внимание на пропаганду естественно-научных знаний. В улусах уже работают водители и трактористы, зоотехники и агрономы, которые сыграли большую роль в деле коренного преобразования не только материальной, но и духовной культуры сельского населения.

В 30-х годах идет бурное развитие советской социалистической культуры в деревне. Впервые в бурятских улусах открываются школы колхозной молодежи, а затем неполные средние и семилетние школы, стали функционировать кинопередвижки, появляются газеты и журналы.

В связи с этим интересна история создания районной газеты «Баргузинская правда». Вспоминая этот период, бывший член редколлегии, член партии с 1922 года, П. Эдинг пишет: «В начале марта 1930 года в айкоме ВКП(б) собралась группа активистов. Разговор шел об усилении массово-политической работы среди населения, говорили о важности печати в этом деле. Кто-то высказал мысль о создании в Баргузине районной газеты. Но где взять бумагу, печатную машину, шрифт, деньги и т. д. В это время в деревне Толстихино проживал гражданин Нодельман, имевший небольшую типографию. Мы обратились к нему. И вот 25 марта 1930 года вышла первая в Бурятии районная газета под названием «Баргузинская правда», имеющая формат $\frac{1}{8}$ печатного листа на шести страницах».

Среди населения проводилась большая оборонно-спортивная работа особенно по линии Осоавиахима. Различные военизированные сборы, массовая подготовка значкистов БГТО, ГТО и ГСО внесли большой вклад в дело воспитания советского патриотизма среди колхозного крестьянства. Большое развитие в этот период получает и художественная самодеятельность. Инициаторами организации художественной самодеятельности выступали местные учителя, комсомольцы и активисты. Им же приходилось сочинять пьесы, исполнять в них роли и быть режиссерами-постановщиками.

В этом отношении характерна история Барагханского народного театра. Еще в начале 30-х годов сельский учитель, страстный любитель искусства, ныне заслуженный работник культуры Бурятской АССР Р. Ешонов, основал маленький драматический коллектив из любителей сцены своего улуса. Упорная работа всего коллектива над повышением своего культурного и профессионального мастерства помогает овладевать самыми разнообразными жанрами искусства.

Коллектив данного народного театра в настоящее время сумел осуществить постановку таких крупных драматических произведений бурятских драматургов, как «Будамшу» Ц. Шагжина, «Сердечная рана» Д. Батожабая и «Соелма, Батошулун» Ч. Генинова. Артист-любитель театра Ц. Очиров, кузнец по специальности, говорит: «Мы стараемся довести до зрителя героiku наших дней. Иногда нам бывает трудно: приходится не только играть на сцене, но и одновременно быть гримерами, реквизиторами, костюмерами и рабочим сцены».

Социалистическое соревнование, охватившее сотни и тысячи людей, было совершенно новым явлением в общественной жизни улуса. Оно воспитало целую плеяду замечательных тружеников и организаторов колхозного производства. Например, крестьянка из улуса Элзун Д. Мандарова еще в 1928 году вступила в партию, училась в системе ликбеза, была одним из первых организаторов колхоза в своем улусе, активно участвовала в ликвидации кулачества, работала бригадиром, заместителем председателя колхоза и председателем сельсовета. Типичен в этом отношении и путь крестьянки из Гарз Ц. Базаровой, которая прошла сложный путь от простой бурятской девушки до председателя крупного колхоза. Таких примеров можно привести очень много. В 1948 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1948 года были удостоены почетных званий Героев Социалистического Труда десять тружеников сельского хозяйства аймака, многие колхозники и колхозницы были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Исторические решения XX, XXII и XXIII съездов партии внесли огромные изменения в общественную и культурную жизнь, определили новый подъем в политическом и духовном развитии всего советского народа. В Программе КПСС сказано, что «от культурного роста населения в огромной мере зависит подъем производительности

сил, прогресс техники и организация производства, повышение общественной активности трудящихся, развитие демократических основ самоуправления, коммунистического перестройства быта».

От XXII до XXIII съезда партии прошло не многим более четырех лет, но за это время произошли грандиозные изменения в жизни колхозного села. Механизация и машинизация колхозного производства стали предъявлять большие требования к знаниям и общей культуре колхозников и рабочих совхозов, вызывая этим самым их заинтересованность в повышении образования. Об этом говорят данные об изменении общеобразовательного уровня членов колхоза им. Ленина в возрасте от 16 до 50 лет за 1950—1964 годы (в процентах):

Образование	1950 г.	1964 г.
1—2 класса	28,2	4,8
3—4 классы	50,1	43,8
5—7 классов	20,3	36,8
8—9 классов	1	9,3
10 классов	0,2	3,1
Среднее специальное	0,2	1,8
Высшее	—	0,5

Из таблицы видно, что число колхозников, имеющих начальное образование, резко сократилось, а имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование выросло в несколько раз. Рост общеобразовательного уровня членов колхоза идет в основном за счет механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

Сейчас в Баргузинском аймаке 9 средних, 9 восьмилетних и 15 начальных школ, в которых обучается около 12 тысяч учащихся и работает более 600 учителей и воспитателей.

Огромную роль в общественной жизни трудящихся стали играть культурно-просветительные и общественные организации. В аймаке имеются 4 дома культуры, 15 клубов, три красных чума, одна красная юрта и один передвижной клуб. В аймаке работают три самодеятельных театра: Барагханский, Баянгольский и Дыренский.

Спорт прочно вошел в общественный быт сельского населения, особенно молодежи. Почти в каждом колхозе и совхозе имеются площадки и залы, где молодежь регулярно занимается различными видами спорта. Например, кузнец совхоза «Дыренский» М. Максимов был чемпионом БурАССР по вольной борьбе, а житель села Курумкан Д. Эрдыниева стал мастером спорта СССР. Значительное место в подлинности общественного сознания трудящихся занимает периодическая печать. Почти каждая сельская семья выписывает газеты и журналы. Например, около 130 дворов села Эласун получает более 500 названий газет и журналов.

Достоянием широких народных масс стали и такие величайшие достижения современной науки и техники — кино и радио. Впервые в Баргузине кино появилось в 1927 году, а радио — в 1928 году. В настоящее время в аймаке имеется около 60 киноустановок, в том числе 50 стационарных. Только в 1966 году кинофильмы просмотрело около миллиона человек. Радио прочно вошло в быт сельского жителя. Недаром сейчас в народе говорят: «Радигуй айл — дулии» (без радио — семья глуха).

Видную роль в общественной жизни стали играть женщины. В аймаке работают учительницами более 400 женщин, в том числе 5 заслуженных учителей РСФСР и более 30 отличников народного

образования, более 200 женщин работает в медицинских учреждениях и более 40 женщин трудятся в колхозах и совхозах в качестве специалистов сельского хозяйства.

Баянгольская доярка Ц. Бальжинова была депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва, чабаны Ч. Будаева, Б. Бадмаева и Ш. Цыремпилова — депутатами Верховного Совета БурАССР, а среди депутатов аймачного и сельского Советов около 150 женщин. Прошедший XXIII съезд партии еще больше поднял трудовую и политическую активность народных масс. В настоящее время в аймаке более 100 коллективов, ферм и гуртов борются за звание коллективов коммунистического труда, около 400 передовиков производства носят высокое звание ударника коммунистического труда.

Здесь затронуты лишь некоторые стороны тех великих преобразований, которые произошли в улусе Барагхан и Варгузинской долине за годы Советской власти. Подобные преобразования свершились не только здесь, но и во всех других районах республики.

В бурятской деревне сложился новый тип крестьянина — строителя коммунизма, который является не рабом частной собственности, а полновластным хозяином общественного производства. У современного крестьянина совершенно иной духовный облик, чем у старого, забитого нуждой, темного и неграмотного скотовода. Нынешний крестьянин отличается от старого скотовода своим образованием, высокой общей культурой.

Высокая политическая сознательность, чувство коллективизма и товарищества, глубокая преданность великому делу строительства коммунизма — вот отличительные черты современного труженика села.

За высокую идейность литературы

Наше время характеризуется небывало острой борьбой между отмирающим старым и развивающимся новым. Эта борьба охватывает все стороны жизни современного общества. Она сказывается и в жизни каждого отдельного человека, накладывая свою печать на любые проявления личности. Это столкновение наиболее зримо происходит в области литературы и искусства. Буржуазные идеологи хорошо понимают, какое значение имеет для современного человека живое проникновенное слово писателя, его умение донести до читателя свои взгляды и убеждения, заставить поверить в них, а, следовательно, оказать серьезное влияние на формирование человека, воспитание в нем тех или иных мировоззренческих и художественно-эстетических представлений.

Острым нападкам непрерывно подвергается искусство социалистического реализма. Делаются отчаянные попытки дискредитировать и разрушить его основные принципы, выраженные в бескомпромиссном партийном отношении к явлениям действительности, верном служении своему народу. Многие идеологи современного буржуазного общества выдвигают различные теории так называемого «чистого искусства», об «обновлении искусства», охотно рассуждают о некоем «едином мировом литературном потоке» и т. д. Они сулят новые открытия в области экспрессионизма, абстракционизма, сюрреализма и других модернистских течений в буржуазном искусстве. Все эти теории и течения преследуют одну цель — любой ценой вызвать недоверие к творческим принципам социалистического реализма. Буржуазные писатели настойчиво утверждают, что предметом искусства является не правда жизни народа, а субъективный мир художника, свободный от каких-либо принципов и политических убеждений. Искусство, уверяют они, является областью подсознательной, интуитивной деятельности.

Враги социалистического реализма смысл творческого процесса видят в самонализе, в выражении сугубо личных настроений, независимых от общества и его интересов. Их цель — увести людей от реальной действительности, от понимания ее сущности. В то же время делается все для того, чтобы принизить человека, до предела сузить его интеллектуальный, духовный мир, оставив за ним лишь право на жизненные инстинкты и рефлекторные действия, не способного не только переделать мир, но даже просто осмыслить его.

Конечно, буржуазные идеологи и не рассчитывают на то, что им удастся завоевать симпатии советских людей, полностью привлечь их на свою сторону. Они не раз имели возможность убедиться в нереальности подобных расчетов. Их расчеты в идеологической борьбе опираются на национальный эгоизм, религиозные предрассудки и даже на обыкновенные человеческие слабости, на пережитки собст-

веннической идеологии в сознании, быту и поведении людей. Нельзя сказать, что на этом поприще буржуазные пропагандисты действуют безуспешно и терпят сплошные неудачи. К сожалению, у нас есть еще отдельные неустойчивые люди, которые не всегда обнаруживают достаточную стойкость при столкновении с чуждыми для нас взглядами и идеями.

Все знают, какую радость вызывают у наших противников случаи, когда у нас появляются неполноценные в идейном отношении произведения, поверхностно и односторонне отображающие историю и развитие советского общества, нашу сегодняшнюю действительность, когда некоторые авторы то ли по недомыслию, то ли по каким-либо другим причинам в качестве героев выдвигают персонажи, у которых проявление духовной эрозии выступает чуть ли не главной чертой, определяющей склад их мыслей и логику их действий.

Понятно, что именно такие произведения, в которых отсутствует четкость идейно-художественных критериев, ясность классово-политической позиции художника, привлекают к себе внимание враждебной пропаганды. Вокруг них, как правило, появляются в буржуазной печати хвалебные рецензии, отзывы, цель которых—доказать «правоту» автора, выдать его таким «смелым выразителем» мнения советского народа, скажем, молодежи, интеллигенции, а в конечном счете как-то скомпрометировать наши успехи и достижения.

В этой связи бросается в глаза вызывающее поведение китайских пропагандистов, ведущих ныне оголтелую кампанию против лучших представителей советской многонациональной литературы и искусства. Послушно выполняя указания Мао Цзэ-дуна и его клики, китайские литературоведы злобно клеветают на Михаила Шолохова, Константина Фелина, Георгия Маркова. Особенно ожесточенно они нападают на видных писателей из братских республик—Чингиса Айтматова, Георгия Ходжера и других, которые в своих произведениях прославляют нерушимую дружбу народов СССР, их братство, ленинскую национальную политику, проводимую КПСС.

Позорные действия организаторов так называемой «культурной революции» в Китае, готовых в пылу националистического угара отказаться не только от памятников мировой культуры, но и от своего собственного наследия, вызывает у всех честных людей чувство гнева и отвращения.

В дни, предшествующие IV съезду, писатели нашей страны внимательно рассматривали этапы пройденного большого пути между съездами. Состоялись творческие конференции молодых писателей—смог растущих дарований. Конференция молодых и начинающих писателей была проведена также и в Бурятии. Участники этого интересного собрания единодушно выразили свое горячее стремление создавать художественные произведения, яркие и значительные по своему идейному содержанию, достойные советского народа, эпохи строителей коммунизма.

Союз писателей Бурятской АССР насчитывает в своих рядах 40 членов Союза писателей СССР, произведения которых известны далеко за пределами республики. Кроме того, работает свыше 60 активных писателей, не являющихся членами Союза, в преобладающем большинстве молодых, имеющих на своем творческом счету по две-три книги.

Ежегодно свыше 300 печатных листов, т. е. треть всего издательского плана республики, отводятся для печатания художественной литературы. К услугам наших писателей предоставлены также журналы «Байкал» и «Байгал», страницы республиканских и районных газет. Охотно издают произведения наших авторов и центральные издательства в Москве, Ленинграде, Новосибирске.

Отрадно, что литературная самодеятельность становится все более заметным явлением в культурной жизни республики. В Улан-Уде, Хоринске, Кяхте, Кырене, Еравне при редакциях районных газет, в школах, заводских и сельских клубах организуются литературные объединения и кружки, охватывающие десятки самодеятельных авторов, ведущих нужную и плодотворную работу. Творчество молодых литераторов занимает все более прочные позиции в литературном ансамбле. Их голоса крепнут, все более приближаясь к тому заветному рубежу, именуемому писательским мастерством. Заметно выросло творчество Анатолия Щитова, Доржи Эрдынеева, Владимира Петонова, Владимира Митыпова, Кима Цыденова и других, внесших свежую и заметную струю в литературную жизнь республики.

Общественность вправе ожидать от творческой молодежи создания интересных высокохудожественных произведений, правдиво и глубоко отражающих нашу социалистическую действительность.

Однако процесс возмужания молодых, их выход на широкую аудиторию не всегда проходит гладко и безболезненно. Случается, что молодой поэт или прозаик, неплохо заявивший о себе вначале, вдруг сбивается с правильно взятого тона и начинает фальшивить, терять непосредственность восприятия, небрежно относиться к выбору изобразительных средств. В результате появляются слабые в идейно-художественном отношении произведения, в которых очевидна неряшливость в мыслях и образах, торопливость. Одна из причин, на наш взгляд, состоит в том, что некоторые авторы, написав две-три неплохие книжки и удостоившись лестных для себя характеристик, вроде «способный», «одаренный» и даже «талантливый», уже считают себя вполне сформировавшимися писателями, успокаиваются на достигнутом, перестают работать над повышением своего мастерства. После этого нередко у молодого писателя начинается полоса творческого застоя, вызванная истощением запаса жизненных наблюдений и знаний, личного опыта, которые в свое время он вложил в первые литературные пробы. Положение еще более усугубляется, если автор стремится к ранней профессионализации. Чаше всего это приводит к отрыву от производственного коллектива, от товарищеской среды, к обособлению. Слабое знание особенностей художественного творчества, недооценка трудностей, лежащих на пути профессионального литератора, — вот основа этого довольно распространенного заблуждения. В конечном итоге, все это уводит еще неокрепшего автора в мир сугубо личных переживаний и субъективизма. Общеизвестно, что только сама жизнь во всем ее многообразии, бурном водовороте событий служит тем неиссякаемым источником, который насыщает художественные произведения яркими образами, достоверными фактами, дает пищу для творческого размышления, делать какие-то выводы и обобщения.

Писатели старшего поколения обязаны терпеливо помогать литературной молодежи, оберегать их творчество от мелкотемья, поверхностного отображения действительности, помогать быстрее найти себя, содействовать развитию в них самообытности. В настоящей статье не хотелось бы называть конкретные имена отдельных молодых писателей, допустивших те или иные творческие просчеты, так как среди них есть по-настоящему способные люди, которые, очевидно, найдут в себе силы преодолеть пишущиеся ошибки и неверные представления.

В арсенале идеологических средств по воспитанию нового человека одним из основных, безусловно, являются литература и искусство. Огромное воспитательное значение литературы проявляется в активном вмешательстве в мир человеческого сознания, его душевных переживаний, в детальном анализе сложной гаммы его чувств, специфическими художественными средствами проследить ту цепочку событий и фактов, приведших героя к позиции, когда наиболее четко обнаруживаются его положительные и отрицательные стороны и т. д.

Вместе с тем, произведения советских писателей проникнуты глубоким чувством уважения к человеку, его духовным качествам. Отказ от нормативно-схематического изображения человека вообще, стремление показать его всесторонне, во всей внутренней полноте, является едва ли не самой характерной чертой современной бурятской литературы, становится одной из ведущих тенденций в ее развитии.

Очевидно для всех, что у отдельных членов нашего общества в силу различных причин складываются неправильные понятия и взгляды на жизнь, общество, значение человека. Мы не можем закрывать глаза на неисжитые еще факты серьезного отступления от общественных норм поведения и морали, нарушения принципов социалистического общежития. Поступки людей настолько же многообразны, насколько различны их характеры, взгляды и убеждения. Человек может проделывать нужную работу, заниматься общественно-полезной деятельностью и неожиданно для всех — совершать те или иные поступки. Порой они совершаются человеком неосознанно, безотчетно, в силу его низкой политической сознательности, малой культуры. В общем, человек может совершать ошибки, заблуждаться и тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, но в целом он, человек, безусловно «нашенокский», советский,

преданный своему народу, готовый отдать за него не только все силы, но если потребуется, то и свою жизнь.

Гражданский долг писателя состоит именно в том, чтобы при описании сложных явлений жизни показывать читателю, что в извечной борьбе между добром и злом, возвышенным и низменным, в процессе преодоления трудностей и противоречий человек постепенно освобождается от темных пятен, у него выковывается характер человека-строителя коммунизма, воспитывается вера в торжество разума и правого дела.

Гуманистическая миссия художественной литературы заключается не в борьбе против плохого человека, а в борьбе за преодоление недостатков в человеке, в борьбе за человека, за победу в нем лучших черт и качеств. В этом и заключается особенность социалистического гуманизма, его жизнеутверждающий оптимизм, вера в человека, воспитание характеров. Но это вовсе не значит, что можно снижать накал гражданского гнева против лиц, ведущих антиобщественный образ жизни: эгоистичных хулиганов, расхитителей общественного добра, тунеядцев, пьяниц и прочих. Напротив, они должны быть развенчаны со всей силой художественного слова, убедительно, без смакования и шараханий из одной крайности в другую. Никому не дано право из единичных, отрывочных фактов делать широкие обобщения и выводы, пытаться типизировать их, создавать мрачную и искаженную картину наших дней.

В советской действительности, на фоне огромных социально-экономических и культурных преобразований в среде многомиллионной массы трудящихся, проявление пережитков прошлого выглядит лишь досадными темными пятнами, о которых надо резко говорить и остро писать.

На IV съезде писателей СССР справедливой и принципиальной критике подверглись редакции некоторых журналов, на страницах которых все чаще стали появляться в качестве героев не просто отдельные малоинтересные люди, а целая вереница расслабленных и расхлябанных молодых людей, ведущих пустой и бессодержательный образ жизни, иронически относящихся к людям труда, к пафосу созидания.

В отдельных произведениях в качестве положительных героев подвизаются просто морально опустившиеся люди. И эти вульгарные «герои» кое-где стали заслонять подлинных современников, героев ратных и трудовых подвигов, разумом и трудом которых воздвигается фундамент коммунистического завтра. Кое-кем были пушены в ход и соответствующие теоретички о правомерности описания жизни «маленького человека», тезис «о заурядных сереньких образах», незначительных чувствах и переживаниях.

Действительно, советскому читателю трудно себе представить литературное произведение без положительного героя, без таких его черт, как жизнелюбие, глубокая вера в людей, преданность своему делу, чувство коллективизма, постоянный поиск нового, интерес к окружающему и т. д., на примере которого можно учиться жить, воспитывать молодое поколение строителей коммунизма.

Понятно, что нет нужды преувеличивать указанные отрицательные явления в нашей литературе, также как и ошибки отдельных писателей, выдавая чуть ли не за сознательную попытку «протащить в советскую литературу аполитичность и безыдейность», тем более было бы неверным утверждать, что наша творческая молодежь вдруг оказалась «уведенной с дороги социалистического реализма». Каждому ясно, что это не так. Однако мы не можем допустить того, чтобы под лозунгом этойкой «гражданской смелости», проявленной некоторыми молодыми писателями, или показа «правды, как бы ни была она горька», критика отдельных отрицательных сторон переходила ту грань, за которой начинается критиканство, попытка дать одностороннюю и негативную оценку нашей действительности, не говоря уже о том, что подобные литературные «произведения» не представляют никакой ценности для искусства.

Нельзя забывать, что подлинная победа одерживалась и одерживается на пути последовательного развития социалистического реализма. Об этом красноречиво свидетельствуют произведения советских писателей, в том числе и бурятских, отобра-

жающих характерные черты нашего времени и активно помогающих делу коммунистического строительства.

Неоспоримые успехи бурятской литературы показывают, что жизнь советских людей неотделима от жизни общества, что наша героическая эпоха воспринимается каждым советским человеком как история его собственной жизни.

Последние два десятилетия были отмечены большой активностью бурятских писателей, изданы десятки интересных книг, завоевавших признание у читателей.

Многие рассказы, очерки и повести, изображающие события периода становления Советской власти, Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, обращены к темам современности, перекликаются с сегодняшним днем, выдвигают актуальные вопросы. Если к этому прибавить исторические и научно-фантастические произведения, то мы можем получить общее представление о тематическом многообразии бурятской прозы, поэзии и драматургии. Можно с удовлетворением отметить, что на сценах Тувы и Хакасии, Якутии и Татарии, Калмыкии и Монгольской Народной Республики, Львова и других городов идут пьесы «Будамшу», «Первый год», «Черт в сундуке» Ц. Шагжина, балет «Красавица Ангара» (либретто Н. Балдано). Романы, повести и стихи наших писателей переведены на многие языки народов СССР, зарубежных стран (немецкий, венгерский, польский, чешский, монгольский).

Вспомним романы «Хилок наш бурливый» Б. Мунгонова, «Поющие стрелы» А. Бальбурава, «Вдали от родных степей» Ч. Цыдендамбаева, «Есть ли счастье?» Д. Батожабая, «Последнее отступление» И. Калашинцева, «Перевал» Ж. Балдан-жабона, а в области поэзии «Имя отца» Н. Дамдинова, произведения Д. Жаясарасва, Ц.-Ж. Жимбиева, Ц.-Б. Бадмаева и других и сразу наглядно представляем все богатство и многообразие бурятской литературы.

Значительные сдвиги в бурятской литературе произошли, конечно, не вследствие какого-то стихийного процесса, они явились закономерным процессом развития советской литературы в целом, бурятской, в частности.

Известно, что за последнее десятилетие в жизни советского народа произошли события огромной важности, которые по-новому поставили решение многих вопросов, выдвинули целый ряд проблем не только в области экономики, социальной структуры, общественных отношений, но и перед культурой, в том числе и художественной литературой и литературной критикой. Из событий этого периода, прежде всего, это решения XX съезда КПСС, осудившие культ личности и его последствия и создавшего наиболее благоприятные условия для творческого развития всей нашей многонациональной советской литературы. В эти годы возросла общественная значимость художественной литературы и искусства. Многие острые и сложные, противоречивые явления жизни, которые в прошлом или замалчивались, или подменялись подкрашенными иллюзиями, лакировкой,—нашли свое выражение в произведениях ряда бурятских писателей. Не менее важное значение для развития литературы имеют принятые Центральным Комитетом КПСС меры по восстановлению ленинских, научных методов в руководстве народным хозяйством, в активизации всех форм и средств идеологической работы, направленные на подъем творческого энтузиазма трудящихся масс. В области искусства и литературы были приняты меры, осуждающие мелочную опеку и администрирование, субъективизм в оценке художественных произведений. Благотворно сказалось это и на нашей бурятской литературе.

Вместе с тем партия, придавая большое значение советской литературе, всегда призывает писателей глубже постигать закономерности и природу нового времени. Быть в гуще жизни народа, знать его нужды и чаяния, создавать правдивые образы наших людей. Вот почему проблема современности и показ человека труда становится основной темой бурятской литературы последних лет, мерилом ее жизненности и общественного значения. Еще в 30-х годах М. Горький говорил, что главным героем наших книг должны стать труд и человек труда. В этом созидательном, героическом труде, преобразующем психологию людей, ломающем устаревшие обычаи и нравы, М. Горький видел подлинную поэзию жизни. Такие представители бурятской литературы как Чимит Цыдендамбаев и Африкан Бальбурав, Даширабдан Батожабай и Цырен-Дулма Дондокова, Николай Дамдинов и Гунга Чимитов в своих произведениях образно и ярко показывают судьбу народа, проделавшего за полуве-

ковой период Советской власти путь развития от полукочевой и отсталой народности до уровня одной из передовых социалистических наций.

Одной из главных причин, объясняющей механизм поступательного движения бурятской литературы, следует считать значительно возросший уровень культуры народа, а следовательно, более повышенное требование, предъявляемое идейно-художественной стороне литературных произведений, их качеству.

Нелегко и сложен труд писателя, особенно в наше время, — время больших свершений, героизма и пафоса, но зато и почетна его роль «инженера человеческого духа», который должен удовлетворить взыскательным требованиям читателя, интеллектуально развитого, с достаточно зрелыми художественно-эстетическими вкусами. с самостоятельным суждением о достоинствах и недостатках произведения. Все это заставляет писателя постоянно искать и находить новые, более выразительные средства художественного отражения, оттачивать и отшлифовывать свое мастерство, с исключительной придирчивостью относиться к своему творчеству. И большинство бурятских писателей сознают это, вполне понимают гражданскую, партийную ответственность перед читателями, перед народом. И тем горше мысль о том, что есть у нас писатели, которые выступили в свое время авторами неплохих произведений, а потом, с годами, начинают утрачивать это драгоценное чувство ответственности за свое творчество — в результате происходит досаднейшая метаморфоза творческой лины этих писателей, и они, так сказать, из ведущих превращаются в ведомых.

Создать произведения, достойные titанического труда советских людей, — заветная мечта каждого мастера художественного слова. Это заставляет многих из них больше общаться с коллективами предприятий, колхозов, совхозов, с передовиками производства, часто выезжать на места, тем самым обогащать свою творческую лабораторию свежими наблюдениями и впечатлениями, черпать из глубин народной мудрости творческое вдохновение.

Другой характерной особенностью бурятской литературы последних лет, особенно это заметно в творчестве молодых, является настойчивый поиск нового героя, воплотившего в себе лучшие черты бурятского народа. И на этом пути мы имеем определенные успехи. В произведениях писателей Бурятии все чаще появляются образы, мало похожие по своему психологическому складу на привычные, как бы канонизированные предшествующей литературной практикой герои. Это явление закономерное, правильно отображающее особенности советской действительности. В самом деле, между современным молодым бурятом и бурятским юношей 30-х годов существует огромная разница. В современном молодом человеке развито чувство самоанализа, критическое отношение к отдельным отрицательным явлениям. Он до конца хочет осознать смысл существования и определить свое место в общей линии строителей коммунизма. Его натуре присуща богатая гамма чувств — коллективизм, товарищество, искренность слову, трудолюбие. Это человек, не теряющий собственного достоинства, сознательно, по своей воле берущий на себя гражданский долг перед обществом. И в то же время он в значительной мере свободен от многих предрассудков и нравов, порожденных старым бурятским бытом, укладом жизни.

Зрелость писателя, его зоркость во многом проверяются умением видеть закономерности становления нового человека, умением показать, как происходит сей не легкий процесс создания в литературном произведении запоминающегося положительного героя. Можно назвать ряд бурятских писателей, сумевших, как нам кажется, справиться с этой трудной задачей. Одним из первых встает перед нами образ Цыремпила из одноименной повести Х. Намсараева. Это Дэлгэр Доржиев — любившийся читателям герой романа Жамсо Тумунова «Степь проснулась», Ута Мархас — неукротимый и по силе богатырь-человек из романа Африкана Бальбузова «Поющие стрелы», это и Соном Гармаев — герой одноименной поэмы Чимкитя Цыдендамбаева, комсомольцы Золто и Белта из поэмы Цэдэна Галсанова, наконец, это многие герои пьес Намжила Балдано и Цырена Шагжина.

Авторы названных произведений повествуют не просто о человеке, но убедительно показывают его неразрывную связь с жизнью всего общества, зависимость от коллектива.

Пристальный интерес бурятских писателей к человеческой личности позволяет

жм через конкретного, индивидуализированного человека, как сквозь призму, рассматривать важнейшие политические, государственные, общественные, производственные, идеологические и другие проблемы жизни. И это вовсе не является сужением горизонта художника, а напротив, открывает перед ним широкий простор для более энергичного вторжения в сложный мир человеческого сознания, отношений между людьми.

Вместе с тем, бурятская литература накопила немалый опыт реалистического отражения действительности, проникновения в процесс сложных, порой противоречивых, экономических и социальных явлений, имевших место в бурятском улусе. В начале 30-х годов писатели Бурятии заявили о себе целым рядом добротных художественных произведений, пронизанных чувством высокой партийности, беззаветным служением новому, социалистическому строю, живым откликом на «злобу дня».

Страстная борьба со старым бурятским бытом и патриархальным укладом, с невежеством и темнотой народных масс требовала от писателей того периода, Х. Намсараева, Ц. Дона, Б. Абидуева, Солбонэ Туя и других, высокой политической бдительности, стремительного восприятия новых концепций и идей, исходящих от Коммунистической партии, требовала от них, наконец, в условиях классовой борьбы гражданского мужества.

Так, в самый разгар борьбы с кулачеством и создания колхозов писатель-коммунист Ц. Дон в 1931 году создает свое замечательное произведение «Луна в затмении», которое воспринималось читателями во всех уголках Бурятии как правдивое изображение жизни коммуны того времени.

Такое же отношение читателей было к произведениям Хоца Намсараева, например, к его повести «Однажды ночью». Но писатели не замыкались в рамках тех событий, непосредственными участниками которых они являлись. Их тематика была гораздо шире, разнообразнее. Голод в Поволжье — и литература откликается на это стихотворением Солбонэ Туя, провозгласившая китайских бегловардейцев на КВЖД — и поэт Д. Дашинмаев создает замечательную поэму — «Буркавдивизия».

Выход в свет этих произведений был целым событием в культурной жизни Бурятии, они сразу же становились популярными в народе. Не было, пожалуй, ни одного сколь-нибудь заметного события, имевшего место в то время, чтобы литераторы остались безучастными и не выразили своего отношения.

По лучшим произведениям можно в общих чертах проследить историю нашего народа, возрожденного Великим Октябрем.

Конечно, произведения той поры не лишены недостатков. Однако называть их бессстрастными, написанными «добру и злу внимая равнодушно» никак нельзя. Классовый подход в оценке событий, революционный пафос, гуманизм — все эти качества ранней бурятской литературы и поныне являют собой образец высокой партийной и гражданской ответственности писателя перед своим народом, ярким примером служения народу. И эти черты ранней бурятской литературы, став едва ли не ведущей тенденцией в ее развитии, оказывали и оказывают большое влияние на процесс формирования писателей более позднего поколения.

Бережно хранить и достойно продолжать эту замечательную традицию, живо откликаться на важнейшие события, происходящие в общественной и политической жизни страны, — в этом писатели Бурятии всегда видели свой долг перед народом.

Высоко оценивая литературу 30-х годов, разумеется, никто не ставит задачи повторения пройденного в наши дни.

Очевидно, что сегодня нельзя писать так, как писали основоположники бурятской профессиональной литературы, однако нас не может не волновать в последнее время в творчестве некоторых писателей тенденция создавать произведения, так сказать, вне времени и пространства, в отрыве от кипучей жизни народа, от практики коммунистического строительства.

В сюжетной основе таких книг чаще всего лежит какой-нибудь совершенно частный незначительный эпизод или случай, фигурируют неинтересные, а порой, просто малосимпатичные люди, чьи мысли и действия не представляют абсолютно никакой общественной или социальной значимости, а потому оставляют равнодушными читателей. Конечно, за автором полное право остановить свой выбор на любом заинтересовавшем его объекте и подобрать соответствующую форму художественного вопло-

шения. Однако при этом нельзя забывать и о тех, для кого пишется книга — о советских людях, читателях, большинство из которых может не согласиться с авторской концепцией, будут активно возражать ему, критиковать за оторванность от реальной действительности и ее проблем.

Развитие бурятской советской литературы в значительной степени обязано влиянию передовой русской литературы, оставившей неизгладимый след в творчестве бурятских писателей и определившей их дальнейший путь. В этом мы видим один из главных факторов существования бурятской литературы. Этот процесс глубокого изучения опыта русской литературы, ставшего доброй традицией, с немалой силой проходит в наши дни.

Творческое освоение метода социалистического реализма с его широчайшим охватом жизненных процессов, учеба писательскому мастерству у выдающихся представителей русской советской литературы — Горького, Маяковского, Фурманова, Серафимовича, Фадеева, Шолохова, Твардовского и др. позволили молодой бурятской литературе за короткий срок выйти на передовые рубежи советской литературы.

Вместе с тем, глубокое изучение и освоение богатейшего наследия русской советской литературы и других братских народов Советского Союза, конечно, не означает отказа от национальной формы развития, тесно связанной с языком, с историей народа, национальными традициями, особенностями фольклора. Не случайно, что одной из актуальных проблем является проблема национальной специфики литературы и искусства. Дискуссии по этой проблеме охватывают сейчас и другие сферы искусства: кино, музыку, живопись и т. д. И нет ничего удивительного в том, что вопрос о своеобразии национальной литературы встал в настоящее время, когда бурно развиваются не только литература и искусство, но и материальная и духовная культура всех советских народов.

В самом деле, если в первые годы Советской власти или тридцать-сорок лет назад можно было говорить лишь о первых успехах ряда литератур народов СССР, в том числе и бурятской, то большинство из них сегодня вступило в полосу своей творческой зрелости. Писатели братских республик, литературоведы осмысливают пройденный путь, решают задачи, выдвигаемые современностью. Остро стоит вопрос о национальной специфике в литературе: какое содержание вмещает в себя это понятие и как сосуществуют черты национального и общечеловеческого. Эти вопросы очень важны для понимания современного творческого процесса, для определения ближайших перспектив в развитии бурятской литературы.

Одна из характерных особенностей нашей эпохи, о которой мы вправе говорить как о закономерности, состоит в том, что народы нашей страны прошли гигантский путь за короткий исторический срок. Пожалуй, нигде так остро не ощущаются социальные сдвиги, как в области культурного строительства. Народ, когда-то не смевший мечтать даже о своей письменности, ныне располагает всеми средствами духовной культуры, имеет высокопрофессиональное, развитое искусство и талантливых исполнителей, литературу, разветвленную сеть учреждений культуры.

Если на заре Советской власти различие в уровне и характере культур народов СССР представляло собой слишком разновеликие понятия, то в настоящее время, в результате осуществления ленинской национальной политики, обмен духовными ценностями и явлениями культуры происходит сегодня, что называется, на равных как процесс взаимного обогащения и взаимного влияния.

В результате такого тесного общения народов друг с другом, безмерно возрастают творческие возможности у художников всех братских народов. Литературные произведения не только вводят нас в духовный мир другого народа, но позволяют приобщиться к его культурному наследию, лучшим национальным традициям и обычаям, которые, став достоянием всего многомиллионного советского народа, в конечном итоге укрепляют дружбу народов, воспитывают чувство пролетарского интернационализма, советского патриотизма.

Вот почему современную советскую литературу нельзя представить без украинца Павла Тычины и чучки Юрия Рытхейу, без киргиза Чингиса Айтматова и балкараца Кайсына Кулиева, казаха Мухтара Ауэзова и бурята Чимита Цыдендамбаева. Равно как не мыслима культура советского народа без имен русских советских писателей Шолохова, Федина, Фадеева, Леонова, Твардовского и других.

Но процесс взаимодействия и сближения, как уже было сказано выше, не односторонний процесс, в котором исчезают, стираются национальные особенности, а процесс двусторонний: с одной стороны — появляется все больше и больше общего у литератур народов нашей страны, с другой — развиваются, обогащаются и национально-особенные черты этих литератур.

Недопустимы фетишизация, непомерное преувеличение этих национально-особенных черт или национального характера, равно как и пренебрежение ими. Мы внимательно следим за литературным творчеством в братских республиках, нас интересуют их поиски, радуют их успехи. В свою очередь мы видим, что со стороны широкой общественности Российской Федерации, Украины, Латвии, Киргизии и других советских республик мы чувствуем искреннее внимание к бурятской книге, подлинно братскую заинтересованность творчеством наших писателей.

Забота о расцвете культуры каждой нации и народа, о создании наиболее благоприятных возможностей для ее дальнейшего развития — в конце концов, это забота о расцвете всей единой советской социалистической культуры. В этой связи наши писатели сознают, что как никогда повышается ответственность писателя, ибо теперь он пишет не только для своего народа, а для всех народов нашей великой Родины.

Каждому ясно, что эти национальные особенности и черты не могут носить вечный, неизменный характер. Жизнь идет. И в этом потоке меняются люди, меняются обычаи, традиции.

Утрачивается, уходит в прошлое отжившее свой век. И не следует цепляться за них, тем более пытаться возродить их. Взамен утраченных старых черт национально-го характера приходят иные, порожденные новыми условиями и еще ближе роднящие современного буряту с русским и со всеми другими народами.

Конкретное содержание национального в облике литературного героя может быть раскрытым правильно только в свете социально-исторических условий, в конкретных обстоятельствах, которые, в сущности, и формируют его. И вместе с тем, писатель, очевидно, никогда не сумеет показать диалектику национального, социального и интернационального в характере своего героя, если не постигнет жизни своего народа, не будет видеть те огромные социально-экономические, моральные сдвиги, происшедшие в народе. К сожалению, герои произведений отдельных писателей и поэтов Бурятии не становятся примером для подражания. В самом деле, так ли редко мы встречаем в стихотворениях поэтов, и не только молодых, сцены, когда по воле автора человек наших дней совершает действия, не типичные для сегодняшней Бурятии. Так, во многих стихотворениях герой с гиканьем и арканом в руке несется по степи на горячем скакуне. Куда несется? Надо полагать, в родную юрту, где в очаге тлеет аргал, а в самой юрте обязательно вьется дымок ая-ганги. И, разумеется, мудрый всезнающий дед-баабай с трубкой в зубах степенно поучает автора, молодежь. Затем, очевидно, герою подадут чанку архи и напоят душистым зеленым чаем. В творчестве таких неплохих поэтов, как Д. Улзытуев, Д. Дамбаев, М. Самбуев и Г. Дашабылов и поэтов помоложе — Б. Сырепова, Б. Цырендылыкова, Б. Жанчипова, М. Цыренова и некоторых других наряду с пессимистическими нотками и непонятной тоской по родным местам, родной колыбели и т. п. довольно часто используются архаические выражения, гермины, заимствованные откуда угодно, только не из нашей действительности. Уже если быть точным и поступать в соответствии с изменениями, происшедшими в бурятском улусе, то вернее было бы писать о тяге молодежи к учебе, об их стремлении овладеть любимой профессией, о механизации многих сельскохозяйственных работ и т. д. И как бы сухо ни прозвучал этот перечень, он все-таки значительно ближе к реальной действительности, нежели поэтические красоты, оторванные от жизни. Да и будничной-то она выглядит лишь на первый взгляд. О сельской жизни с ее хлопотливыми буднями и сугубо прозаическими делами было и будет написано немало великолепных вещей и самых вдохновенных посвящений. Вероятно, все дело в том, как сам автор относится к этой теме.

Очевидно, что национальность героя и национальное художественное выражение писателя — не бытовой признак, не простой указатель принадлежности к той или иной национальности, а имеет иное, более глубокое значение и свою живую, изменяющуюся сущность.

Выше говорилось о некоторых литературных образах и действиях, которые по-
немногу начинают утомлять читателя своим однообразием. Все чаще в стихах стали
вспоминать далекое прошлое, те особенности, составлявшие основу старого бурятско-
го быта, некоторые обычаи и обряды. Возможно, в этом и нет ничего плохого. В кон-
це концов, обычаи есть у каждого народа и с ними нельзя не считаться. Однако раз-
говор идет о другом: о нудности и однообразии повторения одних и тех же стихотвор-
ных строк, об использовании совершенно сходных позиций самыми различными
поэтами. И тут не отделаешься словами известной восточной мудрости, мол, истина от
повторения не тускнеет. Наоборот, в искусстве и литературе—тускнеет, и еще как!
Некогда свежий и оригинальный образ, ставший поэтической традицией, от бездумно-
частого употребления на наших глазах переходит в свою противоположность, стано-
вится штампом, литературщиной и даже в какой-то степени обозначает тот интеллек-
туальный и эмоциональный порожек, который иной автор не в состоянии перешагнуть.

Столь же неоправданно, на наш взгляд, поступают те поэты и писатели, которые
без нужды, так сказать, ради рифмы и «национального колорита», без трепетного про-
никновения в прекрасный мир бурятской природы используют в своих произведениях
такие метафоры, как «седой Байкал», «красавица Селенга», «гордые Саяны» и др.
Бй-ей, от того, что в ином поэтическом сборнике без счета раз будут упоминаться
Селенга и Байкал, горы и степи, они не станут дорожкой, если автор не увидит их по-
шовому, по-своему, не сумеет выразить так, как никто другой до него. Многие литера-
турные произведения изобилуют бытовыми подробностями, страдают излишней дета-
лизацией в местах, где для читателя в общем-то все ясно.

Не умаляя значения устоявшихся литературных традиций, сыгравших положи-
тельную роль в развитии бурятской литературы, хочется одного — чтобы наши писа-
тели вплотную подошли и занялись разработкой такого фундаментального вопроса,
каким является тема о рабочем классе нашего Забайкалья, колхозном крестьянстве, о
труде, облагораживающем человека.

Писатель может отлично владеть бурятским языком, знать россыпи народной
мудрости, быть посвященным, что называется, во все тонкости бурятского быта и гра-
линий, порой заглядывать в такие недра этнических напластований, какие не снились
никому этнографу, и тем не менее «строительного материала» для создания добротного
художественного произведения может не хватить. И не хватит прежде всего по
вине самого автора, который излишне увлекся описанием «национальных особенностей»
в погоне за «спецификой», незаметно для себя сошел с главной магистрали социалисти-
ческого реализма, составной частью которой всегда является высокий дух интернацио-
нализма. В таком произведении мы не увидим того сплава, где органически соединены
и взаимодействуют такие начала, как интернациональные и национальные.

Показывая особенности национального характера, склада мышления, типичные,
казалось бы, для жителя бурятского улуса, автор должен найти нечто такое, что роди-
ло бы героев этого произведения с другими народами, делало бы их понятными и
близкими любому иноязычному читателю. Таким образом, национальная тема приоб-
ретает интернациональное звучание своим идейным сходством с жизнью других на-
родов.

Почему-то некоторые наши товарищи в определении национального в литературе,
искусстве, считают, что ярко выраженным, бурятским могут быть явления, относящие-
ся, главным образом, к сельским районам и улусам. А ведь жизнь показывает, что для
бурятского народа столь же характерным являются высоко развитая индустрия, рабо-
чий класс, появление научной и технической интеллигенции, развитие профессионально-
го искусства, литературы как показатели наивысшего подъема духовной жизни на-
рода.

Новаторство литературы — это прежде всего новое содержание, имеющее боль-
шое общественное значение. Именно оно диктует новую форму, поиски новой системы
художественных образов. Но постижение нового содержания искусства возможно лишь
■ на путях глубокого проникновения художника в самую гущу народной жизни.

Последняя ТАБИСА

Повесть

Часть вторая

Рис. Э. Аюшеева

I

От галечного берега Шилки круто поднимается тропка и уходит в узкий переулок, застроенный деревянными бараками и избушками. Крайний к реке одноэтажный дом стоит на взгорке, окнами смотрит на излучину Шилки. На крыше — мезонин, узкий, в одно окно, высокий. В этом доме живет Гатаб, сын Базарсады, бывший габжа-лама, бывший лагерник, ныне фотограф комбината бытового обслуживания.

У Гатаба четыре комнаты, кухня. Под лестницей, идущей на мезонин, фотолaborатория. В дальней комнате стоят одни шкафы на замках и там, кроме Гатаба, никто не бывает. Она всегда заперта, и ключ в кармане у хозяина. Шкафы Жалсана не интересуют. Зачем они ему? Как-то мельком он видел, что между шкафами висят картины, на них изображены горы, лес, камни... Ничего особенного.

Жалсан гостил у дяди Гатаба уже второй месяц. Правда, он не все это время здесь жил, успел побывать и дома. Его увозил Цэрэн, сказал, что мать велела возвращаться. Он поехал, все-таки соскучился по матери, по улусным мальчишкам.

Дома прожил дня три и не вспоминал дядю Гатаба. Мама говорила, что плакала без него, что Цэрэн ее спрашивал: «Ну, чего плачешь?», а она отвечала: «Как же не плакать... Как он там живет? Ведь он от меня ни на одну ночь еще не отлучался». Цэрэн ей говорил: «Ничего. Драгоценный камень приобретает блеск при шлифовке, а мальчишка мужает, когда лучше познает жизнь». Жалсану нравилось слушать мать, особенно про то, как она его во сне видала. «А я во сне был большим?» — спрашивал Жалсан. «Большим, чуть поменьше Цэрэна», — отвечала мать и смеялась. «К тебе дядя Гатаб хорошо относился?» — «Хорошо. Он каждый день катал меня на машине». «Ты не оставался там голодным?» — «О-о, нет. Лхама-Сурэн давала мне бообо!»... С дядей мы ходили в магазин, и он купил мне большой слад-

¹ Оладьи особого приготовления.

кий пирог в коробке» — «Ну, ну, — вздыхала Мэдэгма, — добрый этот дядя Гатаб. Ты, наверное, и домой не хотел ехать?» — «Домой? Немножко хотел, немножко не хотел, — честно признавался Жалсан. — Там гулять не с кем, во дворе у дяди нет ни одного мальчика. Зато река больше нашей...» — «Ты не бегал на реку?» — «Один не бегал, только с дядей или Лхам-Сурэн».

Да, первые дни после возвращения из поселка он не вспоминал Гатаба, а потом... Дома стало скучно. С соседскими ребятами он поссорился, они сказали ему, что он задается чужим «москвичом». А почему так? Дядя Гатаб говорил, что он дальний родственник дедушки Тэхэ. И еще дядя очень добрый, лучше отца. Вчера отец опять был пьяным и ругал маму, разбил на столе тарелку с супом. Жалсан убежал из дома, чтобы позвать брата, но Цэрэн куда-то уехал, и Жалсан ушел на берег Угалзы. Там лежал в траве, смотрел на облака, поплакал немного, было жалко маму. Незаметно уснул, и ему приснилось, что он с дядей Гатабом ехал на «москвиче» прямо по облакам, а далеко внизу был улус Угалза и пьяный отец грозил ему кулаком.

А вечером мама получила письмо от дяди Гатаба, в котором он писал, что скоро будет проезжать через Угалзу и заедет к ним посмотреть на Жалсана. И еще он просил отпустить с ним Жалсана надолго — на всю осень и зиму. Писал, что в поселке школа гораздо лучше, чем в Угалзе, да и не много уж Жалсану осталось учиться в местной школе-четырёхлетке, все равно, мол, надо через год ехать в Илалту и жить там в интернате. Ну, а уж, чем в интернате, так попроще и надежнее будет у него, у Гатаба...

Мэдэгма была в расстроенных чувствах после ссоры с мужем, и письмо Гатаба она восприняла как неожиданную помощь ей и ее сыну. «Не отправить ли в самом деле Жалсана в поселок? — подумала она — Здесь перед ним лишь пьянство да ругань. И чем все это кончится — неизвестно. Гомбо скоро судить будут... Хотя об этом Жалсан не узнает. Пусть живет у дяди Гатаба».

Краем сознания до нее дошли слова Гатаба о том, что у него нет наследников. Он намекал на то, что Жалсан мог бы стать со временем наследником... Она не раздумывала над этим намеком Гатаба потому, что все было весьма далеким и предположительным. Но все же те

слова, задевшие ее сознание, повлияли на нее и укрепили ее в решении отпустить сына в поселок.

И когда Гатаб заехал в Угалзу «посмотреть на Жалсана», в семье Сахалтуевых обо всем уже было договорено. Жалсан снова был собран в дорогу.

— Ты становишься уже взрослым,— сказала мать. — Будешь жить без меня... Слушайся дядю Гатаба во всем.

Она не плакала, глаза были сухими. Но Жалсану показалось, что мать похудела и стала ниже ростом.

Цэрэн, обычно не обращавший внимания на младшего брата, перед самым отъездом Жалсана вдруг подошел к нему, потрепал волосы:

— Ты уж смотри... Учись, как положено. Мать не расстраивай Ну, а если что... Я тебя навещать буду. Понял?

Жалсан кивнул.

Отец взял его под мышки, поднял, уколол небритой щечкой. Жалсан закрыл глаза. Скорее бы заканчивались проводы...

Он помнил, что, когда шел к машине, увидел в дверях амбара деревянный велосипед. Он лежал боком и как-то беспомощно и жалко торчали его березовые колеса. «Отец вот так и не доделал велосипед,— подумал Жалсан.— Хотел изготовить шестерню из корня березы, но не нашел, что ли, подходящего. Цепь обещал не из ремня, а настоящую, железную. Обещал и все, больше ничего...» Он пожалел брошенный и теперь уже никому не нужный велосипед.

— Вы его не сломайте,— он показал глазами на велосипед.

— У тебя теперь машина,— усмехнулся отец. — А это что... игрушка.

— Вырасту и сам сделаю шестеренку, и руль, и цепь.

— Ну уж и сделаешь! — снова усмехнулся отец.

Жалсан не ответил. Подошла мать и притянула его к себе. Хотелось плакать, но он подумал о том, что становится взрослым, и сдержался.

Дядя Гатаб сказал Жалсану, что завтра они поедут в дацан.

— Что это — улус? — спросил Жалсан.

— Не-ет... Это молитвенный дом.

— Там молятся?

— Да.

— А зачем?

Гатаб прищурил глаза и смешно надул щеки:

— Там ты такое увидишь! Э-э... Нигде не увидишь.

— Мы на «москвиче», да? — спросил Жалсан.

— Обязательно.

Ночью ему приснилось, что он сидел за рулем машины и ехал в дацан. Перед глазами бежали, подпрыгивая, шкафы и картины из той комнаты, которую дядя постоянно держал на запоре. «Почему они прыгают?» — подумал Жалсан и ему стало смешно. Прямо перед машиной кривлялся черный шкаф и вдруг рухнул куда-то вниз, а все ветровое стекло заслонила картина в узорчатой раме. На картине — горы, лес и груда камней. Камни разваливаются и показывается голова дяди Гатаба.

— Вот мы и в дацане! — смеется дядя.

Утром Жалсан не стал говорить про свой сон. Дядя был в хорошем настроении, все время потирал руки и напевал что-то про себя. Если сказать, что его голова вылезла из-под камней, он будет недоволен. Мало ли что сон... Кому приятно, если его увидят в таком виде? Никому.

Пришла Лхама-Сурэн и спросила дядю, готовить ли ужин на вечер. Дядя ответил, что они вернутся к заходу солнца и пусть Лхама-Сурэн приготовит чай и сливки.

Жалсан видел, что эта девушка варила и жарила для них пищу, иногда мыла полы и стирала белье. Вроде бы она была дочерью хозяина... Он был с ней внимателен и ласков. Чуть ли не так же, как с Жалсаном. Но, конечно, не так, все-таки не так. Жалсан жил у дяди на правах сына, имел даже свою комнату, а Лхама-Сурэн никогда не ночевала здесь, а уходила в один из барачков переулка.

Жалсана нет-нет да и разбирало любопытство: кто такая эта девушка, почему она не живет у дяди, как он? Спросить об этом у хозяина неловко. Жалсан почему-то считал — дяде не понравятся такие расспросы. И он обратился к Лхама-Сурэн, когда они остались вдвоем.

— Тебе не нравится, как я готовлю? — спросила она, вместо того, чтобы ответить.

Жалсан пропустил мимо ушей ее слова.

— Почему ты у нас не ночуешь? — повторил он. — Этого не хочет Гатаб-ахай?

Она резко повернулась, задела его боком и проговорила:

— Не мешай мне! Видишь, у меня суп... Иди играй. Нечего тут толкаться.

Он вышел, обидевшись. Но обида на Лхама-Сурэн быстро прошла. Когда она нечаянно толкнула его на кухне и погнала прочь, он не уловил в голосе девушки злобы или раздражения. Что-то привычное было во всем том, что случилось... Ну да. Вот так же мама когда-то прогоняла его, когда он мешал ей у плиты. И как на маму он не мог по долгу сердиться, так и на Лхама-Сурэн...

В полдень Гатаб-ахай и Жалсан подъезжали к дацану. Колеса простукали по мосту. Блеснула лента реки. Машина обгоняла людей — кто на телеге сидел, кто пешком. На телегах старики и старушки — сторбленные, маленькие, седые. И пешком они же... Будто только что были на телегах и вот надоело, слезли и пошли. Мальчишек совсем нет. Хотя... Как нет? Во-он с тетей, наверное, с матерью. Устал, еле плетется. Жалсан бы его подвез, но дядя заворчит. Дядя такой... Жалсану не отказывает, а чужому — и говорить не захочет. Жалсану, конечно, приятно, что дядя его любит и никого другого, но все-таки и того мальчишку жалко. Но вскоре он забывает о мальчишке.

— Дацан! — весело говорит дядя.

Жалсан смотрит. Интересно. Такого дома он еще нигде не видел — ни в Угалзе, ни в поселке у дяди, ни в книгах, даже в кино не видел.

Желтые ворота в дацан открыты. Туда и обратно течет народ.

— Вот это что такое? — Жалсан, задрав голову, смогнул на ворота, где вертелись и потрескивали какие-то баночки.

— Это хурдэ, — ответил дядя. — Молитвенная мельничка. В этих баночках — бумаги с молитвами. Если баночки крутятся, считается, что ты прочитал молитвы, которые там помещены.

— А я ничего не прочитал, — недоуменно сказал Жалсан.

— Ты прочитал, — внушительным тоном поправил его дядя. — Прочитал, но еще не осознал. Ты маленький... Потом поймешь. Твой дед когда-то давно жила в этом дацане и по просьбе хозяев дацана — святых лам — вырезал на кедровых дощечках книги на тибетском и монгольском языках. Я тебе как-нибудь покажу эти книги. Там те же молитвы, что и в хурдэ. И если дед умел их читать, то и внуку надо уметь. Разве ты не любил деда Тэхэ?

— Любил.

— Ну вот. Я ведь как увидел тебя тогда в Угалзе, сразу понял этому мальчику на роду суждено прославиться.

— Как прославиться?

— Все узнаешь, надо только слушаться меня. У нас не так-то много времени, пойдем посмотрим молебствие и заодно мне надо продать вот это...— Он приподнял кожаный чемодан, который только что вытащил из машины.

— А что там?

— Видишь ли...— Гатаб помолчал, оглядывая людей, которые проходили мимо.— Все вот эти дяди и тети приехали сюда помолиться, принести дары богам.

Гатаб открыл чемодан, вынул оттуда сверток и развернул его. Там лежали фотографии, на которых были изображены какие-то люди в остроконечных шапках.

— Это святые ламы и бурханы. Верующие... Вот все эти люди,— Гатаб обвел вокруг рукой,— захотят получить такие подарки... Чтобы не только в часы молебствия в дацане, а всю свою жизнь смотреть на бурханов, поклоняться им и верить в страну Сукавати — рай для всех верующих. Сейчас я буду одаривать желающих подарками, а ты, Жалсан, понесешь чемодан. Он не столь тяжелый...

Гатаб и Жалсан зашли во двор дацана. На деревянном помосте стояла юрта, и туда с узел-

лами и туесами заходили верующие. Жалсан засмотрелся на странных людей в коричневых юбках и рубашках, через плечо у них опущены красные ленты. Гатаб-ахай сказал, что это и есть ламы.

Почти все люди здесь в старинных одеждах: мужчины в летних бурятских халатах с нагрудными украшениями, подпоясанные зелеными или красными кушаками; женщины — в халатах и безрукавках, некоторые из них надели через плечо красную ленту. Совсем как у лам... Только у лам ленты широкие, а у женщин узкие.

И здесь все еще слышалось гудение хурда, напоминавшее борготание старухи, в воздухе приятно пахло чем-то.

— Это благовонные палочки — арсу жгут,— пояснил Гатаб. — Такой запах бывает в раю для человека навечно.

Перед дацаном стояли люди. Сложив руки над головой и полуприкрыв веки, они шептали молитвы.

— Эти люди просят бурхана, чтобы он даровал им счастье и богатство, долголетие и нескончаемую радость,— сказал Гатаб.

Молящиеся вдруг повалились на землю. Жалсан испуганно припал к Гатабу.

— Ничего, не пугайся. Так надо. Они скоро поднимутся.

Так и есть. Поднялись. И стали потихоньку, украдкой, будто стесняясь друг друга, руками очищать свои одежды от мусора.

Жалсан улыбнулся. Если бы он лег в халате на землю, мама бы, пожалуй, шлепков надавала. А тут взрослые сами... Чудно что-то.

Гатаб-ахай позвал Жалсана и взял из чемодана новый сверток. К нему подходили старики, старухи, рассматривали фотографии, отбирали то, что им было нужно, платили деньги. Возле Гатаба все время толпились верующие. Им, видимо, нравились его подарки, и постоянно Жалсан проникся важностью поручения дяди — таскать за ним чемодан. И когда он увидел того мальчишку, которого хотел подвезти до дацана, Жалсан уже не испытал к нему ничего. Он сделал вид, что не замечает его.

После того, как чемодан опустел, Гатаб повел Жалсана в дацан.

Первое, что бросилось Жалсану в глаза, — сидевшие в ряд ламы. Каждый из них сидел на коричневом тюфяке. Выше всех на нескольких тюфяках восседал важный лама с бледным лицом и полузакрытыми глазами.

— Это ширетуй, — шепнул Гатаб. — Главный...

Ламы так громко читали молитвы, что в ушах гудело и, казалось, стены вздрагивали.

Верующие шли по дацану вдоль столов, и там, где были поставлены бурханы, они стукались лбами — поклонялись и оставляли на круглых блюдах бумажные деньги и серебряные монеты. Дядя сунул Жалсану монету — он не успел разглядеть, какую, надо уже было поклоняться и класть монету в блюдо. От благовонного дыма, от гула голосов кружилась голова. Было немножко страшно.

Когда вышли из дацана, Жалсан увидел, что весь народ двигался вокруг здания. На пути верующих стояли большие хурдэ, и многие крутили колеса хурдэ и читали про себя молитвы.

После того, как они обошли несколько раз вокруг дацана и покрутили хурдэ, Гатаб велел Жалсану идти к машине и ждать его там.

— Я зайду побеседовать со святыми ламами, — сказал он. — А затем мы пообедаем и тронемся в обратный путь. Ты сегодня держался молодцом.

Гатаб ушел, поскрипывая лаковыми ботинками. Мимо туда и сюда проходили люди и все смотрели на крышу дацана, где стояли золотые в лучах солнца столбики. «Гонжур! Гонжур!» — раздавались голоса. Жалсан тоже смотрел, потом надоело... Подумал, сбегал на канаву, где рос бурьян, нарвал его побольше и стал вытирать пыль с «москвича». Пусть увидит тот мальчишка, пусть узнает, что он, Жалсан, сюда на машине приехал. Да и дядя Гатаб похвалит...

2

Тихим вечером Дулма шла домой из Баторской бригады. Лучи солнца скользили по валкам скошенной травы, тени сосен шевелились под ветром и, казалось, вместе с ними шевелились розовые бутончики клевера. Не было слышно ни птиц, ни кузнечиков, и только пролетали с коротким и острым жужжанием запоздавшие пчелы. Стояла какая-то умиротворенная тишь, словно степь лишилась всего старого и привычного, а новое еще не пришло...

Что-то похожее рождалось и на душе девушки. Дулма чувствовала

ла подсознательно связь этого умиротворенного вечера с тем настроением, с каким она жила последние дни.

Стрижка овец прошла как надо. Раньше ведь как было? Дулма улыбнулась, вспомнив слова председателя колхоза: «Двое ловят, трое вяжут, а пятеро руками машут». Теперь — не то. Теперь чабаны научились неожиданным и ловким движением садить овцу. Да так, что та сидит, не шевелясь, как замороженная. Остается включить рубильник... Три минуты — и овца у Дулмы готова. Бери следующую.

Никто в Угалзе за три минуты с овцой не управлялся. Дулму объявили чемпионом, вручили грамоту. Смешно...

Все бы хорошо, да вот с Цэрэном... Ни ссоры, ни мира нет. Тогда на этой же дороге он ее догнал, выскочил из машины... Да, она старалась с ним быть похолоднее. Это за то, что он не пришел к ней, когда она болела. Ну, не такая уж причина, чтобы долго сердиться. Для порядка, для отвода души — один вечер... Хватило бы вечера вполне. А потом можно бы и помириться. Можно бы... Почему же вышло иначе? Это та, приезжая, помешала. Откуда-то взялась и сразу же Цэрэну на шею повесилась. Посреди белого дня на реку с ним пошла. Вот уж, наверное, бесстыжая. Поди, любовница старика Гатаба. А кто же? Порядочная была бы, не разъезжала... Попался ей на глаза Цэрэн — она с ним... Да и он хорош — нечего сказать! Обрадовался... Ну, ладно. Невелика беда. Надо меньше думать, выбросить из головы всю эту ерунду. Никаких Сахалтуевых для нее не существует. Никого! Ни Цэрэна, ни Мэдэгмы... Никого! В Угалзе нет Сахалтуевых, она таких не знает.

Горячий комок подступил к горлу, но Дулма взяла себя в руки, вытерла платком глаза, вздохнула и пошла быстрее.

Уж никак не ожидала Дулма встретить дома гостей. Да еще каких — Галдана с Цырмой! Вот уж странно... И будто бы все в юрте неловкость какую-то почувствовали после прихода Дулмы. Мать кинулась за табуреткой, обтерла ее. Отец отвернулся к стене, искал спички, а Дулме показалось, что он так это все... И спички, конечно, не у стены валялись, а лежали, как всегда, на столе. У ног отца стояли открытые соглики¹ с божественными книгами.

Цырма, поздоровавшись с Дулмой, не поднимала глаз. Галдан улыбался. Улыбка добрая, застенчивая...

«Да что они все странные такие? — подумала Дулма. — Чего они тут делали?»

— Ужинать будешь? — спросила мать. — Мы-то недавно чай пили.

— Позже, — ответила Дулма. — Она почему-то стеснялась Галдана и Цырмы.

— Ночевать останешься или как? — Это отец спросил.

— Останусь. В клуб хотела сходить. Цырма, что в клубе?

Цырма вздрогнула, подняла глаза удивленные.

— В клубе что сегодня?

— Я не знаю.

— Пойдешь со мной?

Цырма промолчала, бросив быстрый взгляд на Галдана.

— Пойдешь?

За нее ответил Галдан. Улыбаясь и пожимая плечами, он сказал, что они с Цырмой в клуб не ходят.

— Почему?

После затянувшейся паузы заговорил Жалсарай:

— И ты останься с нами, дочь. Посиди, послушай. Худого от нас

¹ Продолговатые ящики, в которых хранятся молитвенные тексты.

не услышишь. Знаю, что веры в бурханов у тебя нет... А мы и принуждаем никого. Верно, Галдан? Есть терпение, послушай.

— Да чего слушать-то?

Старик даже не посмотрел на дочь. Он беседовал с Галданом Цырмой, но все, о чем он говорил, имело прямое отношение к Дулма.

— Вот своя дочь, а безбожница. Это как понимать, Галдан?

— Бывает,— смущенно улыбнулся Галдан.

— Бывает. А только обидно. Одна кровь... В одной юрте живем. Но она не признает страну Сукавати.

— Ом-мани-пад-мехум!—прошептала хозяйка.

Дулме смешно. Подобные разговоры отец и мать заводили часто, но чтобы в присутствии посторонних... Такого, кажется, еще не было. Уж не сговорились ли они? Похоже, что Галдан и Цырма заодно с отцом...

— Что мне ваша страна Сукавати?—сказала Дулма.—Ну, рай, рай!.. Но где он? Где? На небе... Что-то далеко очень. Вот если бы ваши боги перенесли эту Сукавати куда-нибудь поближе... Я бы пошла и посмотрела. Понравилось — тогда бы и... А так что?

— Послушай, Дулма,—сказал вдруг Галдан и перестал улыбаться.—Послушай!.. Может быть, в нашей религии не все убедительно, не все достоверно, как и во всяком учении... Но я не об этом. Я хочу сказать... Ну вот хотя бы... Эта вера в загробный мир. Верующий воспринимает себя существом бессмертным. Нирвана, страна Сукавати. Прекрасна и жизнь, когда ты знаешь о своей вечной душе. А что ты мне предлагаешь? Среднюю продолжительность жизни человека? Несколько десятков лет... А потом превратиться в ничто — в пыль, снег, туманность. Не хочу!

Галдан вытер лоб и вздохнул.

— Может быть, ты веришь, что на солнце, луне и звездах живут боги и духи?—спросила Дулма и продолжала, не ожидая ответа:— Может быть, ты веришь, что земля плоская, как сковорода, что на ней четыре больших и восемь малых материков, а в центре «священная гора»?

— Я же говорил, что...—досадливо произнес Галдан.

— Ну да. Говорил, что в религии не все достоверно, что люди достаточно не изучили...

— Жизнь — сплошная тайна.

— Наука познает все тайны.

— Она не может познать загробный мир. Она просто бессильна тут. И от этого своего бессилия будет все отрицать.

В разговор вмешался хозяин:

— В священной картине «Колесо мира» раскрыто то, что было и будет на земле. И ты, Галдан, помни, что на небе не только рай, но и ад... В «Колесе мира» обозначено, что грешники попадут к Эрлик-хану. У него девять горячих и десять холодных способов пытать грешников... Там для них уготованы вечные мучения. Чтобы не попасть в ад, молитесь бурханам.

— Если бы они были...

— Знаю, что в тебе большое неверие,—сердито сказал старик дочери.—И терплю... Да вознаградится мое терпение! Так вот... В молодости был со мной случай... Ездили мы в русское село с приятелем. Овец надо было продать. Ну, продали. Тронулись обратно. Доехали до Онона, а плашкоута нет. Снесло. В ту весну воды в реке много было. Что делать? Надумали переправляться на конях. И надо же было угодить мне в самую быстрину... Понесло, завертело коня подо мной... Не помню как — только смыло меня водой с седла, а может, сам

перепугу свалился. Захлебнулся я и пошел по воду. А сознания не теряю. Чувствую, что опустился на дно. Стал на колени, поднял над головой руки и в мыслях произнес молитву богине Ногон-тара-эхэ. Только это назвал имя богини, как чувствую, что в руках у меня шест. Ухватился я за него и так вылез из реки.

— Что же это было?—спросил Галдан.

— А приятель мне укрюк подал.

— Вот что...

— Ты погоди, я еще не все сказал. Я еще не сказал, что когда мы переправлялись, у моего приятеля укрюка с собой не было. Да-а. Не было!

— А откуда же этот укрюк взялся?—спросила Цырма.

— Не иначе, как богиня Ногон-тара-эхэ... Больше некому. Она услышала мою молитву и ниспослала укрюк, чтобы спасти меня от смерти.

Галдан и Цырма, переглянувшись, промолчали, а Дулма сказала, улыбаясь:

— Все эти чудеса случались давно. Почему в наше время не слышно ни о каких чудесах?

— А помнишь, тебе приснился сон, что у тебя выпали передние зубы?—спросил ее отец.

— Ну, помню.

— Я тогда говорил, что такой сон не к добру, что кто-то из родственников умрет. Так и вышло. Не прошло и месяца, как умер мой брат.

От этого разговора не осталась в стороне и хозяйка:

— А помнишь, Дулма, как ты нашла в овраге ржавый нож? Ты еще тогда была маленькой, не ходила в школу... Притащила этот нож: в юрту. Отцу пришлось ехать к ламе. И что сказал лама? Он сказал, что если бы найденный нож мы держали у себя, то случилось бы несчастье.

Дулма покачала головой. Разве отца и мать переспоришь?

Галдан и Цырма, пожелав хозяевам спокойной ночи, ушли. Дулма не захотела спрашивать — куда они? Пусть идут, куда хотят. Этот Галдан — обычно тихий и добрый — сегодня вдруг открылся с какой-то новой стороны... Сидел у плиты, будто тень. А ушел — и в юрте светлее стало.

Отец уложил старинные монгольские книги в соглики, открыл сундук и положил соглики туда.

— Пора на дежурство,—сказал он. Поклонился бурхану, пошептал молитву и ушел.

Мать мыла посуду, спрашивала о новостях в Баторской бригаде. Узнав, что Дулма обогнала на стрижке овец всех чабанов, удивилась:

— Да как ты это? Неужели?..

Но поверила. Теперь и не то можно услышать. Раньше-то девушка при мужчинах не смела платка снять, не смела обедать, не смела в разговор вмешиваться. Зато при строгости послушание было, против родительской воли — слова не смей сказать. А вот тут попробуй укажи Дулме...

Норжима рассердилась, было, на дочь, что та не хотела верить ни в богов, ни в сны, ни в приметы. Но рассердилась не очень уж... Так себе, ненадолго. Все же дочь выросла работающая, старательная. Хорошо так-то.

И ей захотелось сделать что-то приятное для дочери. Что? Она подумала, оглядела юрту и ничего не нашла, что бы такое подарить Дулме. Ну, если нечего подарить, то можно сделать приятное и хорошей новостью.

— Ты ничего не слышала о Сахалтуеве?—спросила она дочь.

— Нет, не слышала. А что?

В голосе Дулмы она уловила тревогу. «Испугалась. Подумала, что Гомбо угрожает нашей семье за то, что мы хотели на него в суд подать. Надо ее обрадовать».

— Так вот... Сбежал он,—сказала Норжима.

— Как? Куда сбежал?

— Куда? Никто этого не знает, даже Мэдэгма.

— Может, загулял где-нибудь?

— Не-ет, не похоже. Вещи, какие у него были, забрал. Даже шубу унес. Если на гулянку, так шуба-то ему бы ни к чему. Но я не очень-то поверила в то, что никто из Сахалтуевых не знает, где Гомбо. Уж Цэрэн-то мог бы сказать, он всегда за отца был... А только не скажет, не-ет.

— Цэрэн вряд ли что знает.

— А чего ты его выгораживаешь? Мухоморы и те в лесу растут семьями... Гомбо разорял табису, обкрадывал хозяина Батора, а кто первым за него заступился? Цэрэн! Видели все, как он его сводил в контору и упросил председателя... Чего молчишь? Сказать нечего, вот и молчишь. Что в улусе стряется — без Сахалтуевых никогда не обойдется. Они не иначе, как сбежать из Угалзы задумали, испугались хозяина Батора.

— Ну ты уж придумала!—не удержалась Дулма.

— А что? Жалсана в Угалзе нет. Увезли на Шилку. Приезжала девка со стариком, она и увезла. Слух был, что невеста Цэрэна... Теперь и Гомбо пропал. Неспроста это все. Говорю тебе, что побоялись кары хозяина Батора. А по мне, так пусть уезжают. И Цэрэн готовится... Только и слышно, что на Шилку машину гоняет. Высматривает там, поди, как да что...

— Мне-то что? Уедут, так уедут.

— Или не рада, что Гомбо сбежал?

Дулма рассмеялась:

— Вот еще!

И сразу замолчала. Ведь смеялась-то через силу, без всякого желания.

3

Гатаб любил вечерние часы проводить в мезонике. Здесь стояли бурханы. В других комнатах их не было. Только здесь... Вот Будда держит в руках чашку, взгляд мертвых глаз величаво-равнодушный. Рядом Шойжол на быке, в руке у бога дубина. Его черное лицо с тремя глазами и ощеренным ртом не пугает Гатаба. Он с Шойжолом в дружбе... Отдельно на тумбочке гримасничает своими одиннадцатью лицами Арья-Вала.

Еженедельно тайком от всех, даже от Жалсана, Гатаб ставил перед бурханами угощение в медных чашках — зерно, пряники, сахар, воду. Потом садился у окна и смотрел на тень своего дома, которая падала на тротуар, дорогу и палисадник. Тень напоминала большой треугольник, и острое его — крыша мезонина — упиралась в здание напротив. Когда еще мезонин не был построен, тень едва-едва достигала середины мостовой. Теперь же после полудня, кто бы ни пересекал улицу, не мог миновать расстилавшейся по земле тени. И это радовало Гатаба.

Он считал, что тенью своего дома благословлял верующих и предупреждал неверующих. Его бурханы из мезонина в те вечерние часы, когда солнце скатывалось за Шилку, властвовали тайно — незримо и неслышно — над улицей. Что из того, что он не знал, кто проходил мимо! Он не знал, зато знали бурханы. Потому он и держал

Шойжола с дубиной и Арья-Валу. Пусть неверующие бродят тут в неведении, пусть готовятся к переселению в темное царство Эрликхана. Сегодня они вступили в темень Кодгорного переулка, а скоро вступят в вечный мрак ада.

Если Гатабу надоедало смотреть на прохожих, он брал графин с коньяком, несколько капель отливал бурханам и выпивал рюмку-другую. Почувствовав опьянение, Гатаб отодвигался от окна и на улицу больше не смотрел. Сцепив руки на животе, он мысленно уносился к далеким и милым его сердцу временам. Перед закрытыми глазами вставали утесы и сосны священной горы Алханай. Сколько там он провел молебствий на обонах¹! Будто бы все это было вчера. Нет, нет! Почему вчера? Сейчас, сейчас, сию минуту! Он даже слышит, как шелестят листья березовых веточек, воткнутые между камней обо. Он слышит, как молящиеся просят у небожителей счастья и благополучия в жизни. А перед глазами так и рябит, так и рябит... Да это же зурумы! Надо же... Простые лоскутки, а пляшут на ветру по молодой листве, словно молодые месяцы. Много их, много! А вот и бурханы. Все видят, все понимают... Не каждый осмелится выдержать без трепета душевного взгляд их медно-желтый.

Бурханов, само собой, на молебствии увидишь с угощениями. Чего только не принесут из улусов! В тарелках молочные кушанья, в деревянных корытах — мясо с бараньей головой, в туесах — архи. Все было, все! А теперь? Эх-хэ-хэ!

Бывало, закончишь молебен, спустишься с горы на лужайку. Верующие образуют круг. На почетном месте — он, Гатаб-габжа, и ламы пониже званием. Богатое угощение уже поставлено. «Отведайте, святые ламы!»

Начинаются конные скачки, схватки силачей. Борцы совершают обряд молебствия перед Гатабом. Тот, кто окажется непревзойденным в борьбе, получает деньги или хадак². А когда заканчиваются скачки, уважаемый всеми в улусе старик подъезжает к всадникам, берет за повод лошадь, занявшую первое место, и направляется к лама-габже, перед которым читает нараспев похвальную песню — соло. В песне восхваляет сначала габжу, потом того, кому принадлежит скакун.

Гатаб был тогда молод и красив. Его любили женщины... Много женщин мечтало удостоиться внимания святого ламы. Где они теперь? Ушли в потусторонний мир? Состарились? Потеряли зубы, обрели морщины. Бр-р!.. Он их забыл, ни одной не помнил. Нет, как же... Одну помнил. Ее звали Лхама-Сурэн. Надо, пожалуй, налить еще рюмку.

Кто бы мог знать, что выбирая себе служанку для ухода за домом, Гатаб остановился на соседской девушке только потому, что та носила то самое редкое имя...

Как все это было? Тяжело вспомнить... Они встретились в Агинске на квартире нойона. Помнится, Дальневосточная Республика доживала последние дни. Тогдашние гости у нойона смеялись: «ДВР — Довольно Веселая Республика». Отец Гатаба сказал: «Погодите, как бы хуже не было». Отец далеко видел. А он, Гатаб, не слушал ни отца, ни нойона. Хозяйская дочь Лхама-Сурэн занимала его мысли. Ее голос он сравнивал с голосом соловья, в ее гибких движениях угадывалось что-то от таежной кабарги.

Они стали встречаться. Сначала тайно, потом... Надо же было так случиться... Ширетуи назначил его дуганчи — хранителем дацана. Вечер был холодным, со снегом и промозглым ветром. Чтобы ук-

¹ Святое место, обычно нагромождение камней.

² Шелковый платок.

рыгь ее от холода, он нарушил заповедь буддизма — пустил женщину в дацан после захода солнца. Кто-то выследил и донес ширетую.

Ладно, что у отца раскрылся кошелек. А то с дацаном пришлось бы проститься. Но с того дня он навсегда потерял Лхама-Сурэн. Эта девушка не могла стать женой молодого ламы. Иначе гнев бурханов обрушился бы не только на Гатаба и Лхама-Сурэн, не только...

Тот нойон со всей своей семьей скрылся из Агинска. Был слух, что он ушел за кордон, в Маньчжурию. Кто знает... Времена наступили такие, что могло и так быть. «Довольно Веселая Республика» приказала долго жить, большевики прочно утверждались по всему огромному краю — до самого Тихого океана.

Дацан вырвал у Гатаба первую и последнюю любовь. Ну, что же. Сам, дурак, виноват. Ничего не поделаешь. Многие годы не мог он забыть нойонскую дочь, тоской весь изошелся.

Ну, ладно... Зачем вспоминать? Что было — то прошло, не вернешь. Спуститься разве вниз, посмотреть, чем занят мальчик?

Гатаб убрал коньяк, закурил и прошелся по комнате. «Надо ли было затевать всю эту историю с Жалсаном?» — подумал он. Не раз и не два вставал перед ним подобный вопрос. С появлением нового человека в доме возникли дополнительные хлопоты. Но это еще что... Мальчик сам по себе — не причина... А вот то, что у него есть родители... Это мешает. Остается уповать на святую веру. Надо сделать все для того, чтобы Жалсан никогда не вернулся в Угалзу. О-о, он, Гатаб, даст ему образование, позаботится о нем! Из мальчика вырастет преданный слуга Будды. Жалсан продолжит на грешной земле дело, которому посвятил он. Гатаб, всю свою жизнь. Тогда и умирать не так горько... Будешь верить в то, что после своей смерти останется и этот мезонин, и эти бурханы. И тень его, Гатаба, тень не уйдет с этой дороги! Не уйдет!

Его узкие бледные губы шептали:

«Я воспитаю в нем самого себя. Это будет Гатаб второй. Врете! Думаете, я скоро уйду в страну Сукавати? Не-ет! Скоро я стану владельцем двух душ. И когда одна душа переселится на небо, другая не уйдет еще... Не льстите себя надеждой, не утруждайте».

К кому обращен был его шепот? Над кем он готовился злорадоваться?

«А не осудят ли меня бурханы за то, что я невинкую и безгрешную душу мальчика беру на свое попечение тайно, без изъявления воли родителей? Не грех ли в этом?» — подумал он. И сразу уверился в своей правоте. «Я научу Жалсана подавлять в себе страсти и же-

ния земные, его душа сохранится в первозданной чистоте. Отныне оно желание будет укрепляться в мальчике: «Погрузимся в нирвану!» Он вместе со мной пойдет туда по пути спасения, нас примет духовное божественное начало и мы познаем вечное блаженство».

Гатаб вытер платком мокрый лоб. Вяжущая усталость растекалась по телу. «Это от коньяка,—решил он.— Не следует пить лишнее. А вдруг... что если?—И снова почувствовал жар в голове, хотел думать, а не мог.— Вдруг ничего нет... И нирвана, и страна Сукавти — все это выдумки. А? Если так? Если те правы? Что тогда? Ни Будды, ни бурханов. Обман, один обман. Это ужасно, просто невыносимо, отдавать всю жизнь — день за днем... И узнать, увериться, то... Что узнать? Ничего не надо узнавать? Ничего! Спутники стают? Ну и что? Так угодно Будде, его бурханам. Они, может быть, хотят все человечество превратить в небожителей? Ну, если и не тех, то тех, кто достоин. Может быть, все может быть. Без воли богов не было бы спутников. Все в жизни от богов! И ничего узнать не нужно! Пребывать непоколебимо в вере — только так! Нельзя вычеркнуть старое... Но хватит об этом. Хватит! Надо пойти и посмотреть, чем занят мальчик».

Поручение дяди Гатаба понравилось Жалсану. Из теста лепить мелких человечков... Эти человечки похожи на куклы, если вылепить смеющееся лицо. Но дядя сказал, что ему надо всяких — и сердитых, и разгневанных. Жалсан вспомнил, какое лицо у пьяного огуза, и быстро — раз-раз — слепил гневного человечка. Дядя долго рассматривал тестообразного Гомбо. «У тебя талант Тэхэ-ахая».

Сегодня дядя принес пучок конских волос и велел каждому человечку прикрепить косу.

— А зачем?—спросил Жалсан.— Это же дяди, а не тети.

— В старину, в добрые времена, мужчины носили косы и гордились этим.

С кисточкой волос на голове смеющиеся человечки уже не походили на кукол. И на людей они мало походили. Будто явились из какой-то сказки.

— А ну-ка, попробуй...—сказал дядя.— Я хочу, чтобы они были конскими головами. Сумеешь?

— Это совсем просто,—рассмеялся Жалсан.

— Ну, а если с бычьими головами?

— Тоже просто.

Не прошло и пяти минут, как Жалсан вылепил человеко-коня и человеко-быка.

— Здорово! — похвалил Гатаб. — Это меня вполне устраивает.

— А зачем они вам... эти игрушки?

— Это не игрушки. Они нужны мне. Скоро я научу тебя молиться бурхану, читать заклинания и вот тогда они нам понадобятся. Только сначала их следует одеть. Нельзя же без одежды...

Дядя вышел и скоро вернулся с охапкой разноцветных лоскутков.

— Вот из этого всего мы и будем для них шить одежду. Интересно? Тебе нравится?

— Да.

— Как ты думаешь, во что мы оденем человеко-коня? Не подойдет ли ему...

Он не договорил, в дверь постучали. Лхама-Сурэн сказала, что пришел гость. Гатаб досадливо поморщился, а Жалсан даже не повернул головы.

Мальчик здесь привык к гостям. Они в доме часто бывают, про-

ходят в фотолaborаторию, складывают дядины фотографии в чемоданы, сумки, портфели, мешки... Иногда появляются усталые, запыленные старички с горбами-котомками. Дядя говорил, что они из Тунки, привозят ему можжевельник. Когда можжевельник горит — распространяет вокруг благовоение.

Гатаб спросил Лхама-Сурэн, что за гость. Та замялась, а потом кивнула на Жалсана:

— Его отец.

Гатаб откашлялся, покосился на мальчика: «Слышал или нет? Жалсан рылся в тряпье, вытащил желтый доскут. Стал рассматривать, примерять. «Нет, не слышал».

— Этот подойдет?

— Да, да, конечно,—отвечал поспешно Гатаб. «А может, лучше, чтобы слышал?» — У тебя хороший вкус. — «Не пора ли проверить. Как он встретит отца? Может, забыл Угалзу? А вдруг... Нет, надо подождать, сначала поговорить с Гомбо». — Ты побудь здесь, Жалсан займись этими человечками. Меня зовут.

Гатаб провел гостя в ту комнату, где стояли шкафы с замками и на стенах висели картины. Усадил, предложил папиросу, и, пока Гомбо закуривал, рассмотрел гостя.

«Загорел и будто бы худощавее стал,—отметил он про себя.— Лицо постное и, пожалуй, испуганное. Пиджак, брюки старомодные. Видать, куплены давно. Уехал он, что ли, из улуса, как тогда договаривались?»

— Ну, что нового?—спросил Гатаб.—Как семья?

— Да ничего, все так...—смущенно ответил Гомбо.—Вот приехал...

— Суд был?

— Я решил не ждать... Зачем мне это нужно?

— Правильно. Так и договаривались. Ну, что же. У меня переночуете, а потом... Если проявляете беспокойство о сыне, то...

— Да что вы!—испугался Гомбо, подумав, что тот хочет вернуть ему Жалсана.— Я напишу в Угалзу, если... Мне туда возвращаться нельзя.

Гатаб рассмеялся:

— Возвращаться не надо. А мальчик пусть у меня живет. Ему вполне пришлось по душе под моей кровлей.

«Любому пришлось бы по душе»,—подумал Гомбо, желая сейчас одного — выпить и заглушить тревогу, вызванную скрытным отъездом из Угалзы.

— Может, привести мальчика?

— Да, ладно, еще увижу, успею,—торопливо отозвался гость. Ему, трезвому, не хотелось встречаться с сыном. О чем с ним говорить? Как говорить? Не до этого... Теперь не до сына.

— Жить будешь в улусе Тарбагатай,—вдруг строго, вполголоса произнес Гатаб.

— В улусе? Почему?—растерялся Гомбо. «Что это еще за Тарбагатай?»

— Подальше от Угалзы. Подальше... Это тебя должно устраивать. Я правильно говорю?

— Так-то так,—пробормотал Гомбо.

— Подробности потом,—сказал Гатаб, вставая.—Потом... За ужином и обговорим все наши дела.

Ужинали Гатаб и Гомбо вдвоем на кухне. Лхама-Сурэн ушла домой, а Жалсан спал. На столе — позы, саламат. Гость не ждал уго-

воров, ел и пил за двоих. Гатаб только губы мочил в водке, воздерживался.

— У кого я там жить буду?—спросил Гомбо. Как он ни пил, а тот Тарбагатай не выходил из головы.

— Дела наши такие... Один человек... Я тебя с ним познакомлю. Знаток тибетской медицины. Живет в Тарбагатае. Здоровьем слабый стал. Восьмой десяток ему пошел. Да-а. Так, видишь ли, ездил он по улусам, помогал, чем мог. Хорошо помогал, а нынче не может. Ты бы при нем пожил, пригляделся. Пока кузнечным ремеслом...

— Это я могу.

— Знаю, что можешь. А ты приглядишься к старику.

— А чего?

— Наука у него полезная.

— Медицину мне не осилить. Чего не могу, того не могу. Это уж точно.

— У небожителей попроси,—чуть приметно сощурил глаза хозяин.— Попроси ума-то. Они, если помолиться, услышат.

Гомбо смотрел на недопитый стакан и думал о том, кто же этот Гатаб... Если просто фотограф, то не верится. Дом такой видный и комнат много, ковры везде. Живет при деньгах. Своя машина, мальчишку вот взял за так... кормит, одевает. Ох, видать, не простой это фотограф! Не было бы худо от такого знакомства. В какую-то медицину толкает... Зачем?

Голос хозяина прорывался сквозь тягучие мысли Гомбо:

— Помолиться надо. А как же? Тот старичок в вере живет, без веры он тебя не примет. Не примет, не-ет. И не уговорить... А жить там сносно и вольно. Как хочешь, так и живи. Да-а. Я бы и сам надумал...—Он поднял глаза к потолку.—Связал себя по рукам и ногам. Опять же и человек из меня приметный. Может, такие-то, как я, кое-где на учете... Мне нельзя. А тебе в самый раз. Только вот одно...—И замолчал, заперев пальцами.

— Что? Что — одно?

— С религией как у тебя?

Гомбо понял, что дело дошло до высшей точки. Надо выбирать: или—или...

— С религией?—переспросил он, раздумывая.— Так что... Это как сказать... С религией у меня обыкновенно. Если надо, так со всем понятием...

— Никто тебе не поможет в этом мире.—глухо отозвался хозяин.— Только религия.

— Да я и так вижу, что...—Гомбо посмотрел на хозяина. У того по лицу ходили тени, дергался бритый подбородок. Гомбо налил себе водки.

— Это тебя нечистая сила искушает.

— Нечистая-то сила ладно... У меня вот должок колхозу. Начнут как искать с милицией...

— Сколько?

— Сотня с мелочью... новыми.

— Деньги я вышлю туда. Напишешь расписку. Потом вернешь.

— Вот это... здорово! Пока живу, для вас ничего не пожалею, просите, о чем хотите,—растрогался Гомбо.

— Ничего, ничего,—улыбался Гатаб.—Подработаешь в Тарбагатае и вернешь. Подумай... о религии. Неспроста говорю.

— Да я понимаю.

— А то и ехать к тому старичку смысла нет.

— А кто он есть-то? Что за врач такой?

— Он-то? Был лама, как и я. А нынче лекарь. Да-а. Лекарь. Ты

присмотрись к нему. Ну, а пока по кузнечному делу найдешь себе...

Гомбо залпом выпил из стакана, широко открытыми глазами посмотрел на хозяина, пробурчал что-то про себя и неожиданно для Гатаба уронил голову на грудь. Некоторое время так он сидел на стуле и дремал, потом поднял голову, бессмысленный взор его скользнул мимо Гатаба, голова его снова склонилась, последним усилием он придвинулся к столу и навалился на него.

4

Лхама-Сурэн первое время не особенно задумывалась, почему Гатаб взял к себе мальчика. Ну, понравился, видать, чем-то, взял погостить. Что ж тут такого? Но после того, как Жалсан вторично вернулся в поселок, она уже не могла не задуматься.

В доброту Гатаба она не верила. Какая же доброта, если он требовал от нее самого мелочного отчета о расходах по хозяйству. Каждое утро она подавала ему листок бумаги с колонками цифр — ее точный расход накануне. Еще ни разу хозяин не упрекнул Лхама-Сурэн, когда колюче-настороженным взглядом просматривал записи, но было обидно и неприятно. Хотелось уйти из этого дома и не возвращаться. Да и надо бы уйти. Неужели она не нашла бы себе работу на руднике? Нашла бы.

И все же она откладывала свой уход с недели на неделю. Находила всякие причины, понимала, что эти причины никак не оправдывали ее. Она злилась на себя, но ничего не могла поделать.

В душе ее жило желание встретиться с Цэрэном, побродить с ним где-нибудь вечером, спросить что-нибудь у него. Она ничего не предпринимала для того, чтобы встреча с Цэрэном состоялась. Она просто не уходила из того мира, в котором пребывал Жалсан, зная, что в этот мир рано или поздно войдет Цэрэн и тогда, может быть, сбудутся ее желания.

И вот так она ждала какой-то развязки, все более проникаясь вниманием к судьбе мальчика. Она часто раздумывала над поступком Гатаба, пытаясь разгадать его намерения. Почему он все-таки взял к себе Жалсана? И то, что она не понимала хозяина дома, беспокоило и тревожило ее.

Скоро она узнала, что есть все основания для тревоги.

Прибираясь в комнате Жалсана, Лхама-Сурэн увидела на століке медную статуэтку бурхана. Как сюда попала статуэтка? Случайно? Девушка спросила Жалсана, сделав вид, что ей-то все равно, просто раньше тут бурхан не стоял, а теперь почему-то стоит... Жалсан посмотрел исподлобья и нехотя ответил, что он молится бурхану, что так велел дяди.

Наутро Лхама-Сурэн столкнулась с мальчиком в коридоре. Тот нес в чашечках зерно, конфеты, печенье.

— Ты куда это? — спросила она удивленно.

— «Куда, куда»... — пробурчал он. — Знаю, куда. Вот туда. — И показал глазами на лестницу, ведущую в мезонин.

— А зачем?

— Что ты меня обо всем спрашиваешь? «Куда, зачем»... Вот возьму и скажу дяде. Он велел, чтобы я молчал, и ничего тебе не говорил.

Жалсан поднялся по лестнице, открыл дверь, и Лхама-Сурэн услышала голос Гатаба из мезонина: «Ты с кем там, Жалсан?» Что ответил мальчик, она не расслышала.

Лхама-Сурэн ушла на кухню, прислонилась лбом к холодному оконному стеклу, думала:

«Он учит мальчишку молиться, поставил ему в комнату бурхана... Зачем это? К чему? Чужого ребенка... Какое он имеет право? Приедет Цэрэн — надо сказать. А может... ничего и нет? Никто никого не учит. Мало ли что Жалсан наболтал».

По лестнице тяжело заскрипели шаги — спускался хозяин. Лхам-а-Сурэн подошла к плите, посмотрела, не готов ли суп. Слушала, куда он пойдет... Скрип ближе, ближе. Сюда...

Гатаб прищурился, оглядывая девушку. Его лаковые ботинки проскрипели до окна... Тишина. Заскрипели снова — от окна к плите.

— Видишь ли, Лхам-а-Сурэн, — сказал он мягко и раздумчиво. — Давно хотел поговорить, да все как-то...

Лхам-а-Сурэн промолчала. Ждала, что будет.

— Мне всегда казалось, что тебе не очень-то нравилось у меня. — Он кашлянул, выждал, думая, что она как-то отзовется на его слова. — Да, не очень-то... Может, я ошибаюсь?

— У меня нет к вам... ничего.

Лхам-а-Сурэн слушала, что говорил Гатаб, а думала о Цэрэне. Одна мысль сверлила мозг: «Если уйду отсюда, не увижу Цэрэна».

Он по-своему истолковал ее поведение.

— Ты не думай, я не настаиваю тотчас же... Могу подождать. Дело в том, что... Как бы тебе объяснить?

— Не надо объяснять.

— Нет, что ты! Я не гоню тебя. Понимаешь ли, поскольку у меня теперь Жалсан... Помимо меня и всего прочего... за ним нужен женский досмотр. В некотором роде нужна приемная мать. Согласись, что твой возраст... Э-э...

— Понимаю. На роль приемной матери я не гожусь. Но вы не забывайте, что у него есть родная мать.

— Это тебя меньше всего касается. Я брал тебя в свой дом...

— Варить супы?

— Вот именно. Во всем остальном я бы просил оставить меня в покое. Я тебя не задерживаю.

Лхам-а-Сурэн не успела ответить, как раздался стук в дверь с улицы. Хозяин ушел открывать. Вернулся он в сопровождении пожилого мужчины в бурятском тэрлике¹. Оба прошли в фотолабораторию.

«Что это за люди ходят к нему? — размышляла Лхам-а-Сурэн. — Этот дядя, однако, и раньше приходил. Или нет? Гатаб говорит, что любительские заказы... Не похоже. Ну вот этот дядя с лошадиной челюстью... Что он — любитель позировать перед фотоаппаратом? Смешно. И потом... Эти любители всегда уносят с собой или чемодан или сверток. Тут что-то не так. У хозяина — скорее всего — совесть не чиста. Да, ей надо уйти отсюда. Не хватало еще унижаться перед этим... Надоело убирать ему комнаты, варить обеды. К чему? Ну, а то, что Цэрэн... Так он и забыл меня. И виделись-то всего дня два. Что я ему скажу? И встречу, так ничего не скажу. Да и он меня не узнает. Мальчишку жалко только... Этот Гатаб забьет ему голову богами да молитвами».

Хлопнула дверь фотолаборатории. Лхам-а-Сурэн не удержалась — выглянула. Так и есть... Этот «любитель» с лошадиной челюстью держал под мышкой объемистый сверток.

Гатаб, проводив гостя, вернулся на кухню. Скрипел ботинками между окном и плитой, смакуя, рассказывал Лхам-а-Сурэн, как любил когда-то девушку с таким же именем... Будто между ними и не было никакого недоразумения.

«Чем-то обрадовал его этот «любитель», — подумала Лхам-а-Су-

¹ Халат

рэн. — Чем же? Что сверток взял... Этим и обрадовал. Даже из памяти вышибло, что гнал меня отсюда».

Но нет. Не таков Гатаб, чтобы забыть... Вот он закончил про свое прошлое и уже потирает руки:

— Лхама-Сурэн... Это имя напоминает о радостях жизни. А я бегу от них, подавляю в себе желания. Вот и твое имя теперь уже мешает мне. Мешает. Видишь как. Жили люди и — ничего. Душа для души, а тут — на тебе. Вот ведь как. Поэтому я тебя и не задерживаю.

В голосе раздражение. Или показалось? Не заговори Гатаб о той девушке, которую он когда-то любил, Лхама-Сурэн ушла бы из этого дома. Но странное дело... Упомянул он о той девушке и будто бы связал чем-то ту Лхама-Сурэн с ней. И не потому, что имя одно и то же у них обеих, а потому, что ту он бросил, когда повелели ему в дацане, и ее вот готов вышвырнуть потому, что чем-то не угодила. И не захотелось ей уходить отсюда просто так... «Надо, чтобы он меня на всю жизнь запомнил». Она не знала, что ответить ему, но знала одно — сказать что-то злое, пусть испугается. И тут в голову пришла мысль про того «любителя» фотографий. Про того и про многих других.

— Что это за человек был у вас? — спросила она.

— Человек? — удивился он. Но ответил не сразу, увидел, что она злая и спрашивает с каким-то не ясным ему умыслом. — Человек? Обыкновенный. — Он хмыкнул пренебрежительно, вроде того, что зачем, мол, время терять на всякие пустяки.

— А все же?

— Клиент.

— Любитель?

— Ну да. А что?

— А то, что... не много ли их сюда ходит? Являются с пустыми руками, а уходят...

— А уходят?

— Известно, с чем.

— Да? Так уж и известно? Хотя... Что мы с тобой так резко? Не выношу всякие резкости. К чему они? Видишь ли... Ходят, разумеется. Я не отшельник. Имею кое-каких приятелей, ну и заказчики иногда. По мелочам. А больше приятели, старые милые приятели. Ведь как там ни поверни, а жизнь прожита большая, Лхама-Сурэн. Большая... У верблюда и то знакомые собаки есть в улусах. А что про меня говорить! — Он помолчал, коротко взглянул на нее и, увидев, что лицо ее хмурое, продолжил: — Но не будем ссориться. Зачем, зачем? Я тебя не тороплю, оставайся, я же сразу так и сказал. Ах, люди, люди! Не умеют так, чтобы спокойно, тихо. А надо уметь, надо!

— Не беспокойтесь. Я долго здесь не задержусь. Вот придет брат мальчика, я скажу, чему вы учите Жалсана... Ну, а потом уйду.

— Ай-я-яй! — взмахнул руками Гатаб. — Что делается с людьми, когда рассудок дремлет, а чувства повелевают! Ах, люди, люди! Одно утешение — придет великий исцелитель и избавит нас от искушений и желаний.

Лхама-Сурэн повернулась и вышла.

Гармажап Нимбуевич и Доржи Нимаевич впервые за многие годы поспорили. Ну то, что поспорили — это еще ладно, ничего. Мало ли что бывает по совместной работе. Главное — не поняли один другого и остались друг другом недовольны.

Давно замечал председатель колхоза, что есть в Доржи какая-то

двойственность. Если встретишь его в амбулатории, в бригаде или у себя в кабинете, человек как человек, обыкновенный. В меру требователен, в меру мягок. И шутку понимает, и посмеяться может. А вот на бюро или на партийном собрании — не тот человек, словно подменили его.

Ну, понятно, что он должен быть на собрании в какой-то мере официален. Секретарь партбюро, видимо, может да и обязан быть построже. Не всякая шутка-прибаутка, уместная в обычной беседе, годится на бюро или собрании.

Все это понимал и учитывал Гармажап Нимбуевич, наблюдая за Номтоевым. Понимал, учитывал, а в душе никак с ним не соглашался.

Начиналось собрание, и с Номтоевым происходил какой-то перелом. Кожа на скулах натягивалась да и весь он казался натянутым на невидимую палку. Голос деревянел, приобретая сухую звонкость и отрывистость. Но это еще что... Если бы только лицо да голос... Не-ет. В душе Номтоева тоже свершалось нечто подобное тому, что происходило во внешнем облике. На бюро и собраниях Номтоев выдвигал чуть-чуть не такие предложения и советы, какие надо было. Решения принимались правильные, а слова произносились сухие, казенные, отчего на собраниях, бывало, возникала гнетущая атмосфера. Не так говорил Номтоев, как надо бы. Чуть-чуть перегибал. И это «чуть-чуть» было трудноуловимым и лишь чувствовалось порой подсознательно.

Первое время Гармажап Нимбуевич не особенно винил Номтоева, сознавая, что это у него отрывка давних лет, когда в партийной работе многое было нарушено и искажено. Не всякий быстро освобождался от того, к чему когда-то прикипел душой. Да и собрания-то были не чаще, чем в месяц раз, в остальное же время будто бы за Номтоевым никаких «отрывков» не наблюдалось.

А вот сегодня словно его прорвало. Но и дело, надо сказать, случилось из ряда вон выходящее.

Рано утром, как обычно, председатель побывал у доярок, оттуда проехал посмотреть, как убирают горох, а после завернул в улус: надо подписать кое-какие документы, скопившиеся в бухгалтерии.

Тут, в конторе, его и застал бригадир Баторской бригады, при-скакавший в улус охлюпкой¹. Бросив во дворе взмокшего коня, он быстро поднялся на крыльцо, прошел в кабинет председателя.

От него и узнал Гармажап Нимбуевич, что верующие улуса отправились «освящать» табису на перевал, поскольку, мол, туда Гомбо Сахалтуев ходил когда-то... И еще сказал, что те, кого послали вынче силосовать кукурузу возле речки, ушли с ними. Да и с фермы, говорят, ушли. Народу сбежалось порядком. Будто бы объявился какой-то святой, называют его не то хубилганом, не то еще как-то. А только это, говорят, не святой, а наш Галдан, тот, что на Баторской ферме был.

Гармажап Нимбуевич сразу первый вопрос:

— С водкой поехали... эти верующие?

— Видели, что два ящика погрузили: и белое, и красное.

— И барана погрузили?

— И барана, говорят.

— Они без этого не могут. Понятно. Давай за Номтоевым, найди, где хочешь. Поедем туда. Че-ерт! Опять прозевали.

А на табисе получилось вот что.

Когда Гармажап Нимбуевич с Номтоевым и бригадиром приехали туда, увидели то, что обычно бывает на молебствии.

¹ Без седла.

Низкорослый, коренастый лама с желтой лентой скороговоркой читал молитву. Рядом с ним стоял в желтом халате и желтой шапке Галдан. Руки его были приподняты над головой, пальцы сцеплены, глаза закрыты, губы беззвучно шептали. У ног его на каменных плитах разложено в тарелках и мисках всякое угощение. Всегда это угощение предназначалось бурхану, а теперь вот... Галдану, который, говорят, объявлен ламами живым наследником Будды на земле — хубилганом.

Неподалеку веточки березовые с зурумами. То ли ветер сюда не доходил из-за густых зарослей, то ли к полудню утихло, только зурумы висели неподвижно, мертво, словно языки у собак в жаркий день.

Несколько парней отделились от молящихся, перешептывались друг с другом и пересмеивались, давая понять, что они тут случайно, просто пришли посмотреть. С ними-то и заговорил Гармажап Нимбуевич:

— А вы тут зачем прохлаждаетесь?

Ему ответили:

— Да мы так...

— Забежали вот... Сбрехал кто-то: святой, мол.

И смешок в сторону:

— Хлеба и зрелищ... захотелось.

Парни, смущенно переглядываясь, вышли на дорогу к улусу.

«Ну, эти ясно... — подумал Гармажап Нимбуевич. — Не часто ведь у нас святые объявляются. Любопытство разбирает, на без этого. Да и выпить, поди, непрочь. Хотя пьяниц среди них завятых нет, все работяги, обычно безотказные, можно сказать, преданные колхозники. А все-таки пришли, хотя и не завятые. Почему так? Как это понять? Было бы отвращение к водке, разве бы они здесь были? Не-ет. И не пьяницы, а случай подвернулся — готовы выпить. Вот она, какая водочка-то! Мы шум поднимем, когда человек уже спится, да и то не всегда. А тут, видишь, как все сложнее! Из этих работяг, может, ни одного пьяницы и не вырастет, а все же... Отвращения к водке нет. Мало мы обо всем этом думаем, дорогой товарищ Номтоев! Мало!»

Так размышлял Гармажап Нимбуевич, а сам прикидывал умом, как бы это поудачнее прикрыть молебствие, чтобы кому положено силосовать, шел бы на берег речки, ну, а которые слишком темные, те, как хотят... Потому, что запретить это нельзя. Но опять же и терпеть нельзя. Никак нельзя!

Может, подождать малость? Молебствию, поди, скоро, завершение. Этот, низкорослый-то, видать, охрип да и проголодался. А в долину, как они спустятся, я с ними там поговорю. Пока молились, мол, терпел как мог, а пьянства в горячее уборочное время не допущу.

Ну и стояли, и смотрели молча председатель, парторг и бригадир. Гармажап Нимбуевич нет-нет да и вскидывал руку, выразительно поглядывая на часы.

Бубнил что-то лама, «святой» Галдан то опускал, то вскидывал руки, а те трое стояли и смотрели...

И вот один из молящихся не выдержал, подался от толпы на шаг. Лама повернул голову, переступил с ноги на ногу... Тот — не выдержавший — остановился, было, но увидев, как председатель снова нетерпеливо поднял руку, торопливо зашепчил вслед за ушедшими парнями, ни на кого не глядя. И второй не выдержал. Сначала попятился, затем, натянуто улыбаясь, посмотрел на Гармажапа Нимбуевича и решительно пошел по дороге. За ним еще один, а потом женщина вышла из толпы. Первая женщина...

Председатель шагнул поближе к табисе и стал так, чтобы лама и тот чудак — «святой» видели его лицо и чтобы он видел их лица. Пора было как-то свертывать молебствие... Да и лама, видимо, поняв, что время подошло, зачастил, забормотал что-то вовсе непонятное. «А так-то неплохо, — мелькнуло в голове у Гармажапа Нимбуевича. — Побормочи еще с пяток минут и останешься с одними старцами».

На это и надеялся председатель, считал, что мысль верная — ждать. Пусть помолятся. Что будет, то будет. Этот «святой» все же его пугал, настораживал. Скажешь какое слово необдуманное, лама воспользуется, раздует такое, что... Все тогда испортишь.

Но не так думал Номтоев. Он был сторонником прямого и скорого вмешательства. Его подталкивало то, что некоторые колхозники уже покинули табису, ему казалось, что надо поскорей дать какой-то толчок и вся затея со «святым» Галданом лопнет. Да и молча стоять ему надоело, и он представлял, что это не совсем для него удобно, поскольку его поведение выглядело слишком пассивным. И когда Гармажап Нимбуевич шагнул поближе к ламе, Номтоев облегченно вздохнул, восприняв все по-своему, считая, что пора вмешательства пришла. Он не стал выжидать, как поступит председатель, полагая, что будет лучше, если прежде начнет он сам, а не кто-либо другой. Он даже почувствовал боязнь от того, как бы его не упредили.

— Так что извиняемся, граждане одноулусники, — сказал громко и торжественно Номтоев. Он повернулся к ламе и добавил: — И вы извиняйте... Мы ждали долго. Вот... А у нас работа стоит, нынче не выходной день и без разрешения сомонного Совета¹ не можем допускать каких бы то ни было сборов, сходок и прочего всего.

Лама перестал молиться, испуганно заморгал и будто бы поуменился в теле. Галдан исподлбья зло сверлил глазами-буравчиками.

— Мы сознаем это самое... и сочувствуем вашей темноте, — продолжал Номтоев. — И видим тут прежде всего свою недоработку... Это учтем... Но извините еще раз. Как вы дошли до жизни такой, что с полной убежденностью и безо всякого сомнения в истине визнаете на этого самого так называемого «святого»?..

— А вы нам не мешайте! — раздался чей-то голос. — Мы же вам не мешаем...

«Кто это? — Гармажап Нимбуевич поискал глазами. — Ага. Дед Жалсарай. Ну, ясно. Кто же еще...»

Негромкие голоса в толпе эхом откатились на дорогу. Лама поднял руки, призывая к тишине:

— Свою молитву я закончу словами из великого учения Будды. «Жизнь на земле — это зло и страдание».

«Ишь куда гнет», — подумал Гармажап Нимбуевич.

— Будда учит: «Откажемся от ложных и призрачных радостей жизни, подавим в себе желания, страсти и влечения. Погрузимся в нирвану!» — Лама сложил руки, наклонил голову к Галдану и тот, как деревянный, зашагал прочь от табисы. За ним, косолапя, двинулся лама, чуть поодаль ковыляли старики, старухи...

Номтоев вытер платком пот с лица, бледность отливала от его щек, он приходил в себя. Что-то тревожное ворохнулось у него в глазах, на какой-то миг он почувствовал, что вел себя как-то не так, но уходящая процессия верующих возвратила ему присутствие духа и он начал мысленно убеждать себя в правильности и своевременности своего вмешательства.

— А этот лама здорово напугался, — проговорил он, улыбаясь. — Живо свернул свою проповедь.

¹ Сельский Совет.

— Могло хуже быть.—сказал бригадир. — Я не знал, чего и делать. Нас трое, а их много.

— Трое? — усмехнулся Номтоев. — Чудак ты! В арифметике не силен... За нами, знаешь...

— Ты не улыбайся,—перебил его председатель. — Вот попробуй теперь уговорить, чтобы они шли силосовать...

— Не я, так они еще бы тут талдонили.

— Что-то у нас не ладно все это идет,—сказал Гармажап Нимбуевич.

— Что — не ладно?

— Ламы активизируются. Это точно. В улусе бурханов стало больше. Ведь до чего доходит... Бухгалтер наш рассказывал. Магь его уговаривала: поставим, мол, бурхана, от греха подальше. Он — ни в какую. Так что она сделала? Зашила ему изображение бога в лацкан пиджака. Он как снимает или надевает его — слышит что-то хрустит, вроде бумажка. Заинтересовался, пощупал пальцами: что-то квадратное, твердое. И рядом по шву видно, что руками залатано, не на фабрике... Распорол и вот — на тебе... И таких фотокарточек, говорят, много в Угалзе стало. Кто-то их печатает, продает... Мы же ничего не знаем. А тут еще «святого» прозевали. Предупредить-то было бы легче, а теперь попробуй... Вспомнил... где-то читал... Это у них называется «живой бог». В Монголии раньше много таких объявлялось.

— Поменьше бы с ними чикались, толку было бы больше,—вставил Номтоев.

— Как это?

— А вот так. В тридцатых годах был я комсомольцем. Так, что мы делали? Соберутся верующие на обо, молятся, а мы тут неподдалеку, шагах в десяти, даем боевую беседу о сущности религиозных обрядов. И ничего — в самую печенку попадало! Или с бурханами эти-ми. Пойдешь по юртам и давай агитировать. Которые соглашались сразу или не сразу. А если видишь, что упорствует который — берешь бурхана за медную голову... только его и видели.

— Выбрасывали? — удивился бригадир.

— А ты, думаешь, что? Любовались?

— Времена не те были,—вдохнул Гармажап Нимбуевич.

— Это верно, что не те. Раньше сплошная темнота в народе, оттого и религия. Помню случай... В одной семье заболел сын и умер. Вдруг и дочь заболела. Родители — к ламам. Из Цугольского данана приехал такой важный... Кажется, Гатабом звали. Я еще парнишкой был, бегал смотреть. Этот Гатаб из баночки достал шоо¹, помолился, приложил шоо ко лбу и бросил его в ту баночку. Посмотрел, какую цифру показывает. А потом заглянул в книгу, нашел ту цифру и говорит, что ваших, мол, детей губят ваши же покойные старики, которые на том свете обернулись в нечистую силу. Ну и надо эту нечистую силу подавить. И вот верьте или не верьте, а лама три дня под звуки барабана и медных тарелок читал гурум².

— Работящий был дядя! — рассмеялся бригадир.

— Тебе бы в бригаду такого... Ну и вот. Что дальше? В ночь на третьи сутки устроил он... Темно уже стало. Убили козу, сняли с нее шкуру в целом виде, во внутрь положили дощечки с именами этих умерших стариков, которые стали шуткурами! — нечистой силой. Пробежали с этой шкурой вокруг стойбища хозяина. Потом лама снова взялся за гурум, снова барабан, тарелки зазвякали... и черным платком так помахивает этот лама. И пошли все они на стык трех дорог.

¹ Кубик, на каждой стороне которого определенное количество очков.

² Заклинание.

не вырыта была заранее яма. Да-а. Ну корчился он еще там, кривился возле ямы, бросил туда шкуру, набросали землю и сверху камнями завалили. Вернулись в юрту, Гатаб и говорит: «Если в эту неделю молния ударит в яму, считайте, что шуткуры окончательно повлены».

— Ну и как — ударила? — с любопытством спросил бригадир.

— А что же ты думал — дурак этот Гатаб, что ли? Вместе с камнями он положил сверху кусок магнита. Ну, а остальное понятно — новость.

— Барометр у него был?

— Не иначе. А то, думаешь, он рискнул бы?

— А про магнит как узнали?

— Про магнит? Не все поверили в чудеса. Позвали учителя, тот нашел это самое... Потом опыты показывал, что и как пояснял.

— Ну вот, все же опыты понадобились, — сказал Гармажап Нимбуевич. — А ты говоришь: «Поменьше бы чикались...»

— Так темнота же... В улусе — ни читающего, ни пишущего. А сейчас посмотри! Чего, скажем, Галдан полез на должность «живого бога»? Он же школу кончал, его магнитом не удивить. Блажь это у него, придурь и больше ничего. Стоит прижать хорошенько, и отрешается от своего Будды, не задумываясь.

— Я думаю, что тут сложнее, — возразил председатель.

— А чего сложнее? Беседовать, уговаривать, конечно, надо. Не из этого... Только, поверь мне, из стариков редко кого уговоришь. Пока ты у него перед носом, он будет поддакивать тебе, а повернулся — он бурхана вытащит. Знаю я их... насмотрелся.

— Старики, они разные. Возрастом не слишком разнятся, а у каждого за плечами свое... Всех под одну гребенку нельзя.

— Да я не об этом.

— Так о чем же мы говорим?

— Что-то я тебя, Гармажап Нимбуевич, сегодня никак не пойму, — развел руками Номтоев. — Что я ни скажу, все не по тебе, все не так, все криво...

Номтоев помрачнел, губы его обидчиво вздрагивали.

— Это верно. Не клеится у нас. Я когда «живого бога» увидел, растерялся. В жизни такого видеть не приходилось. Да еще какой бог!? Мальчишка с нашей фермы, скромный, добрейшая душа... Да из него бы такого человека воспитать!.. Эх-ма! Растерялся я, не знаю. Будто у меня от живого тела оторвали. А для тебя, Доржи Гармаевич, все просто. Придурь, блажь... Молебны для тебя — это сплошь выпивох.

— Да ты же сам говорил!

— Говорил. Только... не совсем, как ты.

— Как это — не совсем?

— Да оставьте вы! — вмешался бригадир. — Этак и вовсе разругаетесь, не поймешь из-за чего. Надо людей где-то находить на силосование. Кукуруза переставляет на корню, соки тернет. Давайте распрямление, Гармажап Нимбуевич.

До улуса ехали молча. Номтоев курил, не переставая, а председатель прикидывал, где бы ему найти людей на силосование.

Пречка Угалза сразу же за улусом круто сворачивала к тайге. По долгий путь журчали ее воды рядом с неохватными соснами и едрами. Угалза опять убегала в степь и терялась у горизонта, среди бур.

И вот тут-то, на излучине, от самого леса тянулись к ней кусты и под их шатровой изумрудью протекал ручей. В улусе его называли Ухагуй газар¹. Такой уж был ручей... После редко выпадавших дождей меж корней светилась вода, тонкий лучик солнца робко блуждал в мелкой заводи, бойко ныряли жучки... В тени лопухов трещали стрекозы. Но чаще ничего этого не было. Одна осока да мокреть. Оголенные галечные камни сушили свои гладкие бока, жучки видать, уползали под них, а, может, и в землю зарывались. Осока желтела острыми, как жало, пиками...

Ручей — не ручей. Вода — не вода. Надо думать, в шутку сказано было когда-то: «Ухагуй газар». От шутки и повелось название ручья.

...Судьба этого родничка чем-то напоминала судьбу Дулма-Ханды, матери Галдана. Жилец — не жилец. Работник — не работник. Свалилась беда на женщину и ни в какую не отпускает. Пока здоровой была, себя не жалела. Гармажап Нимбуевич звал ее «преданной колхозницей». Это у него было любимое выражение для тех, кто безотказно шел на всякую колхозную работу.

Года два назад ездила Дулма-Ханда к родственникам в нижне-ононские улусы и привезла оттуда болезнь. На озноб и обильную потливость махнула, было, рукой: мало ли что... Утром и днем болезнь отпускала. Дулма-Ханда и тому была рада. Ведь двое детей на руках да и старший не совсем еще на свои ноги встал.

С полгода боролась женщина с болезнью в одиночку. Все думала, что отойдет болезнь, отвяжется. Изнуряющие боли заставили ее пойти к фельдшеру. Тот осмотрел, покачал головой, отругал Дулма-Ханду сколько мог за поздний приход и велел безотлагательно ехать в Читу.

Месяца три лечили ее врачи городские, а потом выписали с лекарствами и предписаниями. В Угалзу вернулась она тихим светлым майским днем тепло одетая, исхудавшая и бледная. С того дня и прижилось у вдовы в юрте, хотя и знакомое местным улусникам слово да век бы его не слышать: бруцеллез...

Фельдшер приходил к Дулма-Ханде, вгонял шприц в вену, по коже. А болезнь не отступала. Опухали ноги, руки.

— В больницу тебе надо,—говорил Номтоев.— Детей еще тут заразишь.

— Лягу я в палату, а ребятишек куда? — спрашивала Дулма-Ханда.

— Куда? Может, родные есть?

— Кому же такая обуза...

— Ну, погоди. Что-нибудь придумаем.

Время шло, а пока ничего «придуманно» не было.

Галдан из школы ушел, недоучился около года. Какие уж тут уроки, когда надо за коровой и овцами доглядеть, ремонт по дому сделать, сестренка-однолеток к урокам подготовить — они учились вторую зиму. Мать мало-мальски обед варила да уборку вела и то не всегда. Длительные, почти не прекращающиеся боли доводили ее до отчаяния.

Пошел Галдан в Баторскую бригаду. Того, что мать получала по болезни, не хватало... Трудные дни подошли. Нежданно и негаданно

Обычно добродушный, покладистый, он замкнулся в себе, не принимая и не понимая той беды, которая скомкала и сломала привычную жизнь. Теперь в семье все шло по-иному. Мать молилась

¹ Сухая местность.

бурхану, а ведь раньше она никогда не говорила о божьих, о добрых или злых духах. Угнетенная постоянными болями, она искала спасения от кого угодно и где угодно.

Иногда приходил старик Жалсарай, усаживался на хойморе, сочувственно слушал жалобы хозяйки, качал головой. Выслушав ее, он вытаскивал обычно из сумки толстую книгу в кожаной обложке и читал тихим и добрым голосом о владыке райского царства Амитабе, который ждет всех тех, кто безропотно и безвинно страдает на грешной земле. По словам Жалсарая, выходило, что боли и страдания — это и есть благо земной жизни, что тот, кто несет такой тяжкий жребий, обязательно попадет в рай, а затем его ждет нирвана, и очутиться там страждущему — высшее, необъяснимое человеческим языком блаженство.

Дулма-Ханда лежала на высоких подушках, чтобы лучше видеть и слышать. Когда заломило в пальцах, стало их скрючивать, хотела, было сказать: «Вам бы, Жалсарай-ахай, претерпеть часть того, что мне...» Но смолчала. Зачем? Сосед с добром пришел, для утешения. Он-то разве повинен в чем? Порешила так и вроде полегчало, отпустило.

После его ухода думала... Может, что-то и есть правдивого в той книге? Кто знает.... Вот сидел человек, не родственник, не кто Сосед, одноулусник. Мог бы и ноги здесь не казать. А пришел и будго светлее в юрте, будто и болезнь притаилась. Утешил, старик. Славный... Тоже жизни-то спокойной мало видел. Подумать только! А не об одном себе и о других заботу имеет. Утешил. Наобещал на том свете... Не верится как-то, не привычно. А хорошо бы так-то... Хорошо.

На другой день к вечеру снова пришел Жалсарай. И не один. С молоденькой продавщицей из магазина. Цырма звать. Невидная такая из себя, пугливая, а все присматривается к чему-то, словно ждет... Дулма-Ханда пошевелилась в постели, девушка сразу подушку поправила. Услужливая. Почему-то волосы у нее не черные. Или черные? Не-ет. Скорее светлые. А глаз почти и не видать: то ли лоб высокий скрадывает, то ли потому, что волосы приспущены. Лицом-то, бедненькая, не вышла. А так — ничего себе. Видно, что ласковая и послушная. Пока старик Жалсарай свою книгу читал, она сидела тихо, слушала.

Когда мирской разговор пошел, Цырма попросила у хозяйки согласия прибрать юрту. И прибрала, надо сказать, прилежно. На решетах и то, поди, пылинки не осталось. Взяла веник хозяйки, растерянно так посмотрела на старика... Веник-то — одна видимость.

— Ну-ну,—сказал Жалсарай.—Или догадки нет?

Есть догадка. Сходила в степь, нарвала золотарника, связала такой веник, что Дулма-Ханда не знала, как ее и отблагодарить.

Галдан подошел с фермы. Плигу затопил. Цырма ему помогала, растопку принесла со двора, чайник почистила. При Галдане она будто посмелее сделалась. Дулма-Ханде от этого — удивление. По всему видеть, с сыном-то она раньше познакомилась где-то. Может, в клубе или в магазине. Галдан-то часто в магазине кое-какие продукты берет.

С того вечера Цырма в юрте Дулма-Ханды за своего человека. Как выпал ей свободный час, так она и бежит сюда. Сама неприметная, а руки — огонь. Хозяйке бы радоваться, да неловко отчего-то. А если Цырма что-то замыслила? Что же? Не сына ли задобрить да женить на себе?.. Какая невестка, если на людях с ней показаться неудобно. Ей неохота было бы идти с ней на люди! И услужливая, и трудяга, только для женщины это еще не все. Ой — не все!

Осторожно, намеками спросила как-то ее про то, о чем сама ду-

мала. А та ответила, что Будда велит ей разделять боль и страдания ближних. Вот и пойми такую: «Разделять боль»... Ишь какая! Не очень-то поверила Дулма-Ханда. Выбрала момент и об этом же сына спытала и еще добавила, опять же осторожно, про ее неказистость. Галдан про Будду умолчал, будто и не расслышал, а сказал только, что самому ему вначале Цырма казалась такой же, но, как присмотрелся, будто превращение явилось ему. Да и точно ли превращение? Из дурнушки-то?..

Дулма-Ханда, съедаемая материнской ревностью, не утерпела, выспросила как следует. А что услышала? Лучше бы и не надо... И глаза у нее, мол, не бесцветные, не мелкие. И волосы не бог знает какие, а к лицу. «Так что, сынок, или я уж вовсе ничего не вижу?» — спросила она, пораженная услышанным. «Я знаю, — ответил он. — Знаю, что для тебя она некрасивая. И для всех других... У нее отсутствуют привычные нам черты восточного лица, нет тех линий в фигуре, которые нам нравятся всегда. Да-а. Это так. Ни нежной смуглой кожи, ни того голоса... Помнишь, песню о гургалдае?»¹. «Что же у нее есть тогда?» — воскликнула Дулма-Ханда. «Свет, сияние...» — «О чем ты? Что за свет?» — «Ты не видишь, она вся в свету, вся исходит им, она источает его и в этом ее красота. В этом! Красота в некарасоте...» — «Мне трудно тебя понять». — «Мне самому трудно. И знай — вот эта ее красота в некарасоте — сильнее всего». Последние слова Галдан произнес тихо, она едва расслышала.

«Ну что же, — подумала Дулма-Ханда, оставшись одна в юрте. — Я больна и годы уже не молодые. Пусть они живут, как знают, и поступают, как хотят. Мой час пробил. Остается ждать старика-сторожа. Может, его книга поможет скоротать долгие вечерние часы?».

И еще был у матери с сыном разговор. Рано утром. Сестренки спали, и никто их не слышал.

— Знаешь, мама, я все думаю и думаю: почему столько бед обрушилось на нашу семью? Смерть отца, твоя болезнь...

— Так уж вышло. Что поделаешь? У отца инфаркт, это еще с военной поры. У меня... Что тебе рассказывать?..

— Но ты вот слушаешь старика Жалсарая, бурхана нашла где-то... Что это все?

¹ Соловей.

— Это? Ну, как тебе... Просто у меня такое...

— Ты слышала когда-нибудь о загробной жизни?

Она молчала, закрыв глаза, думала: «Сказать или нет?» Ходики отстукивали вечность: тик-так, тик-так... сказать — нет, сказать — нет...

— Я не только слышала,—заговорила она с трудом.—Я готовлюсь к ней.

В ушах вечность ходиков: так-так... так-так... Сквозь шум голос сына:

— Я про это знал. Мы вместе будем готовиться, мама.

— Что ты сказал?!

— Я не могу оставить тебя одну, а ты не оставишь нас одних.

— Я бы не хотела... но разве?.. О том часе никто не спрашивает...

Не пойму, что ты задумал. Что? Что ты задумал?

— Помнишь, Цырма говорила про Будду?

— Да, помню.

— Это и есть ответ...

— Разделять боль и страдания ближних?—прошептала она. — Ты поверил в то, что есть рай, ад?.. Как же так?

— Ну и что? Я так хочу! Пусть даже нет райской страны, пусть! Но на земле со мной остается вера в будущее, вера в то, что я возьму свое... Разве каждый из нас — и ты, и я, и Цырма, и все — не имеет права на счастье? Имеет! Но счастья на всех почему-то не хватает. Меня давит, душит. Мне кажется, что... Это еще с той осени, когда ты уехала в город лечиться. У нас шли дожди. Небо сеяло мелкие капли — едва разглядишь. И капля за каплей спускались тонюсенькими ниточками-паутинками... Паутинный дождь. И вот то состояние так и осталось во мне. Что-то паутинное... У меня, если плохое настроение, в ушах звуки того дождя. Не могу передать словами, как это... а слышу отчетливо.

— Тебе бы успокоиться. И все хорошо стало бы.

— Мне иногда страшно. Жизнь — это страдание. Ты страдаешь, я страдаю... А вдруг нас обманывают?!—Голос Галдана перешел на шепот. — Вдруг все не так? Ведь это же тяжело — так жить... Невыносимо, невыносимо... Можно сойти с ума.

— Ну, вот... зачем же? Расстроился опять.

— Да, вот что. К Жалсарая-ахаю приехал лама. Старик просил зайти к нему вечером. Так что...

— Ладно, ладно. Зайди.

— Ну, я ухожу, пора.

По дороге к Баторской бригаде Галдан раздумывал: «Увижу ламу... Сказать ему о больной матери? Скажу. А что? Может быть, он посоветует... И все будет хорошо. А что хорошо? Страдания — это что? Также хорошо? Не надо об этом... До вечера... до вечера».

Он постарался прогнать мысли о больной матери, о ламе — обо всем, что напоминало ему давние сеющие дожди... Паутинные дожди.

В юрте после сожжения можжевельника благовоние. Невесомые синие облачка утекали в дымоход.

— Ом-мани-пад-мехум! — звучала молитва.

Галдан смотрел то на Жалсарая, то на плечистого бритоголового гостя, восседавшего на хойморе. Растерялся... Ожидал совсем не то, что увидел.

— Сын твой?—спросил бритоголовый хозяина.

— Что вы, что вы! Это... это наш сосед, мой молодой друг,—ответил Жалсарай. — Проходи, Галдан, садись.

На продолговатом низком столике не соглики с божественными

книгами, а деревянное корытце с вареной бараниной, бутылка водки початая...

— Угощаемся,— говорил хозяин.— Молились, а теперь угощаемся. Я тебе, Галдан, говорил... Ну, вот, стало быть... Гость у меня должный. Служитель дацана ламбагай Сандан.

Галдан в знак уважения кивал головой, незаметно рассматривая гостя. Что-то не было к нему ни теплоты, ни доверия. У Жалсарая сколько изображений святых лам... Любо посмотреть. Ни морщинки на щеках, в глазах кротость и ясность. А эгот? На боксера похож. Где-то такого же видел в журнале. Глаза то смеются, то бегают по сторонам. И в одеянии ничего ламского нет: легкий халат небрежно растегнут, из-под него заметна чистая белая рубашка. И водку пьет...

Жалсарай достал из шкафчика стопку, поставил перед Галданом. Разлил всем. Лама прищурился:

— За молодого друга!

— Да, да, — торопливо заговорил старик. — Уважительный парень, добропорядочный. Теперь это редкость...

Галдан не стал бы пить, да как откажешься. Невозможно, и подумать нельзя. Жарко, душно в юрте, муха где-то надоедливо жужжала. Выпустить бы муху... Жалко...

— Мясо бери-ка,— сказал хозяин. — Не стесняйся. Ты у меня не первой. — Взьерошил Галдану волосы. — А я что-то хмельной нынче, давно не пивал, а она, нечистая, крепкая. Бурхан пивал ли такую? — И рассмеялся.

Лама или думал о своем, или не захотел говорить о Будде в такое время... Галдану это понравилось.

Хозяин снова разлил. Выпили. Ламбагай растегнул еще одну пуговицу на халате. У Галдана капельки пота бежали со лба.

— Скидывай пиджак-то,— разрешил Жалсарай,— а то, вижу, взмок. Ты не стесняйся, знай себе... — Старик повернулся к гостю. — А вот скажите, уважаемый ламбагай... Всю жизнь не держал я в хозяйстве ни свиньи, ни курицы. Это как понимать? В «Колесе мира» что сказано? Все пороки от свиньи, либо от курицы. Это как понимать?

— Как сказано в «Колесе мира», так и понимайте. — неопределенно ответил гость.

— А у меня мать умирает,— глухо сказал Галдан.

— Ма-ать?! — переспросил лама.

Жалсарай, вздыхая, рассказал о болезни Дулма-Ханды.

Лама молчал, думал, под скулами его костистого широкого лица ходили желваки.

— Лучезарное письмо было тебе? — вдруг спросил он Галдана.

— Не-ет. Не слышал про такое...

— Это письмо извлечено из камня, а тот камень упал с неба. Следуй заветам лучезарного письма и сбудутся твои желания.

— А что сказано в письме и где его взять?

— Ты не увидишь его, пока грешен, пока молитвы твои не дойдут до неба.

— Что же мне делать?

Гость прикрыл веками глаза, скрестил руки на груди.

— Тебе надо стать перерожденцем-хубилганом, — бесстрастно произнес он. — И тогда на горе Алханай ты увидишь зажженную лампаду, а под той лампадой лучезарное письмо.

— Неужели Галдана можно объявить живым богом? — засомневался Жалсарай. — Вот было бы хорошо... Тогда и Дулма-Ханда вылечилась бы.

— Прошлой ночью я ночевал в Илалте, — ответил ему лама. — От моей головы исходило сияние. Я ведь сам хубилган. Хозяин разбудил всех, думал, что утро — так было светло в юрте.

— Что же могло означать такое сияние?—спросил Жалсарай и весёло обратился в слух.

— Не иначе, как нынче в Угалзе объявится хубилган.— Веки ламы поднялись, глаза уставились на Галдана.— Не ты ли им будешь?

Галдан молчал пораженный. В голове все спуталось...

— Это был знак неба... то сияние,— продолжал лама.— И голос Будды говорит мне, что пришла твоя пора, Галдан, переродиться в живого бога. Уберите посуду, читайте молитвы и божественные книги.

Хозяин кинулся к столу, хватал, что попадало в руки, совал в шкафчик. Появились соглики с книгами. Лама и Галдан зашептали молитвы.

От того молебствия на горе Батор у Галдана осталось смутное чувство неловкости. Сначала были злость, раздражение и в груди закипала обида. А потом обида эта растворилась, растеклась... На душе осело смущение и неловкость. С этим чувством он и вернулся домой, швырнул желтую шапку в угол, ходил и ступал громко, чтобы мать услышала и сказала что-то: осудила или поддержала...

— Ну вот... вернулся?—спросила мать.—И что же?

— Не ведаю, ничего не ведаю,—торопливо ответил он.

— Непривычно все это.

— Что — непривычно?

— Да это... Перевоплощение.

— Почему?

— Мы люди, просто люди. Как и все остальные.

— Нет! Ты страдаешь годами. А они?

— Я и сама не сознаю, только непривычно и боязно,—сказала Дулма-Ханда.—Лучше жить, как все живут. Как все... Ты бы оставался моим земным сыном... Земным! А то — живой бог. Что это такое? Ты что делать-то теперь думаешь?—Она поднялась на локте, вёлозы ее свисали на подушку и в глазах застыла тревога.

— Что делать? Может, в дацан поехать? Лама Сандан зовет.

— А мы как без тебя?

— Или не ехать... Что-то тоскливо мне.

Галдан повернулся на скрип отворяемой двери.

— Можнэ к вам?—донеслось оттуда.

По глуховатому, с хрипотцой, будто простуженному, басу Галдан узнал председателя колхоза. Сердце сжалось... Горбаться, пошел в угол, сел к столу и уставился в окно, ничего там не видя.

7

Дулма много думала о Цэрэне. Из мыслей не выходил. Сколько времени прошло после той размолвки... И ничего такого не было между ними. Совсем ничего. Почти и не встречались, не приходилось как-то, а если встречались, то просто как знакомые. О чем-то говорили, и не вспомнишь — о чем. А та трещинка, что наметилась у них, все расходилась и расходилась... И вроде как нынче стояли Цэрэн и Дулма на противоположных берегах и те берега отдалялись друг от друга.

«Люблю ли я его?» — спрашивала сама себя Дулма. И не сознавалась, даже для себя не хотела... Отбрасывала мысли, а они возвращались, наполняли голову долго не проходящей болью. «Разве такой бывает любовь?»—думала она.—Не-ет, какая же это любовь, когда самой тяжело и хочется, чтобы и им... Цэрэну и той... Лхаме-Сурэн тоже было тяжело, чтобы и их жгла боль. Может, это уже ревность, а не любовь? А что такое ревность? Несчастливое продолжение люб-

ви? Или что-то другое? Вот ведь как... И в себе не всегда разберешься, а не то, что в других. Если у меня ревность, то как же... Стало быть, я не верю в Цэрэна, не верю в то, что он... Во что — в то? И в себя не верю, в свои силы не верю. И почему не уважаю себя? Почему все вокруг опостылело? Это из-за ревности... Нет, надо уйти от этого чувства, быть выше... Отец говорил: надо подавлять желания. Чепуха какая! Желания бывают разные. Подарить ревность — это так. А любовь? Любовь к Цэрэну... Тоже подавить? Может, пойти к нему и обо всем поговорить? Пойти, пойти к нему...

Она стояла у зеркала и рассматривала себя со всей тщательностью, как незнакомого, но чем-то заинтересовавшего ее человека. «Пойти к нему, пойти к нему...» — стучало в висках. «Нет, нельзя, — предупреждал ее внутренний голос. — Он должен первым подойти к тебе».

Дулма взяла тюбик с кремом, ей показалось, что кожа на щеках стала сухой, и все время, пока она натирала лицо, разговаривала с тем внутренним голосом, который предупреждал ее быть гордой и не идти к Цэрэну, дабы не выказывать своей слабости.

Томительно-медленно уходили дни. Чувство ревности, которое она надеялась подавить, не проходило. Разум, воля и желания ее шли нескрепяющимися путями и бывало, что за короткое время брали верх то одни мысли, то другие. Но как бы ни менялось у нее настроение, все равно неудовлетворенность жизнью не покидала ее. И вот в те беспокойные дни, когда порой не хотелось ли видеть никого из домашних, ни пойти куда-нибудь, ей в голову засела мысль повидать Лхама-Сурэн и поговорить с ней. Она поначалу испугалась этой мысли, подумала о том, что лучше уж разговаривать с Цэрэном, нежели с той... И все же еще она возвращалась к мысли о том, чтобы повидать Лхама-Сурэн. И снова она спорила со своим, внутренним голосом, который подсказывал ей: «Пойди к той... расскажи ей, узнай обо всем. Может, у ней ничего и нет с Цэрэном. Выдумала сама бог знает что». — «А если есть?» — спрашивала Дулма у своего голоса. «Ну, если так, скажи ей... Скажи, что Цэрэн не для тебя. Ты мол, верующая, живешь с ламой, ну и живи. А он, Цэрэн, не такой, чтобы с верующими...» — «Она ответит, что любит Цэрэна, что ей все равно, верующий он или нет». — «Если так ответит, передай ей, что она обязана подавлять свои желания, что неразделенная любовь для нее — блаженство, что только так она познает нирвану». — «Какие глупости». — «А что? Разве Лхама-Сурэн выгадет от той любви? У Цэрэна на всей семье какой-то рок». — «А ты зачем за него держишься?» — «Я не держусь... Тебя, Лхама-Сурэн, предупреждаю». — «Вижу, чего ты добиваешься. Вижу. Обмануть меня хочешь».

Странно и непривычно... Внутренний голос вдруг почему-то стал отвечать за Лхама-Сурэн, и опять заломило в висках.

Дулма все же заставила себя отказаться от мысли поехать в поселок, чтобы повидать Лхама-Сурэн. Она, кажется, убедила себя в том, что большего унижения нельзя и придумать.

И еще истекло после этого несколько томительно-медленных дней.

Мать Дулмы получила письмо от младшей сестры, тетушки Бутыд. Та писала, что все лето собиралась приехать в Угалзу, погостить, да никак не смогла — то подмены на службе не находилось и не пускали в отпуск, то болезнь помешала и пришлось лечь в больницу.

— Какая же болезнь? — спросила обеспокоенно Норжима-абагай.

— Она сообщает, что гипертония.

— Раньше таких болезней не было,— покачала головой мать.— Что она еще пишет?

— Жалеет, что не побывала в Угалзе... «Так хочется молотой черемухи со сметаной, но у нас в поселке ее не купишь»,—читала Дулма. — Постойте... Разве у них в Карымской нет черемухи?

— Почему в Карымской? — удивилась Норжима-абагай.— Она с весны переехала на Шилку. Ее мужа перевели на рудник. Я разве тебе не говорила?

— Не-ет, что-то не помню.

— Ну, может, я и забыла. Только Бутыд теперь не в Карымской. А вот, видишь, куда бы ни бросала ее судьба, а родные-то места все же лучше. Черемухи, видишь ли, захотелось. — Она рассмеялась, довольная, видимо, тем, что никогда и никуда далеко не ездила за всю свою жизнь и ни о ком и ни о чем не скучала. — Черемухи, видишь ли... — повторила она, сощурившись, и посмотрела на дочь, словно желала убедиться, все ли так вычитала она, как указывалось в письме сестры.

До Дулмы как-то сразу не дошло, что ее тетка жила на Шилке. Переехала? Ну и ладно. Не все ли равно — куда. Она эту тетку всего один раз и видела-то. Давно, лет десять, поди, прошло.

Письмо, прочитанное Дулмой, побывало в руках Норжимы-абагай и Жалсарая-ахай, затем оказалось в плетеной коробочке. И только тогда Дулму пронзила мысль:

«Тетушка-то живет в том же поселке, что и Лхама-Сурэн! Вот так случай!»

Ей стало вдруг жарко и почему-то появилась слабость. Дулма прислонилась к стене и незаметно для отца и матери дотянулась до стула, придвинула к себе и села.

Мать все же увидела:

— Что с тобой? У тебя не жар ли?

— Это от печки.

Тишина в юрте. Мать перемывала посуду, залежавшуюся в летнике. Отец вытащил тибетскую книгу, оседлал нос очками, теперь дспоздна будет шевелить губами. А у Дулмы одно в голове... Будто бы пламенем всю охватило. Ничего знать не хочет, ни о чем думать не желает. Одно в голове... «Еду к тетке! Еду! Еду!.. Все равно еду! Кто бы ни отговаривал — слушать не стану». Она даже себя не спрашивала: «Зачем ехать?» Боялась спрашивать... Краешком сознания улавливала истину и тотчас же отбрасывала всякую мысль об этой истине.

— Мама, я поеду к тете Бутыд,— произнесла Дулма в полной тишине и не узнала своего голоса.

— Поедешь? — Мать повернулась к ней.— Куда?

— К тете Бутыд.

— Это... это... Она звала, что ли?

— Да нет, но... Она же больная, надо ее проведать, чего-нибудь привезти. Тетя мне как-то подарила ленты, а я ей еще ничего не дарила. И потом мне надо купить туфли... на металлических каблуках. В наш магазин таких не завозят, а в поселковом универмаге они есть. Учти, я поеду и не вздумай меня отговаривать.

— Да я и не отговариваю. Только напугала ты меня. Молчала, молчала и бухнула...

— Ну и поезжай.—Отец снял очки, посмотрел на мать.—Пусть погостит, если охота. И Бутыд будет, поди, рада.

— Да я что? Я разве против?—Норжима-абагай присела на табуретку, подумала.—Кабы здоровье, сама бы не удержалась. Сколь-

ко лет с ней не виделись... А я ведь ее нянчила когда-то.— И она всхлипнула. — Черемухи ей повези...

Жалсарай не выдержал:

— Ха! Черемухи ей... Да зачем она нужна?

— Она же просила.

— Ха! Просила... Да ну вас всех! Везите, чего хотите!

Дулма не слушала ворчания отца, ходила по юрте, размышляя о том, что она возьмет с собой в поездку.

Прежде чем покинуть Угалзу, Дулма все же решила сходить к Сахалтуевым, сказать, что вот, мол, едет в поселок, не передать ли что Жалсану... Для нее очень важно было взять от Мэдэгмы какое-либо поручение. Тогда облегчалась встреча с Лхама-Сурэн.

Дулма уже подходила к дому Сахалтуевых, когда со двора слышался голос Цэрэна и тут силы оставили ее. Она ничего не могла поделать с собой и прошла мимо.

Побродив по улусу, она успокоилась и настроила себя на то, что ее приход к Сахалтуевым не привлечет внимания. «Так поступил бы в улусе любой, оказись он на моем месте»,—рассуждала она.

И все-таки, лишь снова показались голубые наличники окон дома Сахалтуевых, Дулма стало казаться, что все прекрасно понимают, зачем она уезжает в поселок и почему ей вдруг понадобилось ни с того ни с сего везти что-то Жалсану. Может быть она опять бы безвольно прошла мимо, но калитка вдруг открылась и со двора Сахалтуевых вышла Мэдэгма с хозяйственной сумкой. Она, видимо, собралась в магазин.

Дулма сразу ощутила облегчение. Думать и предполагать уже было некогда...

— Ну, здравствуй, здравствуй! — говорила тетушка Мэдэгма, чему-то улыбаясь и рассматривая Дулму. — Давно не видела... Где ты пропадаешь?

Дулма отметила про себя, что мать Цэрэна будто бы посвежела за последнее время и выглядела моложе и одета без какой бы то ни было неряшливости. «Это она без Гомбо... поэтому»,—подумала Дулма.

— Я, как вас увидела, так и вспомнила,—заторопилась высказаться Дулма. Она спешила потому, что все равно плохо понимала, о чем ее спрашивала Мэдэгма, и еще боялась, что из калитки мог с минуты на минуту появиться Цэрэн. — Я ведь еду на Шилку, в тот поселок, где ваш Жалсан. Может, что-нибудь узнать о нем или передать ему? У меня там больная тетка, надо повидать ее, мать так просила...

— Вот что! — обрадовалась Мэдэгма. — Ну спасибо, что сказала. Спасибо большое. Когда едешь?

— Так вот... скоро. Пожалуй, что сегодня.

— Э-э, как быстро! Тогда заходи к нам. Я соберу кое-что.

— Нет-нет, что вы! — испугалась Дулма. — Я потом зайду.

— Когда же потом? Давай заходи!

— Нет-нет!

— Ну что там! — Мэдэгма взяла девушку за руку. — Пойдем, пойдем!

Во дворе Сахалтуевых — узкая тропка, огибающая дом. У забора свалены бревна, тут же распилены чурбаки. Из-за дома показался Цэрэн, увидел Дулму, остановился, неуверенная улыбка застыла в уголках рта.

Поздоровались, как ни в чем не бывало.

— На Шилку она собралась,— сказала мать. — Хорошо, что ее встретила. Жалсану pošлю... варежки, чулки ему связала.

Цэрэн сказал:

— Забирать бы его оттуда надо.

— Ну, ну... забирать,— перебила мать. — Какой скорый! Он там учебу начал, а ты — забирать...

Дулма сразу же прониклась сочувствием к Цэрэну за то, что тот хочет увезти брата из поселка.

— Пойдем, я тебя долго не задержу,— говорила хозяйка Дулме. — У меня почти все готово, надеялась, что Цэрэн туда на машине проскочит, а теперь он не может...

Дулма присела на кухне. Мэдэгма ушла в комнату.

— Это почему же Цэрэн не желает, чтобы Жалсан там проживал? — как можно более равнодушно спросила Дулма. — Или ему в гостях плохо?

— Да какое плохо, что ты! — ответила хозяйка. — Живет, как в глусе ему и не снилось.

— Ну-у? — удивилась Дулма. — Цэрэн, что же... соскучился по брату, что ли?

— Да нет, не потому. Видишь ли, был когда он там... Ну и встретил эту... Живет, что у старика...

— Лхама-Сурэн?

— Вот-вот, ее. Та и сказала ему, что будто бы Гатаб приучает мальчика молиться.

«Цэрэн там встречался с ней», — подумала она и ей стало одиноко и неуютно. «Может, зря еду туда?»

Мэдэгма пришла со свертком.

— Вот... передашь. Посмотри, как он живет. Зимой я сама выберусь к нему, посмотрю. А то, что Лхама-Сурэн говорит... Глупости, — думаю. Она не иначе выжить его хочет.

«А Цэрэн-то все-таки не вам поверил, а ей», — подумала Дулма.

Они вышли из дому вместе. Цэрэн колол дрова, на скрип двери подошел.

— Уезжаешь? — спросил он Дулму.

Она кивнула. И снова увидела ту же неуверенную улыбку.

— Ну-ну. Счастливо. Привет Жалсану.

— Передам. Может, еще кому?

Он вскинул глаза, перебросил колун из руки в руку:

— Больше некому.

И пошел к дровам.

Дверь Дулме открыла девушка в простеньком ситцевом платье. Большие карие глаза смотрели без улыбки и вроде бы чуть поверх головы Дулмы.

— Могу я видеть... Здесь живет мальчик из Угалзы? — спросила она.

— Да, здесь. Но дома его нет... Он в школе. Проходите, пожалуйста. Вы из улуса? Жалсан скоро вернется. Если у вас есть время, подождите.

— Да, я подожду.

Девушка провела Дулму в кухню, спросила:

— Вы не родственница Жалсану?

— Нет, одноулуеница. Его мать послала со мной вот этот сверток.

— Извините, что в комнаты не могу пригласить. Они заперты... А я здесь бываю временами.

— Ничего, мне все равно. Спасибо за беспокойство. Я, кажется, где-то вас видела. Вы не бывали у нас в Угалзе?

— Проездом.

— А-а. Останавливались у Сахалтуевых?

— Да, у них.

— Я почему запомнила... С вами был... Он заезжал к моему отцу. Дулма не назвала того, кто был с девушкой. Посчитала неудобным сказать «Гатаб-ахай» или «старик». Она не знала, каковы отношения у этой девушки с хозяином дома.

— Он же родом из Угалзы.

Дулму удивило, что и девушка не назвала хозяина дома как-либо определенно.

— Ну, что же, давайте знакомиться,— сказала Дулма. Она протянула ей руку.

— Мать Жалсана просила узнать, как живет здесь ее сыну?— спросила Лхама-Сурэн. Большие глаза ее сузились, в них сквозила недоверчивость. — Я уже рассказывала его брату...

— Ну и что? Мать — всегда мать. Она не очень-то поверила, что Жалсан подвергается здесь дурному влиянию.

— Я буду с вами откровенна.

— Давайте на «ты»?

— Хорошо. Так вот... Я хочу быть откровенной... Он... — Лхама-Сурэн помолчала и Дулма поняла, о ком она говорила. — Он... когда был в Угалзе, заезжал к твоему отцу. Он когда-то служил в дацане.

— А мой отец верующий.

— А ты?

— Ну, а что из того?

Увидев, с каким нетерпением и досадой, ждала Лхама-Сурэн ответа, Дулма добавила коротко:

— Нет, я не верующая.

Девушка кивнула, как будто это само собой разумеется.

— Мальчишку надо отсюда взять,— сказала она. Ее сжатые губы побелели. Она волновалась.

— А что случилось?

— Он научил его молиться, возит в дацан, исполняет все его прихоти...

— Но мальчик все же ходит в школу!

— Ну и что? Он приучает Жалсана к мысли, что школа полезна, но далеко не во всем.

— Как это?

— Ну вот... хотя бы... недавно. Жалсан готовил урок. Что-то там о затмении Луны. Он ему сказал, что учителю отвечай, как в книжке, только все это, мол, не так. Запомни, мол, есть страшный дракон Рааха, он и проглатывает Луну, чтобы ночами землю окутывала тень. Но только Луна подолгу в утробе Раахи не задерживается, поскольку добрый бог Очир-Вани в давние еще времена пропорол дракону живот скипетром. Так вот, оказывается, Луна вываливается из утробы чудовища через рваную рану, нанесенную скипетром. И Жалсан поверил всей этой выдумке. Ты не подумай, что это случайность. Если бы только побасенки про Очир-Вани... Не-ет, тут серьезнее. Он постоянно воздвигает вокруг него глухую стену вражды и недоверия. Мальчика нет друзей, никто сюда не ходит. Сам он от Жалсана ни на шаг. Он сопровождает его всюду. Утром доводит Жалсана до самой школы. После уроков встречает его там и ведет домой. Не было дня, чтобы он изменил этому порядку. Он перестал куда бы то ни было выезжать на машине без мальчишки. На кухню... и то не пустит одного, если я здесь. Он никогда не оставляет меня с Жалсаном.

— Он тебе не доверяет?— спросила Дулма. Сама она и верила, не верила тому, о чем говорила Лхама-Сурэн. Все выглядело настолько необычно...

— Да... У него есть причины на это.

— Какие же?

— Я высказывала ему не раз свое недовольство. Он не имеет права... Тем более, чужой ребенок.
— Ты видела Цэрэна... Что же он?— спросила Дулма.
— Я далеко не все ему сказала.
— Как же ты здесь... живешь?
— Давно хотела уйти, да жалко мальчишку. Ждала...
— Ну?
— Вот приедет скоро Цэрэн, расскажу ему...
— А потом?
— Уйду отсюда. Устроюсь на рудник.
— Ты же рассказывала ему! Дальше что? Почему не уходишь на рудник?

— Так все осталось, как было. Рассказывала Цэрэну, а все осталось...

— Что осталось?

— Ну... мальчишку-то они не забирают.— Лхама-Сурэн покраснела.

— И Дулма вдруг поняла, почему эта девушка медлила покидать дом Гатаба. «Да, да... Жалсан связывает ее с Цэрэном. Ишь какая!.. Сказать ей? Скажу!»— решила она.

— Ты покраснела, что ли? Из-за чего? А?—повторяла Дулма совсем растерявшейся девушке. Дулма в эту минуту явственно ощутила, что она старше и опытнее Лхама-Сурэн и сразу же откуда-то взялся покровительственный тон. — Скажи-ка, Лхама-Сурэн, нет ли еще какой причины, которая держит тебя в этом доме?

— Что ты говоришь?! Я не хочу слушать!

— А что я такого особенного сказала? Спросила... только и всего.

— Я не хочу!..

«Она догадалась,— подумала Дулма,— догадалась, на что я намекаю. Ну и пусть. Надо кончать... Вот-вот вернутся Гатаб с Жалсаном».

— Я знаю эту причину,— спокойно произнесла Дулма. — Ты влюбилась в Цэрэна!

— Что-о?!

На Дулму глядели полные слез глаза.

— Да мне-то что? Влюбляйся...

— Откуда ты взяла?!

— Не вижу, что ли? Сама влюблялась... Ты успокойся, вытри глаза-то. На-ка вот платок.

Лхама-Сурэн закрыла лицо ладонями, прислонилась к шкафчику, плечи ее вздрагивали.

Дулма не почувствовала к ней ни жалости, ни простого участия, вспомнила, сколько сама пережила... В тело вливалась свинцовая тяжесть. С трудом поднялась со стула, подошла к Лхама-Сурэн, взяла ее за плечи, притянула.

— Ну, успокойся. Хватит. Из-за каждого парня... А он-то тебя любит?

И замолчала, ловила ответ, прислушиваясь к ее всхлипыванию.

— Ну? Любит?

— Н-не знаю...

— Эх ты! Не знаешь... Зачем он тебе? Ты гораздо его моложе, найдешь себе по годам. Тебе еще рано... Да он вовсе и не такой, каким ты его вообразила. Уж я-то его получше твоего изучила. В одном улусе выросли.

— А чем он плохой?

— Да уж плохой.

— Он ничего тогда не побоялся... в бетонный колодец полез... Сама видела.

Дулма рассмеялась, откинув голову. Перед глазами у нее все какое-то не настоящее: и то, что она в доме Гатаба — не верилось, и то, что Лхама-Сурэн перед ней — не верилось, и то, что она, Дулма, есть она, Дулма, — тоже не верилось.

— Чего ты смеешься?

— Дурочка! «В колодец полез...» Да за такие лзанья деньги платят. А ты о чем заговорила? Героя себе нашла!

— Вот уж неправда!

— Что — неправда?

— Все!

За окном молодые тополя шевелили серыми и голыми прутьями, словно щупальцами, и звали Дулму: «Иди сюда, иди!»

«Ненавижу! Ненавижу!» — твердила она про себя, хотя и чувствовала в глубине сознания: теперешние мысли, как пузырьки воздуха в воде, недолговечны — всплывут и лопнут. «Что же мне? Что же мне? — тревожилась Дулма. — Уйти сейчас или подождать Жалсана? Уйти... Но Мэдэгма просила узнать... надо бы повидать Жалсана».

Она шагнула в коридор и остановилась: «Уйти?.. Остаться?.. Уйти?.. Остаться?..»

8

Зима спустилась с гор раньше, чем ее ждали. С конца октября похолодало и устойчиво подудли западные ветры. В березовых колках желтый и багряный лист торопливо укрывал землю. С низкой туманной наволочи нет-нет да и срывались первые в ту осень снежные мухи.

Шилка наливалась густой тяжестью и будто замедлила свой бег, ожидая чего-то. По утрам на берегах, где еще вчера беспечная волна накатывалась на гальку, весело поблескивал тонкий молодой ледок... Лхама-Сурэн понимала, что она заблудилась. Шла какими-то темными забытыми тропами и останавливалась — некуда дальше. По сторонам стены и впереди стена... Никогда так не бывало с ней.

Гатаба будто подменили — не узнать. Внимательный, ласковый с Лхама-Сурэн. Взял да и надбавил ей плату. Десять рублей лишних. Она ему сказала прямо, что напрасно он думает ее задобрить, что все равно она не может изменить к нему своего отношения. Ничего, не обиделся. Улыбался, потирал руки. А Лхама-Сурэн неприятно. Мучило то, что никак не могла определить, из-за чего у Гатаба приподнятое настроение.

Вечером как-то собралась домой, а он зашел на кухню. Поскрипел-поскрипел лаковыми ботинками и спросил:

— Видела, какие туфли купила та девушка из Угалзы?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Увидела, захотела бы такие же себе.

— Вряд ли. Мне пока не до модных туфель.

— Я бы подарил тебе...

— Спасибо. Не за что.

Он помолчал, пожевал, как всегда, губами, опять заскрипел ботинками. Лхама-Сурэн накинула платок, пошла было...

— Подожди, — остановил он.

— Что еще?

— Я бы мог для тебя...

— Мне ничего не нужно от вас!

— Не нужно? Хочешь замуж выйти?

— Что-о? — Она рассмеялась. — Всего ожидала, только не этого

— И сосватаю я тебя за Цэрэна Сахалтуева!

Лхама-Сурэн поежилась, от испуга вздернула плечи, будто ждала удара. Только что хотела уходить, а теперь ноги не двигались, не знала, что и ответить ему.

— П-почему... Сахалтуева?

Ничего другого в голову ей не пришло.

Гатаб оставил без внимания ее вопрос. Он пристально смотрел на Лхама-Сурэн и улыбался. Гатаб был доволен собой. И видел-то он Лхама-Сурэн с молодым Сахалтуевым всего-ничего: когда гостил в Угалзе, да здесь, в поселке, а вот ничего не прошло мимо него...

— П-почему?— повторила девушка.

— Тебе уж семнадцатый пошел,— как ни в чем не бывало продолжал Гатаб.— Ну... можно какое-то время и выждать. Все можно... А я бы помог тебе. Сама знаешь, что для Сахалтуевых кое-что значу. Гомбо, Жалсан... Ну ты же видишь, не маленькая. Мэдэгма... Что о ней сказать? Ты вот Цэрэну наговорила обо мне... А она? Она, представляешь, что подумала? Что ты решила выжить Жалсана и на его место себя... Поставить себя...

— Этого не может быть!

— Не может?— усмехнулся Гатаб.— Очень даже может. Это не мои слова.

— А чьи же?

— Той девушки из Угалзы. А она слышала от самой Мэдэгмы. Теперь понимаешь, почему никто не приехал за Жалсаном? Ну вот...

— Что вам от меня нужно?— сухо спросила она.

— Немного. Оставь в покое Жалсана, оставь в покое меня. Понимаешь? Тебе это ровно ничего не стоит. Зато я сделаю все для того, чтобы Цэрэн был с тобой, а не с этой, что приезжала... Ты построишь домик с молодым Сахалтуевым. И в этом я поддержку вас... Ты будешь счастлива. Иначе...

— Что — иначе?

Гатаб заулыбался, заиграл пальцами — как он один умел — и выдал сквозь зубы:

— Все потеряешь и ничего не приобретешь...

— Я прошу вас об одном. Напишите матери Жалсана, что она ошибается, так превратно думая обо мне. Уж вам-то это хорошо известно.

— При условии... Одним условием.

— Каком?

— Я уже говорил.

— Мне придется уйти из вашего дома.

— Ты не любишь молодого Сахалтуева?!

— Если будет нужно, об этом я скажу ему самому.

«Дура, набитая дура! — решил он. — И чего ломается? Как будто я от нее бог знает, чего требую. Всего-навсего оставить меня в покое. Не-ет, это самовлюбленная дура!»

— Я бы просил тебя остаться... пока.

— Давно ли вы мечтали избавиться от меня? Я помню, что говорили тогда...

— А-а-а,— Гатаб махнул рукой. — Обращать внимание... По правде сказать, я не ожидал, что Жалсан так привяжется к тебе. Когда я намекнул... Только намекнул... Он попросил меня... Сказал, что надо никого, одну тебя... Можешь узнать у него. Можешь!

Лхама-Сурэн заметила, что Жалсан с ней стал каким-то другим. Перестал грубить и слушался ее с одного слова.

— Ты уезжаешь?— спросил он однажды.

— Откуда ты взял?

— Оставайся лучше.

— Почему?

— Так.

Больше она ничего от него не добилась.

Но в тот день он еще раз подошел к ней, когда Гатаб вышел в сени кому-то открывать. Подошел, потрогал ее за руку.

— Ты что?— наклонилась она к мальчику.

— Как у мамы,— ответил он тихо.

— Не понимаю.

— Руки, как у мамы,—еще тише произнес он.—Мягкие...

Лхама-Сурэн хотела погладить его по голове, но в сенях послышались голоса и Жалсан убежал.

«Что делать?»

Этот вопрос не давал ей покоя. Сквозь тяжелую завесу мыслей временами прорывалось: «Не ссориться с Гатабом... Пусть живет, как хочет. Ну, а с Жалсаном?... Так у него же мать есть, отец. Пусть они сами... И тогда Гатаб скажет, что она, Лхама-Сурэн, и не думала выживать из его дома мальчика. И еще он, может быть, как-то ей поможет... с Цэрэном. Не замуж, а... Ну, не обязательно же замуж».

Но она находила в себе силы не идти на сговор с Гатабом. Лхама-Сурэн понимала, что любое предложение Гатаба, каким бы честным и искренним ни казалось оно, на первый взгляд, не могло быть ни честным, ни искренним. Она заставила себя не дать прорываться сквозь ее вынашиваемые мысли ничему такому, что вело бы ее к миру с Гатабом, к какой-то договоренности с ним.

Как ни отказывалась Дулма-Ханда, а старик Жалсарай настоял-таки на своем, уговорил ее поехать в улус Тарбагатай и полечиться у тамошнего лекаря-гадальщика. Дулма-Ханда, может быть, и не послушалась бы старика, но тот сказал, что сам лама Сандан советовал ехать, да и Галдан просил, чтобы мать не противилась.

Выехали по первопутку. Снег только успел выпасть. С машиной уладилось — лучше не надо. Сельповский шофер взялся завернуть в Тарбагатай за так — от платы отказался. Да и что взять с пассажи-ров: женщина больная, а старик, считай, что пенсионер...

Дулма-Ханда сидела в кабине, смотрела на белосаванную степь и немного беспокоилась. Овец да теленка надо и накормить, и напоить. Опять же печь истопить, девчушек в школу отправить, в юрте прибраться. Да мало ли что. Галдан-то один бы не смог. Ладно, что Цырма обещала... Добрых людей, видать, полон свет. Чего не ехать... А вдруг тот лекарь вылечит? Все может быть.

Одно явное неудобство испытывала тетушка Дулма-Ханда. «Не узнал бы председатель, что понесло меня к гадальщику. А то какими глазами смотреть на него»... Из-за председателя она долго и отказывалась ехать в Тарбагатай. Вдруг дознается... Обидеть его не хотелось. Ведь как он тогда душевно поговорил с ней да и с сыном, не поругал, не посмеялся, а все внушал, добирался, можно сказать, до самой сути. «Вера в загробную жизнь делает человека слабым, безвольным». Его слова... Может, и так. Лама Сандан поучал, что за счастьем на земле не гонись, получишь его на небе, а деньги за молебствие взял немалые. От самого же только и слышно о скромности и воздержании. Пищу велел принимать без излишеств и одеваться без прихоти. На небе, мол, сполна воздастся.

Гармажап Нимбуевич говорил, что не к лицу «преданной колхознице» надежду на небе искать, что бессмертие человека не в загроб-

ной жизни, а в его делах, в том, что он людям оставит после себя. А, поди, так и есть. Вон Тэхэ-ахай давно зарыт в земле, а по всей агинской земле славен и по сей день.

Ладно, что Галдан просветлел в мыслях, не захотел в перевоплощенцах обольщаться. Да и лама Сандан не настаивал, видать, не подумавши, толкнул парня на такую рисковую беду, что и самого оторопь взяла. Какой уж там перевоплощенец! О таких что-то с самой войны не слыхать. В войну объявлялись... Да и то больше бродяжки, проходимцы безвестные.

Гармажап Нимбуевич обещал от колхоза послать на лечение в город. Если гадалычик облегчения не даст, надо ехать. «За преданных колхозников мы постойм, где угодно,—сказал председатель.—Надо, так профессоров найдем». Вот как сказал. Приятно было слушать, чуть тогда не заплакала. Уж потом, когда он ушел, не сдержалась...

— Как звать того лекаря-то, тарбагатайского?—спросила она шофера.

— Звать-то его? Однако же Хуяндай-далаша.

— Что слышно-то про него, вылечивает или как?

Шофер не ответил, только хмыкнул.

— Не знаешь, поди,—вздыхнула Дулма-Ханда.

В Тарбагатай приехали еще до вечерних сумерек. Машина остановилась. Жалсарай тяжело перевалился за борт, запахнул полы козьей дожи, заприотпывал ногами.

— Вам-то не надо было со мной,—сказала Дулма-Ханда. — Намерзлись наверху-то?

— Привычный я. На дежурстве сживал и не в такие холода.

— Все равно... Зачем лишнее на себя принимать?

— Хотел своими глазами повидать гадалычика. Лама сказывал, что зоркий провидец. На бараньих лопатках гадает. Такого в нынешние времена редко найдешь. Где только живет-то он?

— Надо спросить.

— Эй, постой-ка!.. Тетушка!..

Из проулка показалась женщина, остановилась на голос.

— Покажи-ка нам, как найти лекаря-гадалычика вашего.

— Хуяндай?

— Ну.

— Во-он. С угла третья юрта.

— Спасибо.

Из кабины высунулся шофер:

— Ну, что — отыскиали?

— Езжай,—махнул рукой старик.

Шли против ветра, дорогу заметало, белые гребешки накатывались стовсюду. Безлюдно. И следов никаких.

— Не страшно тебе, тетка?—спросил Жалсарай.

— Знобит маленько. Как-то он примет...

— И у меня под сердцем сосет. Ну да ничего, лама Сандан к худому человеку не направит. Ты как думаешь?

— Будто и пришли уже. Эта третья от угла.

— Неказиста, ветха,—покачал головой старик.

— Ему, поди, добрая юрта не положена. Он с небожителями в дружбе.

— И то верно.

Постучали в дверь. Никакого ответа. Жалсарай рукавицу снял, голым кулаком сподручнее дозывать. Слышно, кто-то зашебаршил, засов звякнул.

Открыл им низенький старичок, лицо изъедено морщинами, во-

лосы не разберешь какого оттенка, вроде сивые. Спросил бабьим голосом: «Кого надо?» А от двери не отходил.

— Хуяндая-далашу нам,—сказал Жалсарай.

Старичок подумал, посмотрел на них выцветшими глазами—не то зрячими, не то слепыми—отстранился в сторону, пропустил.

В юрте полумрак, благовоние можжевельное. От стены к стене—занавесь шелковая. На ней изображения всякие. Дацаны и монастыри среди гор... Жалсарай загляделся—такого еще не видывал.

— Это картина священного города Лхасы, где живет панчен-лама,—сказал хозяин. — Подождите... — Откинул занавесь и скрылся за ней.

Минута прошла, нет ли, снова старичок появился, приглашает заходите, мол, сюда, за занавесь.

Зашли. И здесь полумрак. На хойморе сидел бритоголовый мужчина с опущенной головой. Глаза закрыты. Перед ним три свечи медное блюдо с костями.

— Далаша-провидец!—объявил старичок.

Бритоголовый поднял голову, приложил ладони к груди.

Жалсарай, схватив Дулма-Ханду за руку, попятился к занавеси.

— Это же... это же... Это же Гомбо!

Дулма-Ханда всмотрелась. И верно: очень уж смахивал Хуяндая-далаша на Гомбо Сахалтуева, только волос на голове у гадальщика нет, а то бы вовсе Сахалтуев.

— Куда вы нас привели?—набросился Жалсарай на хозяина. — Мы приехали издалека повидать зоркого провидца, а это кто?.. Это Гомбо Сахалтуев! Какой он гадальщик?!

Старичок молчал, будто его здесь ничего не касалось, а может быть, он и не слышал.

С хоймора поднялся бритоголовый.

— Далаши в улусе нет! Он уехал отсюда... навсегда.

Сел и снова опустил голову, закрыл глаза.

Вернувшись в Угалзу, Дулма все еще твердила: «Ненавижу! Ненавижу!» Но чувствовала—ненадолго хватит. Тягостный комок давил, не отпуская ни на сколько. Одной становилось невозможу, поделиться бы с кем... А с кем?

Пришла как-то Цырма, принесла книгу, взятую из отцовского соглика. Посмотрела на Дулму:

— Что с тобой?

— Или заметно?

— Беда с тобой какая, что ли? По глазам вижу.

— Беда? Может, и беда.

— Помочь чем... только скажи.

— Ну, чем ты поможешь?—и схватила за голову. — Что наделала?! Знала, что зря наговариваю! Знала!

Вот так всплыли и лопнули для Дулмы те недолговечные воздушные пузырьки... Теперь плакала в подушку.

Поплакала и все рассказала Цырме. И зачем ездила на Шилку, как про Цэрэна нехорошо говорила...

— Что же теперь думаешь?—спросила Цырма.

— Запуталась я.

— Пойди к Цэрэну.

— Боюсь. И стыдно.

— Как стемнеет, я вызову его на улицу. Придумаю что-нибудь. Ну, а уж ты навстречу нам...

— Боязно как-то...

— А ложь в себе носить не боязно? Грех это...

Уговорила. Да и не столь уж много уговаривать пришлось. Дулма сама сознавала: разговора с Цэрэном не миновать.

...Втроем они шли недолго. Цырма сказала, что ей пора. Цэрэн поднял воротник, обернулся, смотрел, как уходила Цырма.

— Чего это она?

— Я ее просила, Цэрэн. Тебя вызвать...

— А-а. Ну, говори.

— У меня с Лхама-Сурэн разговор был про тебя.

Он молчал, только огонек папиросы стал вспыхивать чаще

— Она тебя любит. Ты это знаешь?

Молчание. Огонек, знай себе, вспыхивает.

— А ты? Ты ее любишь?

— Ведь не за этим звала,—глухо сказал Цэрэн.

— Верно, не за этим...—Она вздрогнула, шутливо дернула его за рукав.— Все из-за тебя. У-у! И поехала туда из-за тебя.

— Куда — туда?

— Ну, на Шилку.

— Говорила, что к тетке. Почему про меня говорила с ней?

Дулма загородила ему путь, жарко дышала в лицо, стараясь рассмотреть, как он слушал.

— Я же ревнивая. Видал!

— Брось. Ни к чему это.

— Я ей сказала, что ты вовсе и не такой, каким она тебя вообразила. Она мне... про этот колодец... В герои тебя произвела.

Цэрэн выплюнул папиросу в снег, поежился.

— И еще сказала, что плохой ты, что отец у тебя...

Дулма наклонила голову, всхлипнула. Он все еще молчал.

— Дура я! Какая дура! — говорила она торопливо. — Я совсем не хотела... не думала, что так... Цэрэн, понимаешь? Все из-за того, что люблю.. Тебя люблю! Я не могу больше...

— Замолчи! — крикнул он.

— Хорошо... я замолчу. Только не уходи. Не уходи!

Она приблизилась к нему, пальцы ее скользили по его полушубку. Дулма искала его руки.

— Скажи что-нибудь, — попросила она.

— И скажу.

— Ну.

— Я думал, ты лучше... Понимаешь? Лучше!

— А теперь?

— Теперь не думаю.

— Она лучше?

— А сама как считаешь?

— Она, знаешь ли, такая... Действительно лучше меня.

Они повернули обратно по темной и пустынной улице. Дулма подумала о том, что хорошо бы остаться на всю Угалзу вдвоем с Цэрэном. Вдруг погасли бы огоньки, пропали во мгле дома, не стало бы слышно стука движка...

Гатаб закрылся в фотолаборатории. В темноте привычно находил то, что надо, и делал то, что надо. Поднял штатив фотоувеличителя, включил красный свет. Пока фокусировал изображение, прислушивался. Из кухни глухо долетал стук посуды, плеск воды.. Лхама-Сурэн там.

Убрал красный свет. Дал обычный. Выждал две минуты. Снова

красный... И сразу же схватил снимок, кинул в проявитель, машинально задвигал пальцами.

Не работалось... Не было настроения. За стеной что-то стукнуло, а отдалось в голове. Нервы шалили. Все эти дни сдерживался, сдерживался... Сколько еще можно? Самонадеянная дура, видите ли, против его образа жизни. Смешно! Какая-то пигалица, прислуга, без фамилии... Он даже не помнил ее фамилии. Денег ей не надо, жениха не надо, своего дома тоже не надо. Чего же ей надо?

Пойти поговорить с ней последний раз. Последний разочек... Ну, а если не выйдет, что же тогда? Хорошенько подумать. Плунуть, дунуть и убрать с дороги? Габжа-лама и прислуга без фамилии... ничего себе — поединок.

Заставил смирить в себе гордыню. Вялой, расслабленной походкой отправился разговаривать с пигалицей.

— Я все-таки не понимаю тебя, — сказал он, входя на кухню.

— Это я уже слышала, — ответила Лхама-Сурэн, не поднимая головы от таза, в котором она мыла посуду.

— Нет, как же... Я воспитываю мальчика, одеваю, кормлю. Не тронул его пальцем, ты прекрасно знаешь. Все для него в этом доме. Наш поселок не какая-то Угалза... Он не видит пьянства, ругани, вечных скандалов. Я устроил его отца. Что еще? Заплатил за него долги колхозу. Черт бы его побрал! Что еще надо? Что?

— Я убеждена, что за всю свою жизнь вы не сделали для человека ни одного доброго дела.

Гатаб хотел что-то сказать, но не смог, перехватило дыхание. К щекам подступили багровые пятна.

— Издеваешься? — прохрипел он. — Пройдешь все девятнадцать попыток у Эрлик-хана! Ты вполне заслужила. Всю жизнь тебя будут сопровождать свинья, змея и курица — невежество, гнев и сладострастие. Да и сейчас... Вот, вот! Да, да! Невежество! Ты же недоучка, невежественная недоучка. О стыде и говорить нечего — спишь со змеей... Ха-ха-ха! Со змеей! И сладострастна... Да, да! И улыбка, и движения — во всем сладострастие, влюбленность.

— Вы меня не запугаете. Я не верю ни в бурханов, ни в вашего Эрлик-хана. Оставьте себе и свинью, и змею, и курицу. Лучшего для вас общества и не придумаешь... А мальчика... Я ходила сегодня в школу, рассказывала... И надо еще кое-куда сходить.

Гатаба трясло мелкой дрожью. Он выпил воды, походил по коридору, собираясь с мыслями.

— Странно, что мы все еще встречаемся с тобой каждый день, — проговорил он.

— Завтра мы уже не встретимся.

— Да, да. Завтра... Что — завтра?

— Не встретимся, говорю.

— Ах да, да. Не встретимся. Понимаешь... Понимаешь, какое дело? Срочно командировка. Отложить не могу, и Жалсана с собой взять не могу. Пропустит уроки... Нельзя пропускать, не годится. Переночуй с ним, запоры у меня надежные. Что надо — запоры. А? Останешься? Завтра приеду, после обеда. И тогда... Разойдемся на все четыре стороны. Ну, как? Согласна?

— Что это вы? То крик подняли, то вдруг... командировка.

— Ты извини старика. Нервы... Такую жизнь прожил... В ссылке, под Тайшетом, сколько лет... Попили-ка сосны.

— Когда ехать собираетесь?

— Вечером. Как соберусь... Ты уж переночуй с Жалсаном. А завтра? Как хочешь — завтра... Ну вот и ладно, и хорошо. И мне спокойно, знаю, что доглядишь за ним.

С полудня Гатаб, как всегда, пошел встречать Жалсана. Вернулся вместе с ним и, пока тот ел, не отошел от него ни на шаг. После обеда повел мальчика в мезонин. Пробыли они там вместе около часа. Потом Гатаб спустился по лестнице, в руке держал чемодан. Унес его в фотолабораторию.

Лхама-Сурэн ушла из дома, хозяин заказал купить продукты в дорогу. Обратно шла, кое-где уже огоньки в окнах зажглись.

Во дворе машина стояла и дверца задняя не закрыта. Лхама-Сурэн подошла, захлопнула. Удивилась. На сиденьи свалены чемоданы, сумки, свертки.

«Куда ему вещей столько?—подумала она. — И едет-то всего на сутки. Завтра обещал вернуться. Сбежать, может, надумал? Ну и пусть. Без Жалсана... Пусть бежит».

В доме был гость — сухощавый, загорелый парень, с узким продолговатым лицом. Голова, казалось, не имела у него шеи и поворачивался он всем туловищем. Зато глаза, подернутые пепельной пелюхой, молниеносно перебегали с предмета на предмет, как бы ощупывая и оценивая все, что было на кухне.

— Здравствуй! — сказал парень по-русски, когда увидел Лхама-Сурэн.

Он так долго и откровенно ее рассматривал, что Лхама-Сурэн стало неприятно и она невольно подумала о том, что скорее бы вышла сюда, на кухню, Жалсан или Гатаб.

— Вам помочь? — обратился к ней парень, когда она открывала консервы.

— Ничего, я сама.

— Как угодно.

Он говорил с каким-то странным придыханием, будто ему тяжело было произносить слова.

Появился Гатаб. В домашнем халате, тапочках. Он, видимо, не спешил с отъездом.

— Надо принести сюда стол, — сказал он. — Из моей комнаты. Трапезничать я привык на кухне, здесь как-то уютнее и теплее. Стариковские кости — это все-таки стариковские.

— А мы мигом, — отозвался парень и направился в комнату.

— Подсоби ему, — кивнул Гатаб на гостя.

Лхама-Сурэн, пока шла за ним по коридору, пока находилась в комнате, и пока вместе с ним не пришла на кухню, держась за столешницу, не поднимала на гостя глаз, потому что не могла на него смотреть. Она видела только его сапоги, начищенные до блеска, с натянными голенищами без единой складки.

— Ну вот и хорошо, — произнес Гатаб, когда стол был поставлен и закуска приготовлена. — Перед дорогой надо посидеть, посидеть... — посмеивался он, потирая руки. — Ты, может быть, выпьешь?

— Лишний вопрос, дядя, — ответил парень.

— Да, да, я забыл, что ты не любишь ничего лишнего. Тогда сходи.

Парень вышел к вешалке, порылся там и вернулся с бутылкой.

— Девушка пропустит? — обратился он к Гатабу.

— Вот еще! — хозяин рассмеялся. — Хотя спроси.

— Нет, нет, — проговорила Лхама-Сурэн, догадываясь, о чем спрашивал парень.

— И я не пью, мне вести машину, — произнес Гатаб.

Парень никак не отозвался на эти отказы. У него лишь полуоткрылся рот. Нельзя было понять: или он так улыбается или это у него привычка кривить лицом.

— Вы не из Угалзы? — спросила она гостя.

Тот только, было, взялся за стопку и при вопросе Лхама-Сурэн

рука его так и осталась недвижимой. Он помедлил, затем повернулся к ней всем туловищем.

— Вы не из адресного бюро?

Гатаб поднялся со стула.

— Лхама-Сурэн... я тебя не задерживаю. Погуляй или домой сходи. Приходи эдак... через часок.

Пока Лхама-Сурэн одевалась, парень сидел, не шевелясь. Когда за ней закрылась дверь, он спросил хозяина:

— Стукачка?

— Может...

— У меня на таких нюх.

— Надоела она мне. Грозит выдать...

— Много знает?

— Разве догадывается. Наведет на следы...

— Избавиться надо бы.

— Да, да, — задумчиво проговорил хозяин. — Я дам знать о себе.

— Мало заплатил, — вздохнул парень.

— Спустишь все равно.

— Не твое дело.

— Не мое... А заплатил по товару. И хлопот никаких тебе.

— Не хватало еще хлопот.

— Мог бы и крупно зашибить. — Гатаб зевнул, потянулся до хруста в плечах.

— На чем?

— На ней...

— На той, что ушла?

— Ну, хотя бы.

Помолчали, прислушиваясь к посвисту ветра за ставнями.

— Не выйдет, дядя. По мокрой не хочу. За это знаешь, что бывает?

— А я ничего и не говорю. Пей себе... Скоро поедем. Я пока печи протоплю в комнатах.

— Зачем? Мы же — тью-тью!

— Мокрицы не завелись бы. Ты пей себе...

Гатаб ушел за дровами. По лестнице из мезонина спустился Жалсан. Увидев огонь на кухне, пошел туда.

— А где... дядя Гатаб? — спросил он гостя.

— Вышел. Ты кто есть?

— Жалсан.

— Открой дверь, не слышишь... с дровами там...

Гатаб принес охапку дров, позвал к себе Жалсана.

— Завтра вернусь за тобой, — сказал он.

— Ладно. Скорее только.

— И уедем в город. Последнюю ночь здесь...

— Там и жить, в городе?

— Да.

— Вот хорошо! — Жалсан захлопал в ладоши. — А мама найдет нас потом? Она приедет сюда, а нас нету.

— Я ей письмо отправлю. Иди книжку почитай немного да и спать ложись.

Жалсан проснулся от того, что сон нехороший видел. Будто он бежал по небу, хотел поиграть с Луной, но откуда-то выскочил страшный Рааха и погнался за ним. Ноги стали непослушными, тяжелыми. Никак бы не убежать от Рааха... Хорошо, что проснулся.

Если снова заснуть, Рааха больше не придет. Что-нибудь другое

покажется. Может быть, город... Вот бы увидеть город, где им с дядей Гатабом жить!

Он повернулся на другой бок, собираясь во сне посмотреть город, и тут вспомнил, что дядя дома не ночует, а в дядиной комнате должна спать Лхама-Сурэн.

Жалсан закрыл глаза, полежал, подумал и опять увидел что-то такое... мохнатое. Стало жарко и боязно. За окном подвывал ветер и ветки потихоньку постукивали в ставню. Он взял со столика медного бурхана и положил с собой в постель.

Но страх не проходил. Бурхан был холодный, маленький и равнодушный. Жалсан прислушался. За стенкой скрипнули половицы. Лхама-Сурэн, оказывается, не спала. Может быть, встать и пойти к ней? Он ненадолго зайдет, а потом ляжет спать.

Сегодня почему-то страшно. Когда в доме был дядя, то и Рааха ни разу не приспился, а как только дядя уехал, сразу откуда что бралось — во всех углах скреблись и шевелились тени.

Жалсан долго не раздумывал, закутался в одеяло и подался в дядину комнату.

— Ты чего не спишь? — спросила Лхама-Сурэн.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и читала.

— Просто так, — пробурчал Жалсан. — Не хочу.

— В школу не проспи.

— Не-ет.

— Ну, садись. Посмотри картинки в журнале, раз спать не хочешь.

Он взял журнал, полистал его. Картинки давно знакомые, смотренные.

— Ты с нами в город не поедешь? — спросил он.

— В город? Когда, с кем?

— Завтра. Мы с дядей там жить будем. А ты здесь останешься?

— Завтра... Когда же?

— Он сказал, что после обеда. Навсегда уедем! Ты разве не знала?

— А в какой город?

— Не знаю. В самый большой...

«То-то он нагрузил машину чемоданами, — подумала Лхама-Сурэн. — Удрать решил... Но куда? А дом как?»

— А кто в доме станет жить?

— Никто. Дядя заколотит окна, запрет двери.

— У тебя же глаза закрываются, а говоришь, что спать не хочешь.

— Здесь жарко.

— Сядь подальше от печки.

— Я бы спать пошел...

— Ну и иди.

— Там какой-то мохнатый в углу...

Девушка рассмеялась:

— Бери подушку, постелей тебе на диване. Если боишься, спи тут. А нет, так ступай к себе. Ну как? Выбирай.

— Здесь буду.

Жалсан уснул сразу, как лег. А Лхама-Сурэн задумалась. Все было очень странно. Какая-то непонятная поездка Гатаба в город... Что он задумал? Зачем этот парень приходил? И что он за человек? Какой-то страшный... Надо предупредить Цэрэна, Мэдэгму. Что теперь будет с мальчишкой? Неужели Гатаб увезет его в город? Никому ничего не сказать... И увезти... Как это? Нельзя допустить, чтобы Жалсан оставался в руках Гатаба. Надо ехать в Угалзу.

Она посмотрела на будильник. Девятый час... В девять приходит

автобус. Можно доехать до Илалты, а оттуда пешком. Не так уж далеко. Цэрэн возьмет машину и к утру они будут в поселке. Жалсан даже не проснется.

Ну, что же... Ехать или нет? Идти или не идти?

Она еще задавала себе эти вопросы, хотя в душе уже созрело решение, и Лхама-Сурэн вышла одеться.

На всякий случай она оставила мальчику записку о том, что скоро зернется и поставила будильник на семь утра. Сердце тревожно билось: «Может, остаться? Неудобно, приду ночью к мало знакомым людям, скажу, что вашего сына увезут завтра куда-то. А они в ответ посмеются: «Ну и что?» Нет, так не может быть. Надо ехать и предупредить».

Она закрыла за собой дверь, проверила, сработал ли замок «Ночью или утром разбудим Жалсана»,—подумала Лхама-Сурэн.

Мелкий снежок сыпал из темной бездны неба. Пока шла до остановки автобуса, снег прекратился и стало будто холоднее.

В Илалту она приехала около одиннадцати. На улусной площади пусто. Никто здесь не сел и никто, кроме нее, не сошел. На столбе тускло посвечивала лампочка. Лхама-Сурэн походила и попрыгала в этом световом круге, пытаюсь согреться.

Ждать машины или подводы бесполезно. Кто поедет в такой час? Она решила идти без попутчиков. Заблудиться нельзя никак... Дорога здесь одна. Только вот перед Угалзой лес. Страшиновато. Или подождать до рассвета? Попроситься переночевать... Но если ночевать, то к Жалсану опоздаешь. Нет, надо идти.

Из-за облаков выглянула луна, и степь уже не казалась мрачной и неприглядной. Мороз пощипывал щеки. Чтобы согреться, пошла быстрее. Вдали чернел лес, но, сколько она ни шла, он все еще был далек по-прежнему.

Лхама-Сурэн увидела, что дорога круто сходила вниз. Впереди лежал мостик с разобранным настилом. Подо льдом где-то бежала речушка. Она спустилась на лед и шла по машинной колее. Но по колее идти было неловко, ноги то и дело скользили и она чуть не упала. Лхама-Сурэн взяла немного в сторону и вдруг нога провалилась и забулькала вода.

«Лед не выдержал» — испугалась она, пытаюсь вытащить ногу и выбраться на колено. Не без труда ей удалось ступить на крепкий лед и теперь она уже никуда не сворачивала.

Вода попала в валенок и в пальцах нарастало неприятное ощущение холода и сырости. «Надо скорее, а то замерзну».

На дороге вились снежные змейки и высвистывали вместе с ветром тонко и заунывно песню белого одиночества. «И-и-у-у! И-и-и! И-и-у-у!» Лес, кажется, придвинулся. «Только бы там пройти, только бы... А что там может быть? Ничего. Надо взять себя в руки. А вдруг Цэрэна нет дома? Уехал куда-нибудь. Тогда зря торопилась. Ну, нет... Мэдэгма попросит машину...»

Пальцы на ноге побаливали, потом она перестала чувствовать боль и забыла о них. Было не до пальцев, она уже поднималась в гору, совсем близко шумели сосны и все мысли ее сосредоточились на том, как бы поскорее миновать лес. Стало тише и темнее, ветер теперь не достигал ее, она лишь слышала его приглушенный шум в вершинах деревьев.

Кусты и деревья издали походили на человека или на медведя и очень ее пугали. Лхама-Сурэн перестала тогда глядеть по сторонам и шла, как в забытьи, переставляя ноги, ставшие от холода мало чувствительными. Нервы ее были так взвинчены, что она не помнила,

долго ли брела лесом. Временами ей казалось, что давно, очень давно она здесь, среди лунных сугробов и сосен, одна на всем свете...

И когда лес поредел и она поняла, что скоро Угалза, слезы сами собой потекли по ее лицу. Теперь она по-настоящему испугалась, хотя все, что могло ее пугать, уже оставалось позади. Огоньки замигали в степи. Она побежала и все время было такое чувство, будто вот-вот сзади ее кто-то схватит.

Лхам-Сурэн повезло. В Угалзе только что закончилось заседание правления и в конторе еще находились Гармажап Нимбуевич и Доржи Нимаевич. Сторожиха — заспанная и недовольная — подметала пол.

Председатель и фельдшер недоверчиво разглядывали Лхам-Сурэн.

— Вы что... из Илалты сейчас? — спросил председатель.

— Да.

— Кто привез?

— Я сама... пешком.

Гармажап Нимбуевич и Доржи Нимаевич переглянулись.

— Видал? — усмехнулся председатель.

— А у кого, говорите, живет мальчишка Сахалтуевых? У фотографа? Служил когда-то в Цугольском дацане?

— Да, его зовут Гатабом, — сказала Лхам-Сурэн.

— Он так всю семью Сахалтуевых приберет к рукам. — вставил Номтоев.

— Да и не одну эту семью...

Гармажап Нимбуевич попросил сторожиху сходить к Сахалтуевым и передать сыну и матери: пусть идут в правление.

— Вы бы, девушка, хоть утра в Илалте подождали, — сказал председатель.

— Боялась опоздать

— Неужели не страшно лесом?

— Немножко.

— Гатаб уехал не один? — спросил фельдшер. — Вы того, второго, знаете?

— Нет... У него такое страшное лицо...

— Ничего себе, букет подобрался. Давно надо в милицию заявить, — сказал Гармажап Нимбуевич. — Это хорошо, что вы приехали к нам.

— Чувствую, он мой старый знакомый. Помнишь, Гармажап, рассказывал я тебе про ламу? Еще магнит подбросил в яму вместе с козлиной шкуркой. Того тоже Гатабом звали.

По крыльцу — торопливые шаги, скрип дверей и холодом пахнуло сразу... На пороге стояла Мэдэгма без кровинки в лице, слова не могла вымолвить. Платок сполз с головы, а она и не замечала ничего.

Председатель схватил стакан с водой, бросился к ней:

— Ну, ну! Ты чего? Дурак я, забыл предупредить. Ничего особенного не случилось.

— Жалсан?!

— Да цел он и невредим. Вот девушка приехала...

— Что с ним? Что с ним случилось?

— Успокойтесь, Мэдэгма-абагай. Я приехала за вами.

От дверей шел Цэрэн, дрожащими пальцами застегивал телогрейку.

— Что тут такое?

— Я приехала за вами... за всеми. Надо в поселок... Жалсан там один. Днем что-то должно случиться. Гатаб куда-то уезжает.

— Подождите, — перебил ее председатель. — Давайте по порядку. Вот так же, как нам рассказывали... По порядку.

В шестом часу утра Цэрэн заглушил машину у дома Гатаба. С ним были Мэдэгма и Лхама-Сурэн. Все трое прошли во двор, поднялись на крыльцо.

— В дверь стучать бесполезно,—сказала Мэдэгма. — Он далеко от окна спит?

Цэрэн постучал кулаком, потом ногой. Дом молчал. Ветки тополей скреблись о стену, о ставни...

Лхама-Сурэн пошла стучать в окно. Цэрэн продолжал бить в дверь. По-прежнему в доме тихо. Из-за угла вышла Лхама-Сурэн.

— Свет в комнате горит. Я когда уходила, настольную лампу не выключила.

— У него такой сон, что нам не достучаться,—сказал Цэрэн. — Может, пойдем в гостиницу? Через часок придем.

— Нет уж, я не пойду. Давайте стучать,—произнесла Мэдэгма.— Если в щель посмотреть, видно, где он спит?

— Посмотрю сейчас.

Лхама-Сурэн скоро вернулась.

— Плохо видно... Вроде бы одеяло на полу.

И Цэрэн и Мэдэгма поднимались на завалинку дома, смотрели в щели. Все сошлись на том, что одеяло на полу.

Стучать они устали да никто и не верил, что можно разбудить Жалсана.

— Не угорел ли он? — высказала предположение Мэдэгма.— Печи вчера топили?

— Хозяин перед отъездом топил.

— В этой комнате?

— Везде.

— А трубы закрыли?

— Н-не помню... Он сам закрывал. Я к печам не подходила.

— Цэрэн, топор с собой? Надо выбивать ставни.

— Которое окно?

— Подождите,—сказала Лхама-Сурэн.— Лучше вот тут... Это окно как раз в чулан, а чулан не запирается. Там в окне проволочная решетка, ее можно сломать. Меня посадите и я открою дверь.

Цэрэн сходил к машине, взял топор и через несколько минут ему удалось сбить решетку. Лхама-Сурэн, хотя и с трудом, все же протиснулась в окно.

Когда дверь была открыта, Мэдэгма, ни говоря ни слова, бросилась в дом.

В комнате Гатаба пахло сладковатым дымком. Жалсан лежал на полу, раскинув руки...

— В одеяло его! На улицу! — кричала мать.— Жалсан! Ты слышишь меня? Жалсан!..

— Он без сознания.

— Живой?! Дышит?

Цэрэн завернул брата в одеяло, поднял его на руки и вынес из комнаты. Лхама-Сурэн кинулась открывать окна.

...Дежурный врач, осмотрев мальчика, начал кричать на Мэдэгму и Цэрэна:

— Это безобразие! Я не отвечаю за ребенка! Как можно так бездушно, так безответственно!.. Вы что — не умеете с печами обращаться?

— Доктор, он будет жив?

— Теперь все зависит от организма... Сестра! В операционную! Подготовьтесь к кровопусканию и... хлористый кальций...

Жалсана унесли. Врач ушел в операционную. Мэдэгма сидела на скамье и плакала.

— Ничего, все обойдется,—говорил Цэрэн.

— Он почему на вас кричал?—спрашивала Лхама-Сурэн, но ничего не отвечал на ее слова.

— Что же нам делать? Что делать?—повторяла Мэдэгма.

Лхама-Сурэн вдруг почувствовала боль в ноге и вспомнила, что провалилась на речке в наледь. Она отошла в угол комнаты приемного покоя, сняла валенок и чулок. Пальцы были холодные и прикосновения рук не ощущалось.

— Что с вами?

Лхама-Сурэн подняла голову. На нее смотрели усталые глаза медсестры.

— Я, кажется, отморозила...

— Покажите. Вот сюда... ставьте ногу сюда.

— Почему он на них кричал?—спросила ее Лхама-Сурэн.

— Такого сильного отравления доктору еще не приходилось наблюдать. Он боится за жизнь мальчика. А нога у вас нехорошая... Паралич капилляров, некроз кожи... Где вы это?

— Переходила реку... вода попала в валенок.

Пришел врач, снял очки. Только теперь Лхама-Сурэн заметила, что он уже старый и у него пышные усы с желтым налетом никотина.

— Вы его мать?—строго спросил он Мэдэгму.

Та порывисто встала:

— Да, да...

— Еще бы полчаса, и поздно.

Мэдэгма без сил упала на скамью, облегченно вздохнула.

— Что тут такое? Еще пострадавший?

— Посмотрите, Петр Нестерович. Типичное отморожение,—сказала сестра.

Доктор помял большими пухлыми пальцами стопу.

— Здесь больно? Нет? А здесь? Когда это случилось? Вы с ними?—Он показал глазами на Мэдэгму и Цэрэна.

— Да.

— Странно... Один с угарным газом, другая с отморожением.

— Так уж вышло, доктор,—сказал Цэрэн.—Она спасла этого мальчика. Не она бы, все...

— Вот как!—Он надел очки, повторил: — Вот как! Воюсь, что отморожение третьей степени. В палату!

— А обойтись нельзя? Я бы пришла днем...

— Никаких — «днем»! Без ноги захотела остаться? Сестра, проводите ее в ванную комнату.

— Подождите...—Лхама-Сурэн обернулась к Мэдэгме и Цэрэну.— Как же мне с вами? Надо бы в доме Гатаба...

Цэрэн успокоил ее:

— Мы пойдем в милицию и скажем... Объясним, как было.

— Надо бы запереть дом,—сказала Лхама-Сурэн. — Мало ли что.

— Ну и запрем.

Мэдэгма вздохнула:

— Не знаю, как вас и отблагодарить.

Гармажап Нимбуевич вышел со двора, раздумывая: сразу зайти к Сахалтуевым, или сначала заглянуть в Багорскую бригаду? Для Сахалтуевых у него были новости. Звонила из поселка Лхама-Сурэн, сказала, что Гатаба будут судить. Связался с ворами, скупал краденое, торговал фотографиями. При обыске у него нашли несколько чемоданов, забитых изображениями бурханов из буддийского пантеона. Доказать, что Гатаб задумал отравить Лхама-Сурэн и Жалсана угарным газом, не удалось... Да и как докажешь? Но сама девушка была уверена в злом умысле. Останься она тогда в доме, и двое погибли бы...

Вот ведь как... Брøde бы для того Гатаба и на свете никого дороже Жалсана не было. Никого знать не хотел. Все для мальчишки. А как понял, что заберут у него Жалсана, как убедился в этом... На все пошел, на самое черное дело пошел, не остановился, не дрогнул. Ну то, что на Лхама-Сурэн руку подъял — это понятно. Она ему враг, она ему поперек дороги стала. А мальчишка-то чем ему помешал? Отпустил бы его в Угалзу да и все. Дак не-ет. Не захотел отпустить. «Не мне если, так и не вам... Никому!» Так, поди, и решил. Он мог. От него жди всего. Он за всю жизнь ни одного доброго дела не сделал.

Лхама-Сурэн выписалась из больницы. Три пальца все-таки пришлось ампутировать, осталась памятка на всю жизнь... Гармажап Нимбуевич уговорил ее переехать в Угалзу. Здесь столько друзей у нее! Обещала подумать. Тут, наверное, все от Цэрэна зависит. Как он, так и она... А, может, и не от него. Кто их, молодых, разберет?

— Гармажап Нимбуевич!

Ну, вот. Только, было, о молодых подумал, а они тут, как тут Цэрэн, Дулма, Галдан, Цырма...

— Куда собрались?

— А так просто...

Спросил Галдана:

— Мать-то как?

— Спасибо, хорошо. Пишет, что профессор твердо обещал вылечить.

Девушка, стоявшая рядом с Галданом, взяла его за руку. Разве это Цырма с ним? Вот удивительно... Ничего девушка из себя, точнее сказать, симпатичная. А ведь, помнится, не такая была. Ей-богу—не такая! И какие глаза, не видно было, все в землю смотрела. А теперь смело поглядывает.

Гармажап Нимбуевич усмехнулся: «Давно ли невестой живого бога считалась!»

— Ну, а отец твой? — обратился он к Дулме. — Долго еще... этого самого... хозяина Батора будет поминать?

— Что вы, Гармажап Нимбуевич! — рассмеялась Дулма. — Он как приехал тогда из Тарбагатай, сам не свой ходил. Ну, а когда узнал все про Гатаба... Соглики свои сжечь хотел. Я ему говорю, что оставь для музея...

— На той неделе народ соберем, — сказал председатель. — Поговорить надо.

— О чем?

— О религии.

— А зачем? — удивился Цэрэн.

— Ты думаешь, если конец Гатабу, так и бурханам конец? Не-ет, так просто не бывает. Пока табиса на Баторе, пока там полощутся зурумы, нельзя оставаться спокойными! Эти зурумы вешают там люди... наши люди. А они могут стать и чужими для нас. Помню, я был как-то в городе проездом. И вот в те дни прибыл лама не то с Цейлона, не то еще откуда-то. Возле гостиницы толпятся старики, старушки, ждут его... По одежде заметно, что приехали издалека. Спрашиваю коридорную: «Неужели они собрались из-за ламы?» — «Из-за него, — отвечает. — Это фанатики. Я их знаю. Они в дацане пыль пальцами собирают и на лоб потом... А где лама ступил, там землю целуют». И захотелось мне, мысль такая пришла... Вот бы, думаю, перевоплотиться в одного из этих стариков, увидеть и осмыслить окружающий мир его умом, его глазами, а потом снова стать самим собой, какой есть. Может быть, тогда легче было бы избавиться от лам и бурханов. Я как-то фельдшеру нашему это же рассказал, он надо мной посмеялся: зачем, мол, перевоплощаться в того старика, дикарь он и есть дикарь... Только не так все просто... Иной и грамотный, а все равно, что тот фанатик.

— Говорят, Номтоев уезжает из Угалзы? — спросил Цэрэн.

— Может, и уедет. Пока неизвестно. Ну, что же... Ну, ладно, не буду задерживать. Только ты, Цэрэн, останься.

И, когда те трое отошли, Гармажап Нимбуевич передал ему телефонный разговор с Лхамы-Сурэн.

— Ногу все-таки повредили ей? — помрачнел Цэрэн.

— Ничего не поделаешь. А ведь девушка только жить, можно сказать, начала. И хорошо начала!

— Настоящий человек! Вот кто она.

— У тебя как с Дулмой-то? — председатель улыбался глазами. — Ну, можешь не говорить...

— Я и сам пока не знаю, Гармажап Нимбуевич. Разберусь...

— Думаю, что разберешься. К матери твоей хотел зайти. Дома ли она?

— Дома.

Гармажап Нимбуевич шел по залитой солнцем улице, думал о всяких превратностях жизни.

Вот уже и слухи пошли по улусу, что Номтоев уезжает, а будто бы и знать о том никто не должен... После того, как Галдан отрекся от «живого бога», Номтоев хотел, чтобы парень выступил в клубе с воспоминаниями, а тот отказался. И как его Номтоев ни уговаривал, не дал согласия... Тогда фельдшер припугивать его стал, намекать на показательный суд: мол, по твоей вине сорвали в тот день силосование. И опять пришлось председателю поспорить с Номтоевым. Небольшой вроде бы и спор-то вышел, а Номтоев чего-то вспылил, начал говорить, что «видать, нам не сработаться», что в Илалте есть «на мою должность вакансия». Гармажап Нимбуевич не захотел уговаривать... Может, и зря. Много лет вместе думали и вместе решали, а теперь вот расходиться стали во мнениях. Для колхозников-то это

и не заметно, никто, поди, и в мыслях не держал, что у них сыр-бор разгорался на тихом ветру, да только надолго ли — не заметно-то... На тихом-то ветру разгорается медленно, будто нехотя, а уж горит долго, с хорошим жаром.

«И без войны, а как на войне,—подумал Гармажап Нимбуевич.— Кого теряешь, а кого приобретаешь. Гомбо Сахалтуева... этого, пожалуй, потерял. Зато Дулма-Ханду, Галдана, старика Жалсарая, Лхама-Сурэн, Жалсана... вот этих, пожалуй, приобрел. А может, и еще кого приобрел. Не бах-бах, не вдруг человек к лучшему меняется. Исползволь, когда бережно с ним...»

Мэдэгму он увидел во дворе. Была она в поношенной бурятской шубе с блестящими под серебро бляшками. И показалось ему, что позади не было ни войны, ни ее замужества, ни долгих лет его одиночества... В этой шубе видел он ее не то в тридцать восьмом, не то в тридцать девятом. И защемило в груди.

— Ну, здравствуй, Мэдэгма!— сказал он, улыбаясь.— А снег нынче добрый. Намело...

— Здравствуйте, Гармажап Нимбуевич! Вышла вот хоть дорожку расчистить... Да лопата где-то затерялась.

— Найдем лопату... Как живешь-то?

— Да что — живу... Хорошо!

И посмотрела на председателя чуть смущенно.

— Жалсан как?

— Гуляет где-то.

— Я тебя в этой шубе помню.

— Как же... помните. Довоенная она еще. Бабушка шила. Я ее первый раз надела тогда... надан¹ в улусе собирался. А зас тогда на надане не было.

— Почему?

— Что не было — помню. А вот — почему? Это уж... не помню.

— Да-а, ушли годы,— задумчиво проговорил он.— Гомбо-то пишет?

— Одно письмо получили. Где-то в Якутии, в совхозе он... Будет или нет там работать?..

— Может, возьмется за ум.

— Я о нем как-то уж мало думаю,— Мэдэгма вздохнула.— Три года высылки ему... А вернется да за старое? Без него-то вроде новую жизнь начинаю. Утром встанешь, как-то все интересно: и что по радио передавали, и какая погода, и какие у Жалсана уроки...

— Жизнь, она каждый день новая.

— Чего ж мы стоим-то? — спохватилась она.— Проходите в дом. Я чай поставлю.

«Сказать ей про Лхама-Сурэн, про Гатаба?— подумал он.— Или уж потом как-нибудь? Да, потом...»

— Да нет уж, чай пить некогда. В другой раз. Я ведь зашел... Мимо иду и захотелось на тебя посмотреть.

— Чего на меня смотреть?— улыбнулась Мэдэгма.— Раньше надо было. До войны еще...

— Жизнь, она каждый день новая,— повторил он слова, которые ему почему-то нравились.

Мэдэгма не совсем понимала, какой смысл вкладывал Гармажап Нимбуевич в эти слова, но сердцем чувствовала: она сама имела прямое ко всему этому отношение, отчего на душе было легко и свободно

Перевод с бурятского В. СЕРГЕЕВА.

¹ Хоровод, гулянье.

Юрий ОРЕШНИКОВ,
горный мастер

МОИ — ТОВАРИЩИ

Всю свою сознательную жизнь стремился я к интересным людям. И мне везло, я столько находил вокруг себя сильных, глубоких, по-настоящему любящих жизнь людей.

На улицах нашего города можно встретить просто одетого художавого человека, Николая Чекина. Что, кажется, особенного в нем? А посмотрите на него в шахте! С его работы хочется писать музыку, так она вдохновенна и поэтична.

Много раз наблюдал я в забое молодого проходчика Гармажапа Тучинова, разговаривал с ним, слышал его на собраниях — и мне захотелось поведать людям об этом чуде — о том, как растет человек, как расправляет он плечи, как становится он Человеком с большой буквы. Я написал очерк, его напечатали в районной газете. Прошло несколько лет — и герой моего очерка стал Героем Социалистического Труда. Поверьте, я был рад за Тучинова не меньше, чем он сам. Потому что радость товарища — это и твоя радость.

То, что я предложил сегодня журналу «Байкал», — это отрывки из моих многочисленных записей за четырнадцать лет работы на шахте. Все, о ком я рассказываю, близкие для меня люди, я видел их в забое и на квартире, в часы беспечного отдыха и в минуты смертельной опасности, им я отдал частицу своей жизни.

Я не литератор, мне трудно писать, я не могу ярко рассказать о своих товарищах. И все же мне хочется, чтобы читатель полюбил их так же, как я.

Если друг в беде

Была глухая, ненастная ночь. Резкие порывы ветра неистово кружили сухой снег, перемешанный с угольной пылью. Постукивая на стыках рельс, поползла вверх по террикону и скрылась в густой темноте груженная породой вагонетка. Прошла минута, вторая, третья... Вагонетка не возвращалась. Только басовой струной гудел стальной трос.

— Стучилось что-то, — сказал Шахур Раджапов своему напарнику Трофиму Бурунову. Тот молча показал рукой на террикон, и оба, не сговариваясь, стали взбираться по шершавым глыбам породы.

— Осторожно, ребята! — крикнул вслед им начальник участка Николай Хрулев.

Но ветер гасит его слова, уносит в сторону.

— Пошли и мы! — говорит Хрулев слесарю Павлу Чубареву.

Добравшись до вершины, люди увидели вагонетку. При разгрузке она сошла с рельс и только каким-то чудом не свалилась вниз. Ветер раскачивал ее тяжелый корпус, грозя сбросить с террикона.

Несколько секунд люди раздумывали, очевидно, соизмеряли опасность, риск и необходимость быстро ликвидировать аварию. Всего несколько секунд... И вот уже Павел Чубарев с куском толстой проволоки лежит под вагонеткой. Он продел проволоку в колесо. Пожилой узбек Шахур Раджапов нагнулся, чтобы прикрутить проволоку к рельсу, но не успел. Упругой волной воздуха вагонетку приподняло. Она стала медленно клониться и оседать на лежащего под ней Чубарева.

Трое бросились к противоположному борту и повисли на нем, удерживая вагонетку. Чубарев поднялся с земли и стал помогать товарищам. А ветер продолжал бесноваться. Чубарев снова нырнул вниз. Изловчившись, он пропустил, наконец, проволоку под рельс.

Первая опасность миновала. Что делать дальше? Можно, конечно, уйти, а утром, когда утихнет непогода, опустить вагонетку. Все четверо понимают, что поступить так проще и спокойнее. И за это никто их не упрекнет. А совесть?

Где-то невдалеке промчался железнодорожный состав и, лязгая буферами, встал под погрузку. А глубоко под землей шахтеры. Друзья добывают уголь, дорожат каждой минутой. На откаточных путях стоят вагонетки с невывезенной из шахты породой...

Четверо людей принялись за работу. Коченеют руки. Ветер пронизывает до костей, но никто не распрямил спины, пока Хрулев не сказал:

— Спускай вагон!

Тогда четверо друзей, смертельно уставших, пропахших дымом, струившимся над терриконом, молча посмотрели друг другу в глаза и довольные, слегка пошатываясь, стали спускаться вниз. Навстречу им медленно ползла вагонетка с породой.

Тревожный свисток взрывника предупредил: осторожнее — взрыв! Раз с разом глухо ухнуло. По лаве поплыл едкий молочный туман. Заработал транспортер, выгружая из забоя первые тонны угля. Цепляясь за стойки, молодой взрывник Семен Русин спустился вниз. У его ног бежала лента конвейера. Впереди уже вырисовывался силуэт погрузочной машины, когда Семен почувствовал, что его правая нога попала в цепь транспортера.

— Остановите! — закричал он, безуспешно пытаясь вытащить ногу из железных тисков.

На крик сбегались люди. Но разве сразу остановишь конвейер, управляемый издалека?

Два метра отделяли Русина от места, куда уходила цепь транспортера, когда рядом появился бригадир Василий Мартысь. Очевидно, бывают моменты в жизни, когда мысль и поступок сливаются воедино. Схватив стойку, Василий Мартысь уперся одним ее концом в транспортер, а другим — в кровлю лавы. И сдерживал ее нечеловеческим усилием, пока где-то внизу не взвыл, задыхаясь от перегрузки, мотор. Цепь резко дернулась и остановилась.

Морщась от боли, Русин высвободил ногу и, прижимая к груди электродетонаторы, тихо сказал:

— Спасибо, Василь, а я уж думал...

Через несколько минут работа в лаве снова вошла в обычное русло. Люди выгружали уголь, бурили шпурь, крепили забой. И никто из них даже не подумал, что их бригадир Василь Мартысь совершил подвиг.

Посадку лавы делала бригада Виктора Капорского. Люди работали быстро, прислушиваясь к тревожному потрескиванию породы и изредка перекидываясь словами.

И вдруг кровля двинулась в сторону забоя, ломая деревянные стойки, сминая и коверкая транспортер. Воздушной волной людей разбросало в стороны. С надсадным гулом кровля продолжала садиться уже отдельными плитами. Над людьми нависла смертельная опасность.

...Открыв глаза, Павлов никого вокруг себя не увидел. Он лежал лицом кверху, неудобно подвернув под себя руки. Не утихала острая режущая боль в раздробленной ноге. Приказ ногу по колено, тысячеудовная тяжесть крепко держала ее в плену. Топор и обушок были близко, да разве до них дотянешься?

Разрядившийся аккумулятор отдавал лампочке последнюю энергию. В тусклом красном свете были заметны пробегавшие по кровле извилистыми змейками трещины. В любое мгновение кровля могла обрушиться.

— Помогите! — кричал Павлов и снова терял сознание.

Очнувшись, он до боли в глазах вглядывался в обступившую его темноту в надежде увидеть спасительные огоньки, напряженно вслушивался — и слышал только коварное потрескивание кровли да временами какой-то гул — или это шумело в ушах?

Внезапно в глубине завала показался огонек. Свет то усиливался, то исчезал. Луч медленно скользил по изломанным граням пласта, и они таинственно мерцали. Павлов боялся поверить своим уставшим глазам и молча ожидал, когда человек — если это и вправду человек — подойдет ближе. Сердце билось часто и не впопад. И вот показался человеческий силуэт, Павлов узнал Виктора Капорского — только у него была такая крупная атлетическая фигура, только у него были такая быстрота и легкость в движениях под землей.

— Виктор, на помощь! — из последних сил закричал Павлов.

Яркий сноп света метнулся в его сторону и замер. Капорский был уже близко, когда лопнувшей от давления стойкой его ударило по голове, задрал лоскут кожи на лбу. Кровь хлынула ручьем, заливая лицо. Но в горячке Капорский не почувствовал боли.

— Держись, Иван, я сейчас!

Внимательно вглядевшись в своего лучшего посадчика, бригадир увидел, что он совершенно седой. На миг Капорский даже растерялся, но обстановка не давала времени чувствам.

Ухватившись за прижатую ногу Павлова, Капорский попытался вытащить ее, но плита не отпускала своей жертвы.

«Человек погибает. Его нужно спасать. Но как?» — вертелось в разгоряченной голове.

А Павлов от боли вновь потерял сознание. Очнувшись, он увидел перед собой страшные глаза Виктора и высоко занесенный топор. Павлов инстинктивно выбросил вперед руки, но было уже поздно. Сильным и точным ударом топора Капорский отрубил прижатую но-

Павлов взвыл от боли и закусил запекшиеся губы. Он уже не мог кричать. Холодный пот крупными каплями выступил у него на лбу.

...Ползти с раненым было тяжело. Сердце у Капорского лихорадочно стучало, колени дрожали и подгибались. Павлов громко стонал и просил бросить его. Но Капорский упорно продвигался вперед. Слипшиеся от крови волосы лезли в глаза. Избитые руки кровоточили, больно ощущая каждый камешек на пути.

Как труден путь к жизни! Никогда Капорский не думал, что стометровый путь по лаве может быть таким бесконечным.

Они подползали к транспортеру, когда позади рухнула кровля и тугая струя воздуха перебросила их через транспортер, больно ударив о грудь забоя. Удар был болезненный, но спасительный. Оказавшись под защитой металлического крепления, Капорский затащил брючным ремнем окровавленный обрубок ноги Павлова.

Ему нужна срочная операция — эта мысль ни на минуту не покидала Капорского. Взмахнув Павлова на плечи, он согнулся и побежал вниз, по лаве, где находились люди, нетерпеливо ждавшие его возвращения.

Через несколько минут в городской больнице тревожно зазвонил телефон — вызывали скорую помощь.

...Когда воздушной волной разбросало людей, они собрались на откаточном штреке и увидели: нет общего любимца, весельчака Павлова. Все как один решились вновь испытать свою судьбу, чтобы спасти товарища.

— Нет, — сказал бригадир. — Нельзя так, ребята. Мы не знаем, где Павлов, и в лаве потеряем друг друга. А лава раскреплена... Я пойду один, так будет лучше. Суждено мне жить — спасу Павлова, не суждено — не поминайте лихом, а всем рисковать незачем.

Прошло несколько лет. В один из весенних погожих вечеров, когда свежий воздух напоен запахом листвы и цветов, я встретился в городском парке с Капорским и Павловым. Они шли по главной аллее и о чем-то оживленно разговаривали. Павлов шел чуть прихрамывая. Ласковый ветерок спокойно шевелил его седые волосы, и он изредка придерживал их рукой.

Хорошее открытое лицо и большие черные глаза, смотревшие мягко и глубоко, невольно располагали к его спутнику. Высокий крутой лоб пересекал темный дугообразный шрам, но он не портил лицо, а только подчеркивал мужество человека.

Крепче металла

Рев вентилятора, нагнетающего воздух в забой, заглушает все звуки. Прохладный, слегка влажный ветерок освежает лица. Вверху — шахтерская лампа, язычок пламени колеблется из стороны в сторону. Этот маленький огонек стоит на страже шахтеров — он сразу же оповестит людей, если в воздухе появится коварный враг — метан.

В отдалении глухо ударил взрыв. Но люди не обращают на это внимания — привыкли. Вагонетки быстро наполняются породой. Их откатывают, ставят нсвые, и работа продолжается с прежней скоростью. Слов не слышно — проходчики настолько сработались, что и так понимают друг друга.

Одно тревожит Тучинова — забой пересек каменный массив. Отвернуть невозможно — нужно точно выйти к вентиляционному стволу; струя воздуха должна идти только прямо, нельзя, чтобы она терялась в поворотах. А под руками — обычное электросверло, из него нужно взять все, что можно.

Гнутся бурильные штанги, оплавляются победитовые коронки — одна, другая, третья... Последняя коронка полностью расплавилась; выгашенная из шнура, она горит рубиновой каплей. В борьбе с камнем победит оказался побежденным!

Крошится и превращается в пыль камень, стораает тугоплавкий металл. Непобедимыми остаются только люди. Пядь за пядью отвоевывают они позиции у камня. Лихорадочно бьется сверло в руках забойщика, предельно напряжены мускулы рук, на лбу выступают крупные капли пота...

Битва с камнем еще не окончена, но уже видно, что человек победил. Тридцать шесть метров проходки в месяц вместо плановых тридцати — вот результат этого сражения под землей.

В гостях у Эдисона

Как-то после смены в шахте я пошел вместе с Ещелкиным к нему домой. Живет он возле самого озера. Дорога неблизкая, но погода располагала к прогулке.

Ещелкин шел задумавшись, а мне не терпелось задать ему один вопрос. Наконец, я не выдержал.

— Скажите, Леонид Федорович, — спросил я, — вот вы были начальником цеха, а пошли в слесаря. Вы горный техник, механик с большим стажем... — я замолчал.

Ещелкин оживился и с хитроватой улыбкой взглянул на меня:

— А вы как думаете?

Я промолчал.

— Думаете, небось, провинился старик, не справился, то да се? Мне ничего не оставалось, как пожать плечами.

Ещелкин стал серьезным.

— Техника в наши дни — очень сложное дело. Если ты техник или даже инженер, а стал рабочим высокой (Ещелкин подчеркнул слово энергичным взмахом руки) квалификации — разве это зазорно? Разве зазорно передавать свой опыт товарищам? И еще тут одна штука...

Неожиданно из-за косогора вынырнул поселок Озерный. Единственная здесь улица носила имя Николая Островского.

— Видимо, живущие здесь сильны в литературе, — полушутя проговорил я.

Ещелкин улыбнулся и, подойдя к своей «хибаре» — высокому бревенчатому дому, открыл дверь. Мы очутились в небольшой комнате с книжными шкафами чуть не во всю стену.

— Моя библиотека, — не без гордости сказал Ещелкин. — А вы, кажется, интересуетесь литературой?

Я быстро подошел к первому же шкафу и, позабыв о хозяине, грузился в книги. Здесь были полные собрания сочинений Бальзака и Демьяна Бедного, Вальтера Скотта и Достоевского, Драйзера и Хенкса...

Оторвавшись, наконец, от книг, я спросил:

— Сколько же у вас томов?

— Пока тысяча двести, не считая журналов.

— А сколько же стоит эта библиотека? — сорвалось у меня языка.

Нетактичность вопроса была явной, я почувствовал это сразу.

— Библиотекой не торгую, — сухо вато сказал Ещелкин, — но если вас интересует: несколько тысяч.

Я опять принялся за книги и опять, какую, позабыл о хозяине.

Почувствовав, видимо, мой искренний интерес, Ещелкин разговаривался.

— Книги я с детства люблю. А в сорок четвертом, после того, как никуда, пытался завести библиотеку, да не вышло. А потом семь лет дом строил...

Но Ещелкин не забывал о своей мечте. Он рассказывает, как охотился за нужной книгой, как тесно стало книгам в одном шкафу, как захватили они, в конце концов, чуть не всю комнату.

— Книги помогают мне жить и расти. Кроме художественной литературы, у меня немало и специальной — как теперь без нее обходиться? — и он подвел меня к шкафу поменьше.

Здесь сверкали золотыми тиснениями различные энциклопедии, тесно жались друг к другу всевозможные пособия по электротехнике и горному делу. Видно было, что ими часто пользуются — из многих книг выглядывали закладки, несколько книг вперемежку с тетрадками и блокнотами лежало на столе.

И вот тут-то вспомнилась мне обмолвка Ещелкина насчет «оченьной штуковины», я понял, что хотел он тогда сказать. Электрослесарю все время приходится быть лицом к лицу с самой сложной, но не всегда совершенной техникой, и человек думающий волей-неволей становится изобретателем. Рабочий начинает корректировать работу инженеров, создававших эту технику.

В 1955 году в содружестве с инженерами Ерыгиным и Сергеевым Ещелкин взялся за одно очень серьезное дело — разработку дистанционного управления подземной насосной станцией. Спустя четыре года шахта получила полностью автоматизированную станцию с управлением от диспетчера. Экономический эффект этой работы составил пятьдесят тысяч в год!

При пуске экскаватора «Шкода» на разрезе шахты 2/5 самым удобным местом оказалась токосъемники. Пылкая мысль новатора и здесь нашла выход. Ещелкин сконструировал токосъемник собственной конструкции, обеспечивший надежную работу экскаватора.

Ещелкин разработал и внедрил электросхему сигнализации уровня воды в котлах шахтной котельной. Звуковой и световой сигналы вовремя предупреждают: уровень воды падает. Аварии теперь невозможны.

И многое, многое еще узнал я от Ещелкина, оказавшегося не таким и замкнутым человеком, как думалось мне вначале, а словоохотливым и увлекательным собеседником. Незаметно пролетело три часа. Мы вышли в кухню. Взглянув в окно, я увидел во дворе какое-то странное сооружение.

— А это мое домашнее изобретение, — сказал Ещелкин, перебив мой взгляд. — Воду поднимать из колодца — огород и сад поливать.

— А там что за труба?

— Погреб с вентиляцией. Два метра льда и теплоизоляция наверху — ни в какую жару продукты не испортятся.

Начало темнеть. Не желая больше затруднять хозяина, я стал прощаться. Ещелкин проводил меня до ворот.

Шел я домой в приподнятом настроении. Мне было радостно, что удалось познакомиться с еще одним интересным человеком.

Неугомонный

Какое емкое слово — неугомонный! Это человек, у которого вся жизнь в поиске, в пути. Нелегко ему, случается и непогода, и встречные ветры дуют, и дорога крута...

Туляк по рождению, Николай Тиганов там же окончил горно-промышленное училище. Самостоятельную жизнь начал вдали от родных мест, приехав вместе с товарищами в мало кому тогда известный Гусиноозерск.

Было ли ему трудно сначала? Конечно! Работа машиниста подземного электровоза требует исключительного внимания, физической выносливости, отличного знания техники.

Напряженный ритм заполняет дни и вечера молодого шахтера. Работа в шахте сменяется учебой в вечерней школе, комсомольское собрание — выпуском стеной газеты...

После десятого класса — экзамен в горнометаллургический институт. И горькая неудача — срезался по математике! Но не из таких Николай, чтобы опустили руки. И еще поддержала его хорошая девушка, Альбина, такая же неугомонная и настойчивая.

И опять Николай с головой уходит в работу и учебу. Курсы газосварщиков, вечерний университет марксизма-ленинизма, усиленная подготовка к преодолению первого рубежа вуза...

...Над городом опускаются сумерки. Мягкий свет заливает комнату супругов Тигановых. Альбина сидит у детской кровати и с задумчивой полуулыбкой смотрит на Николая. Ерша вихрастые волосы, он согнулся над книгой и что-то бормочет про себя — это он готовится к заочной сессии в Московском политехническом институте.

1961 год оказался для Тигановых «урожайным» на события — появление долгожданного первенца, избрание Николая в областной комитет партии, поступление — наконец-то! — в институт.

А через год уже двое Тигановых штурмуют высоты науки. Николай, отличного производственника, направляют на очную учебу — в политехнический институт, поступает в педагогический институт Альбина. Они редко видятся, но это не мешает им жить дружно, помогать друг другу в учебе.

И вот студенческие годы позади. С глубоким волнением подъезжает инженер-механик Николай Тиганов к гореду, где начиналась его рабочая юность.

Шахтерские города узнаются по характерным силуэтам терриконов. Но выше терриконов вознеслась сейчас над Гусиноозерском мачта телемаяка. И повсюду — могучие высотные краны.

Мысленно оглянулся на пройденный путь Николай Тиганов — и сам удивился: как далеко ушел он за эти годы! Далеко ушли и те, кто приехал сюда с ним пятнадцать лет назад: учатся в вузах туляки Николай Черников, Владимир Сидоркин и Анатолий Малахов, в техникумах — Николай Хавронов и Дмитрий Теплов.

...Позади рабочий день. Николай склонился над столом, пишет жене, сообщает о последних новостях в родном Гусиноозерске. А за Байкалом, в комнатке общежития Иркутского пединститута, готовится к завтрашним занятиям Альбина.

Закончен еще один день трудного и увлекательного пути коммунистов Тигановых.

Владимир ЛОРГОКТОЕВ

Владимир Лоргоктоев сын охотника-оленьевода, эвенка, родился в 1934 году в глухом поселке Багдарино на севере Бурятии. От отца он унаследовал острый глаз, наблюдательность охотника, большую любовь к природе. От своей матери Натальи Тимофеевны — известной сказительницы — он впервые услышал сказки, легенды и песни. Болоди начал писать стихи еще со школьных лет. Они печатаются в газетах. Его стихи часто звучат со сцены.

Сейчас Владимир Лоргоктоев живет в поселке Холодном Северо-Байкальского района, работает учителем в начальной школе. Много пишет, переводит на эвенкийский язык стихи русских поэтов, народные песни. Одна из них — «Вижу чудное приволье» успешно исполняется художественными коллективами Эвенкии.

Вл. Лоргоктоев подготовил к печати свой первый сборник стихов и поэм.

По твоим заветам, Ленин!

На таежных горных кручах,
на равнинах рек могучих,
в дыме чумов, в нищете
жил народ мой, год за годом
видел только страх и голод
на просторах — в тесноте.

Но когда в мой край озерный —
с комарьем, с зверьем проворным —
слово Ленина дошло,
старики-эвенки тут же,
взяв сынов и в руки ружья,
встали на людское зло:

На шаманские приплясы,
на жандармские лампасы,
на обиды всех мастей
шли эвенки с русским братом,
рядом с бедняком бурятом,
шли с Сибирью рядом всей!

А сейчас взгляни — надежно
край мой строится таежный
он, как озеро Байкал,

в глубине родной Сибири
дружбу всех народов мира
целиком в себя впитал.

Он живет, народ оленный,
по твоим заветам, Ленин,
пятьдесят великих лет.
Так веди дорогой той же
нас, детей далеких стойбищ,
мудрый ленинский завет!

На оленеферме

Сопки Килгола обмазал снег.
Пусто вокруг и голо.
Лепешкой,
не побывавшей в огне,
луна висит над Килголом.

Невесело сверху смотреть Луне,
все тропы засыпал коварный снег.
Больно копытцам — под снегом камни.
Лыжи назад скользят под ногами,
а старый, все видевший оленевод
оленика на руки берет.

Так часто бывает в тайге у нас —
голько выглянет ягель,

и с оленят не спускают глаз,
за каждым их шагом глядя.

Дымятся трубки,—оленеводы,
собравшись кружком, говорят о погоде,
о тихом месте для оленят,
от ветра слезясь, они говорят.
И видят: окрепнув, гордо
идут оленята в годы.

Пока же на сопках тускнеет снег
пусто вокруг и голо...
слушая суток медлительный бег,
не спят пастухи Килгола.

В лесу

Осторожно ступая,
на опушку дремучего леса,
где верещали птицы
в сумрачной высоте,
вышел гордый изюбр
и, корону рогов своих свесив,
стал спускаться он к озеру,
к зеркальной его воде.
Он хотел свою мощь
увидать в своем отображении
перед встречей со старым,
закаленным в боях, врагом.
Вот хрустнула ветка...
Он вздрогнул... еще мгновение —
и жестокая битва решилась
дерзким его броском.
И рухнул в молчаньи
настороженного леса
старый изюбр,
поддавшись неизбежной беде.
И снова заверещали птицы,
и рога могучие свесив,
отмывать свои раны
победитель шагнул к воде.

Перевод с эвенкийского А. Шитова.

У подножья островерхих снежных гор,
куда солнце очень редко проникало,
там Витим завел бунтарский разговор,
там охотников тропа подстерегала.
Лишь эвенки жили там, молясь огню.
Гибли в стойбищах олени, гибли люди.
Чтоб спасти своих оленей и родню
шли охотники к шаманам: что, мол, будет.
И шаманы, чтоб последнее отнять,
говорили, бросив мясо вверх: — Глядите,
злые духи к вам нагрянули опять!
— Нам оленей...
— Нам невест скорей ведите!
И последние припасы, иногда,
отдавал охотник жадному шаману.
Если дочку не отдать — совсем беда...
Горе лишь противоречило обману.
И вздыхала гулко, горестно тайга,
да печальны были песни у Витима...
Но у речки, где скалисты берега,
где тропа была тиха и недюдима,
юрта хилая стояла. Наконец,
кедр могучий прямо к юрте сбросил шишки.
И родился в юрте той Бэркэн-юнец,
и затылок золотым был у мальчишки.
Он, родившись, оглядел вокруг тайгу.
Свет Бэркэн увидел на вершине Тын.
Заарканил он оленя на бегу,
а рога оленя были золотые.
И Бэркэн слова оленя слышит вдруг:
— Ты сильнее всех, и ум твой схож с лучами.
И отныне ты — эвенкам верный друг,
обездолены эвенки богачами.
Прокатился над тайгою птичий гай.
Грянул гром, поднявший возгласы лихне.
И воспринял вдруг тогда суровый край,
край незыблемый, таежный — Эвенкия.
— Буга муданин! Конец! И меркнет свет! —
племя хищное шаманов закричало.
— Нет! — тогда сказали люди. — Нет,
это к нам пришло Великое Начало.
И вошел в тайгу глухую новый век.
И по бурным рекам Маме и Витиму
плыл и плыл Бэркэн — хороший человек,
плыл к счастливому эвенку — побратиму.
И могучий кедр над юртой в небо врос.
И олени по тайге спокойно бродят...
Богатырь Бэркэн, что счастье нам принес, —
это Ленин, так поют в моем народе.

Перевод с эвенкийского Инн. Новокрещенных.

Заслуженный летчик-испытатель Герой Советского Союза

Юрий БЫКОВ

Же ву Зем

Весь мир знает имя заслуженного летчика-испытателя Героя Советского Союза Юрия Гарнаева. Это он первым катапультировался на больших скоростях, испытывал высотные скафандры. Это он впервые поднял в небо турболет, испытал более сотни новейших самолетов и вертолетов советских конструкторов. Но для удан-удэнцев имя Юрия Гарнаева особенно дорого — ведь именно здесь он начинал свой путь боевого летчика. В Бурятии есть люди, которые хорошо знали и помнят его.

И вот недавно из Франции пришла траурная весть о гибели нашего прославленного аса. О жизни Юрия Гарнаева можно написать несколько повестей и романов. Редакция журнала «Байкал» предлагает вашему вниманию материалы, которые представил нам летчик-испытатель Юрий Быков, ученик и близкий друг Юрия Гарнаева. Ю. Быков хорошо знал его и по работе, и в личной жизни. И мы с удовольствием предлагаем вашему вниманию слово Юрия Быкова о своем старшем друге.

Имя Юрия Гарнаева навсегда останется в наших сердцах, как имена Валерия Чкалова, Григория Бахчиванджи, Владимира Комарова. Каждый летчик-испытатель мечтает прожить жизнь так, как эти отважные соколы. И Ю. Быков порекомендовал нам в первую очередь опубликовать отрывок из выступления Юрия Гарнаева по Всесоюзному радио перед его последним вылетом во Францию.

..В памяти каждого летчика на всю жизнь остается особенно одна, незабываемая дата. Это день первого самостоятельного вылета. С благодарностью помнят летчики фамилию своего первого инструктора. Такой день запомнил и я. 17 июня 1937 года рано утром инструктор Малахов, сделав со мной два контрольных полета по кругу и зарулив на линейку, вдруг расстегнул привязные ремни, выключил мотор, вылез из кабины и стоя на крыле около меня сказал:

— Полетишь сам. Смотри у меня!—и, погрозив пальцем, спрыгнул на землю.

Стартер протягивает белый флаг в направлении взлета, что означает «Взлет разрешаю». Я один. В передней кабине никого нет. Я один в воздухе вместе с самолетом, которым сам управляю. Что это? Сон. Мечта? Нет — действительность. Я жрестой токарь управляю самолетом.

Как же пришло то, о чем мечтать-то уже не мог...

Московский поселок Вагоноремонт. Сюда переехала наша семья. Завод создавался вновь. Около него вырастал и поселок. Дело токарное я очень любил. Очень приятно ведь было смотреть, когда из форменной болванки рождалась деталь, сделанная по чертежу своими руками. Это был не только труд. Это было творчество. Комсомольский задор. Молодая энергия будоражила душу, но мы далеки были еще от авиации, хотя все памятные годы, необыкновенные события происходили в нашей стране в связи с развитием авиационной промышленности и авиационного спорта.

Все чаще в газетах стали появляться статьи о достижениях наших советских авиаторов. Рекордные полеты на планерах известных советских планеристов С.

Анохина, В. Расторгуева, И. Шелеста. Смелые прыжки с парашютом П. Полоусихина, Я. Мошковского, беспримерные полеты полярных летчиков Водопьянова, Головина, Черевичного. Перелеты через Северный полюс на самолете АНГ-25 экипажей прославленных советских героев Икдлова, Байдукова, Белякова, Громова, Юмашева, Данилина. За ними в скором времени открыл западную трассу между Москвой и Америкой прославленный советский летчик Владимир Коккинаки.

Думал ли я тогда, читая с волнением эти газетные сообщения, что я не только из газет буду знать об этих людях, но мне даже повезет познакомиться со многими из них погрудитесь рука об руку. И вот в те памятные годы был брошен клич—«Комсомол на самолет! Дадим стране 150 тысяч летчиков без отрыва от производства». Каждый день, окончив работу, мы спешили в оборудованные тут же на территории завода классы. Со всех цехов тянулась туда комсомольская молодежь.

Так незаметно летели дни зимы и наступила весна 1937 года. Был, в основном, закончен теоретический курс учебы и мы приступили к практическим занятиям на аэродроме. Стало значительно тяжелее. Жизнь превратилась в замкнутый круг. Пробуждение в 6 часов утра, работа у станка, поездка на аэродром, практические занятия, обратная поездка домой с возвращением к двум часам ночи... И так каждый день.

Милая старушка У-2. Безобидная и неприхотливая машина, на которой выучилось одно поколение советских летчиков. Сейчас она уже ушла в область предания, честно отслужив 30 лет. И смешно молодому поколению летчиков слышать о большой скорости разбега, равной 60 километрам в час. Да мне и самому смешно это вспомнить, летая на сверхзвуковых самолетах, скорость разбега которых во много раз превосходит максимальную скорость полета У-2. Но это ощущение скорости я помню до сих пор. Количество освоенных мною типов летательных аппаратов давно перевалило уже за 100... Колышущаяся трава, запах бензина, ритмичный шум самолетного двигателя до сих пор волнуют душу.

Я иногда, оставив аэродром с современными самолетами, напоминающими скорее ракеты, чем самолеты, уезжаю в выходные дни на поляну, близ опушки леса, где расположен один из аэродромов ДОСААФ. Там осваивают летное искусство рабочие, инженеры, техники, молодые ребята без отрыва от производства. Я знаю их сокровенные мечты—стать летчиками-испытателями. Ну что же. Это благородные мечты, это благородные порывы, и я всей душой не только сочувствую им, но и помогаю. Пусть этот трудный, тернистый, но осуществимый. И смотря на эти полеты, правда, уже не на старушках У-2, а на более совершенных самолетах ЯК-18 и ЯК-12, я

вспоминаю аэродром, где сделал первые свои шаги в авиации...

Старшее поколение летчиков-испытателей, с которыми работал, на которых собственноручно ориентировался, брал с них пример, сейчас на отдыхе, и я сам незаметно стал этим старшим поколением. Сейчас, уже молодые летчики-испытатели, которые гораздо моложе меня, много сделали для нашей авиации, уже они-то являются очень интересными людьми.

Сама по себе авиационная стихия—это романтика. Безусловно, романтика. Но мы уже стали теперь не романтиками, а бы сказали, а фанатиками этого дела. Спишь и видишь самолеты, только и ждешь скорее бы утро...

Известный советский авиационный конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Михаил Леонтьевич Миль со своим коллективом создал самые огромные вертолеты в мире. Вертолеты на салоне произвели необыкновенное впечатление. Таких вертолетов ни где никто не видел. После этого салона в 1965 году мы были приглашены в ряд капиталистических стран, чтобы выементировать интересные работы.

Мы выполняли работы эти в Голландии, во Франции, в Швейцарии. Высоко в горах Швейцарии мы устанавливали кабели для подвесных канатных дорог, мы устанавливали пилоны линии электропередач. Во Франции мы способствовали тушению лесных пожаров. И вот такой успех советских вертолетов привел к тому, что они заинтересовали многие европейские страны. Мне придется после Парижского салона лететь на юг Франции, где французы просят помочь им в тушении лесных пожаров на одном из вариантов вертолета МИ-6, который оборудован именно в противопожарном варианте. Вот такая работа сейчас предстоит нам...

Конечно, наша работа испытателя универсальна. Приходится заниматься всеми делами, но все они направлены на то, чтобы эта работа и в мирное время была полезной народу и не только нашему народу, но и всем народам, кто поддерживает с нами дружбу.

* *

...Их было немного... Г. А. Комрашов, А. В. Быстров, Ф. М. Морозов, П. И. Долгов... Последний покинул самолет на скорости 860 километров в час. Тогда это был рубеж, переходить который не спешили. Было очевидным, что есть предел, но где? На какой скорости? В дифференци-

альных уравнениях нельзя было учесть психологическую производную и ответ мог дать только человек. Так появилась чертовски смелая профессия испытателя катапульта. Человек в этом случае выполняет роль не просто снаряда, а в те мгновения, когда полутонна сила порохового заряда выбрасывает его из кабины самолета, подвергая организм чудовищным перегрузкам, когда ставший упругим воздух грозит сломать шею, вывернуть руку или ногу — он должен осознать весь процесс выстрела и дать квалифицированную оценку работе всего спасательного комплекса. Ведь от него зависит многое. Катапульта при аварии на скоростном самолете — единственный шанс остаться живым и нужно сделать так, чтобы полет не был последним для летчика.

Труд испытателя катапульта — это еще не раскрытая пером суровая романтика, тающаяся в глубине души скромных, но беспреследно смелых людей, которые ценой своей жизни борются за жизнь летчиков, и бесстрашными прыжками доказывают, экспериментируют, утверждают и дают путевку в жизнь новому летательному аппарату. Неизвестно, придется ли летчику воспользоваться парашютом, а у парашютиста-испытателя — это повседневный труд. Труд не обычный, бесценный. Труд — подвиг, где каждая секунда, ее сотые доли стоят долгих лет жизни. С этого и началась испытательная деятельность летчика и парашютиста Ю. Гарнаева.

...Разбуженный порох выстрелил человека вместе с сидением из кабины реактивного бомбардировщика. Поток воздуха, истретившись с крошечным живым островком, обрушил на него свою необузданную мощь. Руки, ноги мгновенно были сорваны с фиксаторов. С разбросанными руками и ногами испытатель беспорядочно вращался, не в силах что-либо сделать в хаосе взбешенных струй. Конечности то вытягивались по потоку, то с силой отбрасывались назад. Призрачная, но коварная сила словно жесткой подушкой безжалостно била в лицо, сжимала грудь. Но человек, сопротивляясь своим телом, укрощал воздушные вихри. Через две секунды поток ослаб, а раскрывшиеся привязные ремни освободили испытателя от сиденья. Падение вошло в привычные ощущения.

...Небольшая задержка, и рука с силой выдергивает красное кольцо. Еще не ослабшее от напряжения тело почти не почувствовало динамического удара раскрывшегося парашюта. Снижение на белом куполе показалось мучительно долгим, словно земля отходила от него. Но небо есть небо. Пока находясь в нем — будь готов к любым неожиданностям, порой самым невероятным и неповторимым. Пос-

леднее напряжение — и испытатель упругими ногами касается Земли...

Земля. Родная твердая Земля! Сколько раз он смотрел на нее сверху, сколько раз она торжественно встречала тех, кто достигал ее Героем...

Он на земле. И только оказавшись среди товарищей, встречавших его, он почувствовал усталость и далекую, пока еще тупую, приглушенную боль. Травм не было. Тело было от огромного напряжения... Для Юрия Александровича Гарнаева это был памятный и счастливый день... 900 километров в час! На такой скорости тогда еще никто не прыгал. Это был рекорд. Предел того, что знали тогда о катапультировании на больших скоростях.

Электрокардиограммы... Анализы... Психологические опыты... Бесчисленные замеры пульса и давления крови... Врачей интересовало все и они обследовали буквально каждый сантиметр тела, по рентгеновским снимкам изучали каждый позвонок... Ведь перед ними был человек, отважившийся на столь необычное и рискованное испытание, подвергнув себя воздействию огромных сил пороха и скоростного напора воздуха... Все нормально. Организм здоров. Каких-либо отклонений и необратимых деформаций не обнаружено. Значит эта скорость не предел, и летчики строевых частей могут уверенно покидать аварийный самолет.

Прыжок Гарнаева открыл путь дальше, в еще большие, неизведанные скорости. Но врачи — народ осторожный. Работа с человеком не прощает ошибок. Они говорят последнее слово только тогда, когда остается единственное мнение, один ответ, путь к которому лежит, как правило, через скрупулезный и терпеливый труд. Они очень тщательно изучают, анализируют, спорят, доказывают, отвергают и... мечтают. Мечтал и Юрий Гарнаев.

Авиация обживала стратосферу. Экспериментальные самолеты поднимались на десятки километров и развивали звуковые скорости. Все чаще стали появляться сообщения о планах покорения космоса. Вековая легенда и фантазия писателей в наши дни обрела научную и техническую основу.

Человечество стояло на пороге невероятных событий. ...Скафандр... Тогда он уже не был новинкой. В нем прыгали. В нем летали на самолетах и стратостатах. Но о нем еще никто не катапультировался. По этому поводу были надежды и опасения — как в любом новом деле.

...Самолет незаметно отделившись от бегойной полосы, уходил в чистое утреннее небо. Скафандр заглушал звуки турбины и защищал от холодных струй воздуха, врывающихся в открытую кабину. Воздушному испытателю Юрию Александровичу Гарнаеву казалось, что это очередная тренировка на земле, и только мелькавшая земля сквозь остекление скафандра напоминала о том, что он в небе, летит, что через несколько минут это место должно быть пустым. В этих случаях

время тянется очень долго. Секундная стрелка, нехотя, отсчитывала вечность. Казалось, что в жизни ничего не было кроме катапульти, скафандра и парашюта, и что сидит он в кабине самолета всю жизнь. В памяти возникают далекие и близкие события... Люди... Пржки... Полеты... И вдруг он поймал на туманной, тянувшейся из глубины сознания, мысль, назойливо преследующую его вот уже много дней, а может быть и всю жизнь. Мелькал распылчатый образ человека в лодобном скафандре в кабине непонятного корабля... Тогда только небольшие ракеты, иногда с животными на борту, подступали к космосу... Притянутый привязными ремнями к катапульти, в громоздком, необычном костюме, похожем на водолазный, он взглянул вверх сквозь прозрачный колпак и чему-то улыбнулся. Из-под широких нахмуренных бровей черные глаза сверлили бесконечную даль Вселенной, путь в которую начинался вот так, с земли... Но тут же лицо стало серьезным. Приближался старт... Сигнал... Он превращается в спусток напряженных нервов. мыши, воли... Пошел! И...

Выстрела не было слышно. Перегрузка ошутилась несильно. Раздутый комбинезон скафандра предохранил его от холодных струй воздуха. Сиденье отошло незаметно. Скафандр выпрыгнул его и он, словно кукла с распростертыми руками и ногами, вращаясь, падал к земле. Замерзшие стекла иллюминатора скрывали от него землю и, лишь подчиняясь профессиональному чутью, Гарнаев понял — пора. Слабый толчок и испытатель повис на строплах белого купола. Впервые в истории было выполнено воздушное катапультирование в спасательном скафандре с реактивного самолета. С этого дня проблема вынужденного покидания летательных аппаратов на больших скоростях перестала существовать... Это была вторая победа, одержанная парашютистом-испытателем Ю. А. Гарнаевым.

Вот еще один эпизод.

Самолет добирался до восьмидесятикилометровой высоты. Юрий Гарнаев, облаченный в скафандр новой конструкции и обвешанный не совсем легкими и портативными приборами, готовился к покиданию машины.

А сделать это было не так просто, так как при своем «чистом» весе в шестьдесят килограммов, полетный вес его составлял почти 120 кг.

Под ногами открытый лок, через который видна далекая, слегка покрытая дымкой земля...

Мощный рывок с правой стороны и Гарнаева резко развернуло на спину. По шлему скафандра ударил оборванный конец кислородного шланга. Он испытатель. Он вправе ждать самых неприятных сюрпризов, но то, что случилось, было слишком коварным — оно отнимало единственную возможность — сопротивляться. Надежда была только на тот небольшой запас кислорода, который остался в скафандре. Но в те времена последние из-

рядно травили, что надеяться на ш без того ничтожный запас живительного газа было рискованно.

Последний выход — в длительной задержке раскрытия парашюта. Снаружи мороз. Иллюминатор покрылся инеем. Земля исчезла. По набегающему потоку воздуха Гарнаев определил, что падает на спине. Но что это? Унты сползают с ног и слегка закруживается голова. Штопор! Где земля? Раскрывать парашют опасно, но и медлить нельзя... Рывок и снова падение. Правда, летел он устойчиво, ногами вниз. Неужели парашют? Опасения оправдались. Купола парашюта не было. Были длинные стропы и обрывки ткани. Земля неотвратно приближалась со скоростью нескольких десятков метров в секунду.

Падение приостановил запасной парашют. Однако приземление с таким большим весом на одном, относительно небольшом, куполе не предвещало ничего хорошего.

Удар о мерзлую землю. Разбивается прозрачный шлем. Ветер яодхватывает еще не погасший парашют и волочет испытателя по твердым кочкам.

Когда к нему подъехали товарищи, шлодиноков закончился. Обессиленными руками Гарнаев подбирал под себя упругий купол парашюта. Но он еще и летчик. Штурвалы многих опытных машин ждали его твердой руки. И многие вопросы приходилось решать так...

...Вертолет, задрал нос и вались на правый бок, падал к земле. В густоте выреж шел поединков незримых струй и мужества испытателя. Шел невероятный неповторимый по сложности эксперимент. Выключенный двигатель, сделав последние хлопки, заглох и воцарившаяся тишина лишила его единственной мысли о спасении. Даже парашютные лямки и красное кольцо оставались вне сознания, так как пригать было бесполезно. Вертолет падал почти вертикально и вращающийся несущий винт неминуемо встал бы на пути испытателя... Самолет боится потери скорости, вертолет — потери оборотов винта. А сейчас они резко падали, приближаясь к какому-то минимуму, который никто и не знал. Были только предположения. Между тем обороты продолжали падать. Так лямки могут остановиться и начать вращаться в обратную сторону, что не предвещало ничего хорошего... Глаза внимательно следят за приборами, руки и ноги готовы выполнить любую команду, решенную мозгом и подсказанную совестью. Мысль работает четко и напряженно, рычаги остаются неподвижными... А все еще есть время... Возможно еще не потеряно... Еще несколько секунд до возможного рокового исхода. Всего одно движение и все придет в норму... Все, кроме одного. Тайна останется неразгаданной. Нет! Он знает цену доверия. И он ждет. Наблюдает. Запоминает... Что будет? Если просчитались инженеры, то... Если они оказались правы, винт выдержит заданный режим и опустит его на землю. А...

возьмет — решалось у него на глазах. Правда, подобные полеты он уже делал много раз, но этот был из серии последних — самый сложный и самый спорный... Лопаста, словно в раздумье, в ошутимом замедлении мелькали в глазах. Явно ощущался этот неравномерный надрывный глухой свист воздуха сопротивляющимся и без того обесиленным лопастям.. С большим трудом удалось выравнять машину, ибо движения должны были быть настолько четкими, тонкими и своевременными, что малейшая ошибка могла погубить и без того опасный эксперимент... Когда падаешь, земля не сразу становится страшной. Вначале ее не замечаешь. Она обманчиво подкрадывается на малой высоте и резко бросается в глаза своей неотвратимой близостью. В этих случаях судьбу решают не секунды, а иногда — мгновения. Но сейчас Гарнаев не смотрел на землю. Он видел ее только отдаленным горизонтом, по которому ориентировался, стремясь удержать машину. Да и эксперимент требовал исключительного внимания, так что на раздумья времени не оставалось. Это было единение еще живой души с еще работающей машиной. Исключения в таких случаях абсолютно недопустимы.

...Падало все вместе... Бежали секунды, а время тянулось вечностью. Но винт вращался и не думал останавливаться. Вращался! А может быть это еще не все? Может быть еще он уменьшит обороты? Надо подождать. Надо во что бы то ни стало убедиться до конца. Стрелка высотомера в быстром темпе отсчитывала сотни метров потери высоты. Но что это? Стрелка счетчика оборотов недвижно стоит на предполагаемом делении. Значит все нормально! Значит дочурка дождется сегодня папу. Дальше было делом обычным. Правда, обычным для Юрия Гарнаева, который в числе первых освоил посадки вертолетов с отключенным двигателем. В принципе это очень сложная проблема и на сегодняшний день. Сложность заключается в том, что уменьшить посадочную скорость вертолета в этом случае можно только один раз, на определенной высоте от земли. Любые ошибки здесь не прощительны. Золотая середина в те времена была еще неведома и поиски ее стоили многих жертв... Довернув на аэродром, Гарнаев пытался дотянуть до полосы, но вертолет упрямо снижался по своей траектории и было видно, что приземление произойдет в канаве. Снова секунды непредвиденного напряжения... Попытки тщетны. Неужели все! Вертолет, опустив хвост и ломая о землю рулевой винт, подпрыгивает вверх и, разворачиваясь хвостом вперед, перелетает злполучную канаву и «приземляется» на полосу... Итак — было доказано, что отказ двигателя на вертолете не страшен, даже если он произойдет на самом нежелательном режиме. Да и оказалось, что посадить вертолет можно и без хвоста.

Вот так приходил опыт. Так иногда исследовалась безопасность полета винтокрылых машин, без которых сейчас мы уже

не мыслим работу во многих областях нашей жизни... В подобных случаях трудно определить, чему уступает природа своим тайнам — проникающей мысли науки или железной воле испытателя, разве что последнему приходится чаще других задумываться о жизни...

На одном из боевых самолетов возникли опасения за жизнь летчика, если ему придется катапультироваться на предельной скорости. Скоростной поток оказывался настолько сильным, что он мог прятать сиденье к самому килу, и столкновение казалось неотвратимым. Технические средства, повышение безопасности были связаны крупными конструктивными доработками. Поэтому решили предварительно проверить траекторию полета кресла в воздухе.

В первую кабину реактивного истребителя посадили манекен, а вторую — занял Юрий Гарнаев. Задание было предельно простым. На заданной высоте разогнать максимальную скорость и катапультировать манекен. Фотокамеры сопровождающих самолетов заснимут весь процесс эксперимента. Но случилось невероятное. Кресло с манекеном приподнялось над кабиной, но не вылетело из нее, а, согнув рельсы, легло на фонарь летчика, лишив его последнего шанса: покинуть машину. Выход был один — садиться. Но не так-то просто было это сделать. Каждую секунду упрямый манекен мог сорваться и повредить самолет, особенно на малой высоте при заходе на посадку. До определенной высоты еще есть время обдумывать создавшуюся обстановку и выбрать решение, но, снизившись ниже предела покидания машины, думаешь только о посадке и все другие неприятности уходят в сторону. Так было и в этом полете. Решив посадить машину, Гарнаев очень осторожно и плавно подвел ее к бетонной полосе.

Время рождает новые идеи и осуществляет старые. Не успел вертолет войти в жизнь, как начались усиленные поиски и замены его другим, более скоростным и более экономичным аппаратом. И здесь нужен риск...

...Извергая раскаленный поток газов, странное сооружение, вынырнув из облака пыли, зависло вблизи земли. Минута другая и чудо — сделало полный оборот вокруг вертикальной оси. Кажется все нормально. Наклонившись вперед «каракатия» с увеличивающейся скоростью удаляется в другой конец летного поля. Двигатель полетел! Да, это первый в нашей стране полет на летающем двигателе — стенде — турболете. Те, кто присутствовал при этом уникальном эксперименте, очевидно, на всю жизнь сохранят в памяти это событие... О том, что турболет может летать — сомнений, пожалуй, не было. Двигатель развивал тягу больше, чем вес конструкции и обеспечивал условие вертикального взлета. Зато другая сторона полета — устойчивость и управляемость — были предметом серьезных опасений. Ведь малейшее неосторожное движение и тур-

болет может опрокинуться. А какова цена этой неосторожности? Точно никто не знал. Не знал и Ю. Гарнаев. Освоение турболета шло буквально миллиметрами. Полеты выполнялись на столь малой высоте, что о применении парашюта не могло быть и речи, и в то же время она была достаточной, чтобы смять кабину при ударе о землю.

Это был эксперимент не только машины, но и летчика. Ведь турболет не имел крыльев или винта и его положение в воздухе обеспечивалось специальными газовыми и струйными рулями, управлять которыми оказалось не так просто. Трудно было сказать, что быстрее — реакции турболета или летчика.

Так секунда за секундой, минута за минутой Гарнаев познавал тайны полета на огненной струе, познавал самого себя. И вот на воздушном параде в Тушино зрители увидели настоящий полет турболета. Этот эксперимент лег в основу разработки аппаратов вертикального взлета и посадки более совершенной конструкции и для различных целей. Кстати, советский истребитель вертикального взлета и посадки, который удивил весь мир на воздушном параде в Домодедово, первым начал испытывать Гарнаев. Добрым словом вспомнит Юрия Гарнаева и первый советский космонавт, который будет совершать посадку на Луну на аппарате, прототип которого он испытал.

...Теперь это далеко позади. Сейчас новые задачи. Новые проблемы, новые трудности. Самолеты летают на скоростях, в несколько раз превышающих скорость звука, и поднимаются на десятки километров высоты, а на космические орбиты выводятся пилотируемые корабли. Среди тех, кто стоит на перекрестке путей развития авиации и космонавтики, стоял и воздушный испытатель Ю. Гарнаев.

...Первый прыжок на большой скорости... Первое катапультирование в скафандре... Первые полеты на турболете... Первый... Впервые... Время раскроет многооточия... Суть не в этом. Важно то, чтобы не испытывал Гарнаев — будь сверхзвуковой истребитель или огромный бомбардировщик, гражданский лайнер или вертолет, катапульты или скафандр — обрело способность к жизни. Помнят о нем и наши космонавты. Ведь Ю. А. Гарнаев вместе с известным летчиком-испытателем С. Н. Анохиным впервые на специальном самолете осваивали состояние невесомости и затем тренировали тех, кто проложил первые космические трассы. Более ста различных типов летательных аппаратов прошло через искусные руки испытателя, многие из которых остались в памяти и вошли в историю завоевания неба и космоса. Жизнь Ю. Гарнаева — это пример целеустремленности и безграничных возможностей человека. Это был пилот богатой натуры, исключительно талантливого летного мастера, фанатичной преданности небу. Человек сильной воли и необычайного

хладнокровия, в самые трагические моменты сохранял ясность и трезвость расчета, всегда выходил победителем из самых тяжелых, порой безвыходных положений. А они у него бывали нередко. И всегда, когда ему приходилось трудно как летчику, на помощь приходил опыт парашютиста. Это единение двух отчаянных профессий нашло в нем идеальное воплощение и является примером подражания, а может быть и необходимым условием для современного летчика-испытателя.

Суровая профессия сохранила в нем человека, умевшего не только дерзать в небе, но и тонко ценить искусство, слушать музыку и восхищаться игрой артистов. увлекаться классикой и уходить в мир науки...

...Этот очерк писался еще при жизни Юрия Гарнаева и, сейчас, готовя его для журнала «Взгляд», с волею в сердце приходится изменять окончания слов на прошедшее время...

Из Франции Гарнаев не вернулся. Одни из многих полетов, выполненных им при тушении пожаров, закончился катастрофой. До самого последнего дыхания он пытался спасти машину и экипаж. Но случилось то роковое совпадение обстоятельств, выхода из которого не бывает... Вместе с Юрием Гарнаевым погиб весь экипаж вертолета Ми-6: второй пилот Ю. Петер, штурман В. Иванов, бортинженер С. Бугаенко, бортрадист Б. Столяров, инженеры А. Чулков, В. Молчанов и два французца — Ж. Сандоз и В. Тенеф.

«Жё ву зем» — последние слова, которые я прочитал в его дневнике. «Я люблю вас» — национальная фраза гостеприимного французского народа — и она заключила в себе весь смысл жизни легендарного летчика. Он любил людей и верил им. С этой любовью он шел на самые рискованные испытания на земле и в воздухе. С этой любовью он работал в небе Франции, чтобы укротить лесные пожары и утолить жажду людей по чистому воздуху... Каждый раз, когда я ухожу в небо, пролетаю над заросшим полем, где когда-то был аэродром, с которого начинал свой путь летчик Юрий Гарнаев. Это были 39—40 годы... С тех пор прошло много времени. Небо Китая, Америки, Африки и всей Европы были свидетелями неповторимого летного мастерства заслуженного летчика-испытателя СССР, Героя Советского Союза, коммуниста Юрия Александровича Гарнаева...

И всякий раз мысли уводят меня в далекие горы, что близ Марселя, где будет воздвигнут обелиск, и каждый, кто ступит на землю Франции, непременно посетит это святое место, обнаженные скалы которого видели последний взгляд Юрия Гарнаева и впитали последние капли крови героического экипажа. Эти же камни искусной рукой скульптора воспримут и его последние слова, обращенные к живым: «Жё ву зем».

*Последний снимок Ю. Гарнаева.
Сделан во время тушения лесных пожаров
во Франции.*

Наша жизнь

Мукден, Харбин,
Мичуринск, Тарту,
Норильск, Аппхельск,
Ленинград,—
Опять судьба глядит на карту
и выбирает наугад.
Встают прожитого картины,
Любви нежной, первый
дождь,
Зовущий голос—лебединый,
Весенних дум хмельная
дрожь...
Все позади... А через межи
Года переступили вновь.
Зимой вдоль парка у манежа
Уж не придет к тебе любовь.
Теперь ты на краю Приморья:
Тайга и сопки—
как грибы,
Идешь, с высоким небом споря,
Сквозь все
превратности судьбы.
А море в пенистых башках
Стремится из-под облаков
К открытой вечно
нараспашку
Скалистой груди берегов.
И жизнь в полете
альбатроса
Крылатой вольности полна.
И нам сродни пурга и грозы.
И вечный ветер, и волна.

Исай КАЛАШНИКОВ

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

В конце лета этого года группа писателей выехала в Мухоморский район на декаду литературы и искусства. На перевале Барского хребта наш автобус остановился, он был горяч, от него валил пар, как от уставшей лошади, и кто-то пошутил, что, когда писателей много, они имеют не только общественный вес...

Мы сидели на траве под молодыми соснами, говорили о предстоящих встречах с читателями, о вечерах литературы. Для большинства моих товарищей это была в общем-то обычная поездка. Для меня — нет.

За Барским хребтом стлалась Тугнуйская степь, низкая от духовитой полыни, пестрая от цветов; за степью, за круглыми сопками лежали земли старинных семейских сел.

Мы направлялись в эти села, к семейским.

Мои товарищи курили, посмеивались друг над другом — все было так, как бывает обычно. А у меня в душе росло чувство встревоженности. За степью, пахнувшей полынью и богородской травой, лежала земля моего детства; там пахнут землей, косят траву, водят машины и строят дома ребята, вместе с которыми я делил жехитрые мальчишеские радости и бесценную краюху хлеба тяжелых военных и послевоенных лет; они стали степенными, рассудительными хозяевами земли, истоптанной нашими босыми ногами, земли наших суровых отцов и дедов.

Мне очень хотелось, чтобы друзья детства приняли моих товарищей — писателей — не просто как гостей, а поняли сердцем прелесть поэтического слова, полюбили живописную красоту образов, отточенную остроту мысли — я хотел бы видеть свою родимую семейщину совсем не такой, какой она была когда-то.

А какой она была?

Я вспоминаю свою бабушку с лицом неистой боярыни Морозовой. Она безмерно страдала, когда я стал учиться в школе, любая книга для нее, кроме полупудовых фолиантов со словом божьим, была откровением антихриста; она считала, что я хожу не учиться, а торю дорогу в ад; молилась сама и заставляла молиться меня, чтобы всевышний простил вину мою.

Над фанатизмом семейщины можно смеяться, можно проклинать и осуждать его, но нельзя вычеркнуть из прошлого — трагичного, неудобного, вызывающего самые противоречивые чувства.

Здесь не место углубляться в причины истории, значение раскола православной церкви. Скажу только, что неприятие «новой» веры было не простым проявлением консерватизма — совсем нет! — это было своеобразное отрицание царской власти, дерзкий вызов ее всемогущей.

Дорого заплатила семейщина за свою стойкость и непокорность, за нелюбье к царям державным. До сих пор можно слышать рассказы о том, как канальи маяли, гнули — мытарил мужиков, заставляя их склонить голову перед волей немазанников божьих. И в цепи ковали, и голодом морили, и смертным боем били, но семейские твердо стояли на своем. Они бежали от длинных царских рук на Волгу и в северные леса, позднее — в Польшу. Уже из Польши «Катка-государша, бабу лукавая», порешила вытурить их на край земли, за студеное Байкал-море, за тысячи и тысячи верст от обжитых предками земель.

Бурятия — суровый край — приютила их, стала для них второй родиной. И в тут власть царей чинила мужикам немалые утеснения, и тут они принуждены были пуше живота своего оберегать чуж-

тоту старой, «истинной» веры, свой жизненный уклад, свои древние обычаи. Настороженно, исподлобья смотрела семейщина на все новое, и уже везде ей чудились происки слуг антихриста; решительно, жестоко, безжалостно пресекала она любое еретичество, любые попытки взглянуть на мир без шор благочестивости. Так утверждалась над душами людей безраздельная власть уставщиков—пастырей духовных; так коснела, отгоразживалась от мира семейщина, уходила в себя. Не десятилетия—два века прошло с той поры, как старосеры осели в Бурятии.

Менялись государи, гремели войны, вспыхивали бунты, поднимались к небу фабричные трубы, в чадных цехах, голые по пояс, выковывали будущее своей страны дети и внуки крепостных хлеборобов; мимо Байкала, поднимая пыль кандалами, шли на каторгу правдолюбцы и вольнолюбцы, а здесь, за ровной, как стол, Тугуйской степью было тихо и глухо, здесь во всем своей неприкосновенности сохранялся осколок димитровской Руси, и, казалось, будут идти века, а семейщина останется все той же, богобоязненной, хмурой, настороженной.

А сегодня мы едем к семейщине читать стихи, рассказывать о литературе и литераторах.

Отдохнувший автобус бодро подминает под колеса синюющую ленту асфальтированного тракта; на обочине, в траве, слышно брызги небесной сини,—цветы. И солнышки тоже синеватые. Даже степная трава отливает синевой. От этого цвета, спокойного, ласкового, становится светло на душе, не хочется думать ни о чем таком, что несет с собой щемящий неспокой.

С обеих сторон дороги—хлеба. Никуда к земле тяжелые колосья с еще не поспевшим, но уже ядреным зерном. Хлеба—на зависть! Как, должно быть, радуются хлеборобы, когда у их ног шестестит зеленая волна такой вот пшеницы.

Вряд ли я справедлив, когда вижу в прошлом семейщины только ее непоколебимую верность старине. Если уж разобораться, то совсем не это было главное, а ее неистребимая любовь к земле, ее поистине удивительное трудолюбие ее необоримое упорство в борьбе с силами природы.

Семейские пришли в Бурятию из теплых краев, из краев, где плодородили яблони и вызревала кукуруза, из тех краев, где нет пронзительных хиузов и обжигающих морозов, где летом солнце не выжигает травы. Какое нужно было терпение, чтобы на новом месте, в условиях, совсем незнакомых, получать урожаи хлеба, достаточные, чтобы прокормить, одеть ребятнюшек? У мужика было терпение, а еще—исконное, веками выработанное чутье земледельца и, конечно, умение самозабвенно отдаваться работе.

В короткое время семейские стали лучшими хлеборобами не только Забайкалья, но и всей Восточной Сибири. Лучшее сви-

детельство об этом оставил не кто-нибудь, а иркутский губернатор Трескин. В 1809 году он писал: «Пример редкого трудолюбия и прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за 40 на местах песчаных и каменных, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неуслынное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие лашны, и хлебопашество составляет им не током изобильное содержание, но и есть главнейшая подпора Верхнеудинского и Нерчинского уездов. Начальство долгом считает известить по всей губернии редкое прилежание, трудолюбие и общепользность крестьян—старообрядцев Верхнеудинского уезда—Мухоршибирской, Куналейской и Урлукской волостей и изъять им за то совершенную свою признательность».

Губернатору надо отдать должное—хорошо сказал о моих земляках, все верно и правильно, за исключением одного. Согласие семейщины было лишь видимостью. Какое может быть согласие между богатым хозяином и его батраком? Какое согласие могло быть между молодостью, изливающей свою душу в веселой песне и искрометной пляске, и седобородым уставщиком, ревнителем веры, для которого песня и пляска есть увеселение сатаны? Какое могло быть согласие между длинноносой красавицей и постылым ей, родителем нареченным женихом?

Сколько горьких, неутоленных слез пролито на этих полях. Не от того ли такой чистой синевой вспыхивают в зелени трав цветы? Я бы хотел, чтобы букеты этих цветов дарили любимым и любящим женщинам и детям, не знающим, как могут глухо, до конца своих дней ненавидеть друг друга их родители...

О семейщине, о ее болях, бедах и обидах, о ее мужестве и талантливости написан один из лучших сибирских романов—роман Ильи Чернева, выходящий из старейшего и крупнейшего села Никольска. Эту книгу надо читать и перечитывать и потому, что она написана удивительно емким, точным, сочным русским языком, что с ее страниц встают живые с плотью и кровью образы мужиков, что в ней богатые россыпи интересных мыслей, наблюдений, роман стоит перечитывать еще и потому, что невозможно сколько-нибудь правильно понять и оценить настоящее, не зная прошлого—не так уж и далекого «Семейщина» Ильи Чернева не только интересно, значительное явление литературы, но и, как, впрочем, всякое талантливое, правдивое произведение,—паспорт эпохи с точно обозначенными ее приметам. Никакое самое скрупулезное исследование жизни и быта того времени, с широкими сопоставлениями количества пахотных земель и тягловой силы, скота и инвентаря с количеством работников и едоков в семье крестьянина не даст такого полного, многокрасочного, всеобъемлющего представления о жизни, ушедшей в прошлое.

как это сделано в романе Ильи Чернева. И мне бы хотелось, чтобы это произведение не только читали, но и изучали во всех школах семейских сел.

Автобус въехал на пригорок, и мы увидели внизу, в неширокой долине большое село—тесовые и шиферные крыши, тонкие шени колодезные журавли, прясла огородов. Заган. Село, как все села, может быть, известное чуть больше, чем другие, тем, что заганы истари много труда вкладывали в огородничество. Пожалуй, нигде не снимали такие урожаи лука, чеснока, как здесь. Когда-то даже в шутку ли, всерьез ли поговаривали, будто заганские бабы некое заветное слово знают.

В истории нашего края село известно не только своим чесноком. Отсюда холодной зимней ночью 1919 года выступил на Мухоршибирь—центр волости—небольшой отряд кос-как вооруженных мужиков. В темноте, исклостой ломким светом звезд, прогремели выстрелы дедовских «кремневов», «пистонох» и «бердан», вспышки этих выстрелов западали пожар народного восстания против атамана Семенова.

Мне не кажется случайною тот факт, что впервые красный флаг восстания был поднят в глубинке семейщины, что первыми партизанами были семейские мужики. За века притеснений семейщина накопила к царизму столько ненависти, что в ней просто, как кот в бочке, можно было утопить не только Семенова, но и самого Николая—последнего.

Под началом атамана были головорезы, подиаторевшие в искусстве владеть саблею и винтовкой, у них были новейшие пушки и пулеметы, офицеры с военным образованием, наконец, рука об руку, плечо в плечо с белыми казаками шли из красных партизан вымуштрованные батальоны солдат воинствующей Ялонии. Эти закордонные солдаты в желто-зеленых полушубках прошли по многим селам Мухоршибиря, оставляя за собой черные круги пепелищ да голые пещи, сиротливо упиравшие в небо высокие трубы...

Ни утрашенные огнем, ни заграницные пушки и пулеметы, ни чужие солдаты, ни воинское искусство офицеров и генералов не помогли атаману Семенову, все это оказалось ничем по сравнению с ненавистью хлеборобов, куда более острой, чем казачьи клинки.

Но вряд ли будет правильно изображать дело так, будто в борьбе за Советскую власть семейщиной двигала только застарелая ненависть к царям державным. Все было много сложнее. Нанося удары по карательным отрядам белых и ялонцев, она рушила и свои представления о мире, свою замкнутость и обособленность; в этой борьбе она не отшатывалась, а спаивалась с крестьянами несемейских сел—сибиряками, с «братскими» из улусов. Недаром же среди руководителей и организаторов первых семейских партизанских отрядов был прославленный Е. Лебедев—большевик из несемейских, ему верили, доверяли, как

своему, за ним шли на смерть недаром вместе с ним был Дамба Банзаракчиев—простой скотовод, погибший, как убежденный революционер. Он был расстрелян в Мухоршибире вместе с тремя русскими товарищами в январе 1920 года. Беспартийный, он сказал, глядя в черные зрачки винтовок: «Я — большевик. На мое место встанут новые бойцы и сметут всю свору палачей».

Думаю, что именно в ту пору, в пору яростной борьбы за возвращение и утверждение власти Советов, семейские поняли великую силу единения со всеми простыми тружениками. Если вплоть до революции старинные устои были незыблемыми, то тут с поразительной быстротой, словно ком сухой глины, попавший под колеса, устои эти стали рассыпаться, разрушаться; шла на убыль власть уставщиков, открытые подвергались сомнениям когда-то незыблемые истины, и народ—слуханно ли! —не призывал прекратий на головы еретиков, возникавших, что бога нет, что вера — та самая, за которую предки шли под кнут, на пидку, в ссылку — есть сплошное заблуждение.

Обо всем этом и о многом другом, сумбурно, нелогично думал я перед первым литературным вечером.

А народ в заганском клубе собирался туго. В назначенное время зал был наполнен пуст. В нем сидела в основном молодежь. Как будто оправдывались мои самые худшие опасения. И честно говоря, я бы не очень удивился, случись это так.

Как ли крути, ни верти, а Октябрь застал семейщину в семнадцатом столетии. За 50 лет она должна была шагнуть из эпохи царя Алексея Михайловича в двадцатый век, с его головокружительными идеями, его техникой, культурой, с многообразием человеческих связей, с огромным потоком информации, которую надо не только воспринять, но и осмыслить; положение семейщины можно, хотя вероятно и с натяжкой, сравнить с положением человека, жившего в лесной сторожке в детских лет, и вдруг к нему приехали люди, нагнали машин, стали строить современный город, а человеку надо не только понять, что делают вокруг него, но и самому научиться управлять машинами и механизмами — как вы думаете, просто будет это сделать?

Нет, я бы не удивился, если бы на литературный вечер собрались только парни и девчата не старше двадцати пяти, то есть те, что выросли после войны, следовательно, имели возможность получить образование. Пусть не все, но какая-то часть из них любит литературу. Они и пришли. Чего же мы ждем еще?

...Вечер мы открыли почти на час позже назначенного времени. Зал был полон. Тут были и бородатые деды, и мужчины с продубленными солнцем лицами, и женщины далеко не молодые... Затянулось открытие по очень простой причине. Приезжают люди с работы не рано, надо

успешн поужинать, кое-что сделать по хозяйству, а тут еще—суббота, значит,—баня. Поэты читали стихи. Разные были стихи—о любви, о цветах и солнце, о степи, где ласутся жеребята, поэтические раздумьи о земле и о Вселенной, о предназначении человека; стихи о простом и сложном, стихи прозрачные, как первый ледок, и стихи, требующие напряжения ума и даже известной подготовки, чтобы понять скрытый в них, порой неожиданный, смысл. И надо было видеть, с каким вниманием, пониманием слушали люди моих друзей-поэтов.

Может быть, кому-то все мои переживания кажутся смешными, а восторги навивными—экая невидаль, стихи понимаю!

Бо-первых, надо сказать сразу, что людей глухих в поэзии—увы—не так уж мало даже среди высокообразованных людей—стоило ли ждать большего от детей и внуков староверов—мало не знавших, не желавших знать бесовой грамоты?

Во-вторых, не праздный интерес к творчеству писателей был, есть и будет следствием высокой общей культуры, неслучайного знакомства с теми или другими произведениями.

Но откуда быть высокой культуре, начитанности у семейщины, если первые школы стали появляться к концу двадцатых годов, если в них отдавали детей с великим страхом, а школы нередко вспыхивали среди ночи; откуда всему этому быть, если в суровые годы Отечественной войны редко кто заканчивал больше четырех классов, если человек с семилетним образованием вплоть до послевоенных лет был более значим, чем сейчас кандидат наук? Как вы думаете, откуда? А то, что интерес к творчеству наших писателей—исконный и горячий, мы убеждались каждый день на протяжении всей декады. И с полным основанием я берусь утверждать: книга в геле стала такой же необходимой, как машины, что пахнут землю и сеют хлеб. И это несмотря на то, что только молодежь, выросшая в послевоенные годы, получила полную возможность учиться.

Почти во всех селах я интересовался двумя цифрами—количеством жителей и количеством читателей библиотеки. И всегда получалось: каждый третий или четвертый—читатель. Это значит, что если исключить неграмотных стариков и малых детей, то книги читают почти все, и уж во всяком случае, каждый второй—постоянный посетитель библиотеки.

Откуда все это? Можно ответить очень просто: возросла общая культура. А что такое общая культура? Что мы под этим понимаем, что за нее принимаем?

Не так давно газеты, молодежные в основном, любили разворачивать на эту тему дискуссии. Каких только суждений не было на этот счет! Но большинство сводилось (я, конечно, огрубляю и упрощаю) к следующему. Следи за новинками литературы (следа—читать не обязательно!), имей представление о музыке, театре, в трамвас уступай место старикам и жен-

щинам, гуляя по городу, не плюй под ноги прохожим и т. д.

Все это в общем-то правильно, но это только часть, и не самая существенная часть культуры человека. Можно сиднем сидеть в театрах, не плевать под ноги себе и прохожим, выписывать десятки изданий, дабы следить за новинками и оставаться тем не менее, совершенно неотесанным невеждой.

Утром в Загане нам предложили осмотреть колхозный сад. Не жаркое солнце только что поднялось над сопками. Сизым дымом стлалась по траве роса. Под тяжестью гроздьев ягод никли к земле ветки черной смородины, в густой сочной зелени листьев вспыхивала зрелая малина, над головой, отягощенные плодами, нависали ветки ранеток. Садовод Ильярион Гурьянович Леонов, неторопливый в движениях и суждениях, и, как все люди, жизнью своей связанные с землей, полный покоряющего внутреннего достоинства, вел нас среди посадок, поднимал ветки смородины, огрузившие от урожая, называл сорта, рассказывал, чем один сорт отличается от другого.

Потом он пошел нас на участок стелющихся крупноплодных деревьев. И снова называл сорта... «Боровинка», «Сливянка», «Грушевка московская», «Аркад сахарный», «Антоновка»... На деревьях, распростерших над землей ветви, висели подуряженные, с восковым глянцем на кожуре яблоки. Эти яблоки—плоды нашей суровой земли, налитые ее сладким соком, впитавшие лучи жаркого солнца, украсят стол колхозника.

В душе семейского мужика всегда жила память о прежней своей родине, о яблоках и других невозможных здесь растениях, единственное, что осталось живым напоминанием о теплых краях—совершенно уникальный сорт кукурузы, «киюшки», выведенный из семян, привезенных первыми поселенцами. Несомненно, пробовали семейские культивировать и сады. Но что мог сделать крестьянин при всем его неистощимом упорстве? Не мог он в одиночку одолеть суровую природу, отступил, смирился, даже и думать не смел, что может прийти время, когда его дети прося, как огурцы с грядки, будут срывать яблоки в своем саду.

Это время пришло. Коллективное хозяйство, машины, наука сделали мужика в тысячу раз сильнее, он бросил вызов природе и победил. Сад колхоза «Заганский» не просто опытная делянка, не кусочек земли с невидалью, выращенной, чтобы удивлять людей и самим удивляться, это огромный по нашим масштабам, на площади в тринадцать гектаров, сад, это высокорентабельная отрасль хозяйства.

Только ли трудолюбие, прилежание требовались колхозникам, чтобы сделать сад плодоносящим? Конечно, нет. Надо знать биологию деревьев, способы формирования кроны, оптимальную совокупность питательных веществ и многое, многое другое.

Где он может получить быстрее всего эти знания? Разумеется, в книгах. А уж если начал изучать садоводство, ему непременно захочется знать, как жили, трудились, о чем мечтали знаменитые садоводы; ему захочется знать как можно больше о природе вообще, что она такое, по каким законам происходят в ней те или иные явления; иными глазами посмотрит он и на трепет осеннего листа, я на алый разлив вечерней зари, и, уверен, истинное поэтическое слово без труда найдет отклик в его душе.

Наверное, я и здесь упрощаю. Не спорю, в жизни все много сложнее. Но мне кажется абсолютно бесспорным, что логика нашей действительности, сам разворот жизни, задачи, выдвигаемые ею, заставляют человека быть чутким к велениям времени. Отсюда и жадность вчера неграмотной семейщины к книге, к знаниям. Сейчас почти каждый деревенский парень должен уметь водить автомашину, управлять трактором, комбайном, десятком других иногда более простых, иногда более сложных механизмов. И это не все. Выращивание хлеба сейчас совсем другое дело, чем было раньше. Тут и авианеполка при помощи гербицидов, и минеральные удобрения, и современная агротехника. А какой хлебороб, если он настоящий, согласится бездумно, вслепую делать то, что ему скажет агроном или председатель, для него земля — святая святых, и он должен хотя бы иметь представление о механизме действия гербицидов и не путать азот с фосфором.

Я не открою истины, если скажу, что, чем богаче у человека знания, тем больше он думает о жизни, тем полнее постигает ее глубины, тем сильнее чувствует любое проявление прекрасного.

Я далек от мысли изображать дело так, будто раньше люди ничего не понимали, были абсолютно равнодушны к красоте — мне это и в голову не приходит; семейщина истари была знаменита своей неистребимой любовью к песне; уставщики и наиболее ревностные хранители веры нередко всенародно кляли и позорили «горластых потешателей сатаны», родители могли запросто надавать подзатыльников своим парням или девкам за то, что в неурочное время вздумали лезть, а урочное время — праздник или свадьба — тут пойдешь до хрипоты, до изнеможения, никто ничего не скажет. Но праздников в году не так уж много, свадьбы бывают тоже, как известно, не каждый день — не от этого ли в большинстве песен семейских всегда, будто звон натянутой струны, звучит скрытая и потому особенно пронзительная тоска? Есть в песнях и широта, и удаль, и усмешка, а рядом тонкой нотой поднимает тоска человеческой души о несбывшемся и несбыточном.

В Никольске, описанном Ильей Черным так достоверно, ярко, что мне всегда казалось, будто я сам жил в этих домах, рубленных из кондового леса, дружил и ссорился с бородастыми староверами, знаю это село, изрезанное крутыми яра-

ми вдоль и поперек, — в Никольске еще сохранилась церковь, древняя, с замшелыми углами и забитыми наглухо окнами; когда-то она, сияя позолотой креста, венчающего луковицу купола, гордо возвышалась и над просторными «связями» богатых мужиков, и над кособокими зимовьями бедноты, над всем селом; под ее сводами ипат ипатыч — духовный пастырь никитцев — проповедовал благоирание, призывал к терпению, судил царские божие твердым в вере и грозил геенной огненной отступникам. Сейчас эта церковь, по сравнению с громадой колхозного Дома культуры кажется совсем ничтожной, она словно бы вросла в землю, враз утратив свое былое гордое величие.

Здесь же рядом — колхозный музей. И нем мы увидели множество любовно собранных предметов материальной культуры семейских, некоторые из них наглядно свидетельствуют об извечной тяге человека к красоте, об его талантливости, об его умении сделать, порой простенькую, бытовую вещь маленьким шедевром искусства; мы видели в музее и другое — орудия труда, и они казались нам такими же древними, как кости вымерших животных, — эти неуклюжие сохи, бороны, ступы, цепы, но она не глубокая древность, не археологические находки; живы еще люди, набивавшие кровавые мозоли рукоятками сох, молотившие хлеб примитивным цепом на ледяном поле гумна — поставившие герои Ильи Чернева, а расстояние между тем, что было, и тем, что есть, невообразимое. Когда смотришь на экспонаты колхозного музея, а за окном издают моторы машин, проносятся, стремительные, как стрижи, мальчишки на велосипедах, слышишь веселый гогот и шлодежи у Дома культуры — честное слово! — бессмысленным, невсроятным кажется, что эта «музейная» жизнь была реальностью каких-то полсотни лет назад. Невыносимая тяжесть давила на человека труд, стескивал душу церковными канонами благотелье веры, и странно подумать, сколько талантов было загублено, задавлено в стоках времени!

Церковь и Дом культуры символизируют две эпохи, настолько далекие друг от друга, что между ними нет и крупнейшего сходства, хотя, если можно так выразиться, их функции где-то совпадают. Говорю современным языком, и то и другое — не предназначены для удовлетворения духовных запросов населения. Но — какая разница! В церковь крестьянин шел молиться богу об урожае, о приплоде, о спасении своей души, под ее мрачные своды толгал страх за свое будущее, за будущее своих детей, страх загонял его отшельнический поклон за поклоном, без конца повторения слова молитв, зазубренных еще в детстве. Что это давало его душе? Делало ли его сильнее, умнее, благороднее? Не знаю. Но я твердо знаю, что Дом культуры в Никольском очень многое. Это не учебно-исследовательское заведение, где только профессоры и студенты и протирают подошвы в танцах — идет здесь, разумеется, и физ-

мы, и танцы тоже бывают, но в нем еще есть и великолепная библиотека, где книги никогда не залеживаются, и читальный зал с множеством периодических изданий, на сцене нередко выступают самодельные артисты и Никольска и соседних сел, сюда, наконец, приходят и просто отдохнуть, сгонять партию в бильярд, потолковать с товарищами, спеть песню с девчатами. Это подлинный центр культурной жизни села. И бывают дни, когда его просторный зал становится тесным. Мы видели, как за селом на солнечном взгорье плотники соорудили открытую эстраду. В село приезжали артисты, участники нашей декады, а Дом культуры не мог вместить и половины желающих послушать концерт.

Мне уже и до этого приходилось писать о Никольске, о том, какой была и какой стала семейщина. Вместе со стариками мы долго подсчитывали, сколько учителей, врачей, агрономов, инженеров, офицеров Советской Армии вышло из села — цифра получилась довольно внушительная. Одно это многое говорит о семейщине, но, мне представляется, не меньше говорит о ней и вот это — открытая эстрада, то, что у сотен людей есть желание, время для общения с искусством.

Мне могут сказать: «Так что же, ты считаешь показателем общего уровня культуры то, что люди идут на концерт, а если бы они в это время мылись в бане или пили чай?»

Да, я считаю это показателем общего уровня культуры. Но не только это.

В Шаралдае председатель колхоза Александр Андриянович Братенков повез нас на гусиную ферму и познакомил «главную гусятницу», Верой Яковлевной Петровой.

Вера Яковлевна уже не молодая женщина в пестром, низко повязанном платочке, она обрела от невиданного нашествия «живых» писателей и отвечала на наши вопросы довольно односложно, но постепенно разговорилась, ее ответы стали более обстоятельными. Кто-то спросил, почему колхоз стал разводить гусей, раньше их, кажется, не держали.

— Мало ли чего не было раньше. — Она тут заметно свела светлые, выбеленные брови. — В этих помещениях мы зимой держим овец, а летом они пустуют. Гусей выращивают летом. Раз есть где-то чего не выращивать? Крохотный гусенок месяца за три становится увесистой — четыре кило мяса. А если гусей одна тысяча? Большая, выходит, польза колхозу...

Большая польза колхозу... Буднично, ежедневно произносит простая семейская женщина слова, на мой взгляд очень значительные.

Каждый мужик в одиночку, рассчитывая только на свой горб да божью помощь, добывал кусок хлеба, высоким заплотом отбивал свой двор, на прочные засовы закрывал ворота; все, что было за его огородами, за межей его поля, считал чужим;

был мужик до мозгов костей собственником, и, может быть, самая большая заслуга Советской власти, из многих ее заслуг, как раз в том, что за короткое время она сумела освободить психологию крестьянина от ограниченности мелкого частника.

Хозяйство колхоза для Веры Яковлевны — ее хозяйство, она знает: не от собственного огорода, не от личной коровы, а от широкого общего поля, от общественного стада, от машин и, понятно, от усилий всех людей села зависит достаток в ее доме. То, что она умом и сердцем сознает это, и есть, на мой взгляд, самая прочная сознательность.

В Шаралдае живет Георгий Павлович Красиков, друг моего детства. Ему еще нет и сорока, а он уже лет пятнадцать, если не больше, руководит бригадой колхоза. Что это такое, бригада? Это — огромные площади полей и лугов, не одна сотня колхозников, это — машины и лошади, это — агротехника возделывания кукурузы и учет труда. На территории нынешней бригады был когда-то самостоятельный колхоз с доброй дюжиной руководителей, а сейчас Георгий Павлович справляется, и неплохо, один.

В чем здесь дело? Да, у Георгия Павловича богатый опыт, у него живой, смекливый ум, крестьянина и умение убеждать людей. Он энергичен, беспокоен, но при всем этом никогда бы ему не заменить собой дюжину людей, оставаясь психологией хлеборобов — не будем говорить 50 лет назад, а скажем: такой, какой она была в предвоенные годы. В ту пору, честно говоря, коллективные хозяйства нередко были таковыми больше по форме, чем по содержанию.

Бригадир в те годы вставал на заре и бегал от дома к дому, стучал в окна:

— Семён, а Семен, поезжай за жердём!

— Варвара, — картошку огреть!

— Кузьма, ты кончай на живот жаловаться, я тебе не доктор! На мельницу ступай!

Называлось это — загадывать людей на работу. Проспит бригадир и, будьте уверены, Семен поедет в лес не за жердём для колхоза, а за дровами для себя, Варвара отправится за грибами, а Кузьма будет лежать в холодке, пить боёвницу и ухмыляться: пусть дураки работают на этот самый колхоз.

Самой собой, не все были такими, но и не мало их было, не мало!

Сейчас бригадире не надо бегать от окна к окну, люди не только сами придут и попросят работу, но и подскажут, что надо сделать, если бригадир упустил; теперь каждый понимает то, чего не понимали многие, — чем лучше идут дела в колхозе, тем легче жить ему самому. Ну какой интерес отлынивать от дела той же Вере Яковлевне Петровой, если за свой труд она получает в месяц до 260 рублей?

Александр Андриянович показывал нам хлеба, выросшие на тех самых «песчаных и каменистых» землях, срывал шершавые,

четырёхгранные колосья пшеницы, взвешивал их на руке, охватывая взглядом прищуренных глаз зеленое безбрежье и осторожно, будто взвешивая, как колос, каждое свое слово, говорил:

— Вот здесь мы с гектара возьмем, пожалуй, центнеров тридцать.

Для Шаралдая такой урожай неслышанно велик, никогда еще здешние земли не поднимали столько зерна на гектаре, они ведь и в самом деле (губернатор несколько не преувеличивал) песчаные и каменистые. В старину мужик считал нормальным урожай в четыре раза меньший, а если он получал с десятины пудов шестьдесят—семьдесят, то и не знал, как благодарить всевышнего за такую милость. С организацией колхозов, приходом на поля тракторов урожай, конечно, поднялся, но по-настоящему высокими, устойчиво высокими они стали только в последние годы.

Александр Андриянович, загибая пальцы, перечисляет то, что способствовало росту урожайности:

— Техника стала лучше. Семена районированные. Авиапрополка. Удобрения. А еще... — Александр Андриянович задумывается, чуть наклонив седую, коротко подстриженную голову; во всех его повадках в речи, в фигуре, в характере, есть многое от крестьян прошлого, людей крепких, упрямых, рассудительных, и от современного ученого, умеющего видеть глубже, дальше, чем другие. — А еще... — повторяет Александр Андриянович и вдруг спрашивает: — Вы, конечно, слышали многоголосый хор семейских? Интересно поют, правда? Вслушавшись, можешь различить голос каждого и в то же время все они слиты в одно целое, даже в голову не приходит, что есть первые, вторые голоса, подголоски. Но они есть. И стоит кому-либо сфальшивить даже чуть-чуть, песня теряет стройность, слаженность, красоту. Так вот, урожай колхозного поля можно уподобить песне, исполненной многими. Стоит где-то, кому-то сработать не так, не от души, и с каждого гектара не доберешь несколько центнеров зерна. К примеру, колхозницы готовят семена. Они могут их очистить так, что зерна будут — одно к другому, но могут выполнить эту работу и так себе. Контроль? Конечно, он есть. Но лучшего контроля, чем собственная совесть, не бывает. Урожай зависит и от чистоты семян и от того, как верно определил агроном глубину вспашки и насколько точно выполнил тракторист его указания, и от сроков се-

ва, и от правильной заделки семян... А все это делают люди.

Да, люди... Мне думается, сознание своей ответственности за общее дело, как за свое собственное, чуткость к любой красоте — в жизни, труде, искусстве — и есть те черточки, из которых складывается облик нового человека, нашего современника, освоенного от невежества, корыстолюбия и угрюмого одиночества; они, эти черточки, в своей сумме и есть показатель общего уровня культуры.

Конечно, и это не все. Мне, наверное, надо было сказать о целых улицах новых домов с садами и палисадниками, и о том, что во многих домах в переднем углу, там, где раньше теснились иконы с тусклыми лицами святых, стоят телевизоры и радиоприемники, подсчитать, сколько денег тратит колхозник на книги, журналы, газеты, сколько в каждом селе личных автомашин и мотоциклов, сколько ребят и девушек учатся в институтах, техникумах — все эти вещи немаловажные, и цифры, собери я их, могли бы получиться впечатляющими, но мне больше всего хотелось рассказать о другом — об изменении в характере людей.

Мне надолго запомнилась встреча в пионерском лагере на реке Хилук. Ребята дали нам небольшой концерт. Выступали маленькие солисты. Девчонки с тонкими косичками пели веселые, с лукавым юмором частушки, но больше всего нас порадовал хор. Над широкой рекой, над лугами и кудрявыми зарослями черемухи звенели чистые голоса детей. Нас покорила искренность, душевность исполнения и та слаженность, стройность, о которой говорил Александр Андриянович, и мы были немало удивлены, когда узнали, что эти ребята, девчонки всего пять дней назад приехали в лагерь из разных сел района, большинство из них не знали друг друга, тут были ребята из семейских и несемейских сел, из улусов и рабочих поселков, но им совсем не нужно было мучить себя песнями, «притираться» друг к другу — у всех одна жизнь, одни радости, одни песни.

...Мы уезжали. Снова перед автобусом стала ровная дорога. А мои мысли, мое сердце оставались там, на земле моих ютцов. Я люблю ее, эту землю, синее небо над ней, синие сопки, синие травы ее степей, ее злаки, ее песни. Ее застуженное прошлое, ее сегодняшнее тепло; я буду приезжать сюда снова, снова и каждый раз — удивляться, и каждый раз — радоваться, и всегда — гордиться...

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ САНГИ

Мало-помалу передо мной раскрывается во всей своей неоглядной шире, во всей грандиозности, во всем связе огромном и прекрасном разнообразии то, что с самого детства привыкли мы любовно и нежно называть Родиной. Мне удалось изъездить всю Украину—до самых западных точек, до пограничного Ужгорода. Пересекал советско-румынскую границу, жил в Одессе, был в Прибалтике, знакома мне средне-русская полоса, начиная с вепхорьев Волги до среднего ее течения. Принимал участие в декаде русской культуры в Таджикистане. В записных книжках и в памяти отложилось столько наблюдений, столько видано и слышано во время поездок, что пищи для размышлений и раздумий по главной теме моей писательской работы—по интернационализму в нашей стране—уже хватает с избытком. Но боже мой, как взглянешь на карту страны, невольно замираешь при мысли, что ты еще очень многого, оказывается, не видел, что еще не имеешь никакого права говорить, будто знаешь страну!..

Мне всегда бывает жалко тех, кто имея в виду мои разъезды, вышучивают весьма остроумным, как им кажется, вопросом:

— Надолго ты приехал в командировку в Улан-Удэ?

Я несколько не жалею ни потраченных средств, ни времени. Дороги мои длинные, они не всегда бывают легкими. Дорожные приключения очень часто оставляют горький осадок и даже долго не утихающую боль в сердце. Встреченные люди далеко не всегда бывают ангелами. Но все же нет для писателя более высокого наслаждения и более полезного способа познания жизни и людей, чем ездить, чем передвигаться, ходить плавать, летать—все что угодно, но только не лежать, не превратиться в сидня, для кото-

рого весь гигантский экран мира ограничен лишь четырьмя стенами его квартиры, а человечество и народы представлены только лишь его любимой женой. Молодые люди с еще непонятной им самим тоской грезят о Рио-де-Жанейро, о пальмах далеких тихоокеанских островов, об африканских саваннах, о прелестных заливах Средиземноморья, о Скандинавии, обо всем, что волнует воображение, о чем доносится до молодого слуха неизъяснимо сладкий шепот со страниц прочитанных романов и книг путешественников. Ничего худого в этом нет. Это так же естественно, как естественны сокровенные мечты девушки о красавце-женихе или мечты юноши о путешествиях и подвигах, о красавице, чье сердце раскроется, покоренное этими подвигами. Мне хочется поделиться с моими молодыми друзьями маленьким секретом: мне тоже грезилось дальние страны и дальние моря, с их островами и лагунами, с их романтическими историями. Но как только я начал ездить по нашей стране, я понял, что ведь, черт возьми, недаром мы занимаем больше чем шестую часть планеты, а раз так, изучение мира надо, конечно же, начинать со своей собственной страны! Вот почему я не могу без волнения разглядывать карту нашей родины, отмечая места, где мне надо еще побывать.

Дальний Восток был моей давней мечтой. Много я слышал о нем от людей, там служивших, бывавших, подолгу живших. И все рассказы бывали влюбленными. Поездку свою я планировал на 1966 год. Была оформлена в Москве творческая командировка. И вдруг такое приятное совпадение: на 1967 год руководство Союза писателей Федерации планирует проведение двух выездных заседаний Секретариата правления Союза писателей РСФСР—одно—в Улан-Удэ, второе—в Хабаровске.

Улан-удэнцы, конечно, помнят, как в минувшем июле — второй раз после 1961 года в нашем городе заседал выездной Секретариат правления Союза писателей РСФСР. Он работал три дня. В мою задачу не входил здесь подробно рассказывать об этом форуме писателей России в Бурятин, на котором были представлены почти все автономные республики, автономные области и округа России. Могу сказать лишь одно: это было очень полезное заседание, оно позволило обменяться мнениями по животрепещущему и наиболее важному вопросу по проблеме художественного перевода. Главное же — это живой контакт представителей разноразличной, бурно развивающейся, многоголосой нашей российской литературы, контакт накануне пятидесятилетия Великого Октября!

Свою нынешнюю поездку по Забайкалью и Дальнему Востоку руководители Союза писателей Федерации называют в шутку «челночной операцией». И в самом деле — после Улан-Удэ поездка в Хабаровск, затем одна группа направляется в Комсомольск-на-Амуре, а вторая во Владивосток, потом Секретариат продолжает работу в Южно-Сахалинске, где предстояло открыть новую писательскую организацию Сахалинской области. Что и говорить, маршрут грандиозный!

Участники выездного заседания, за исключением тех, кому продолжать «челночную», разъезжаются по домам. До свидания, дорогие товарищи! До свидания, Семен Липкин, счастливого пути, Николай Любимов, внесшие такой вклад в успех улан-удэнского совещания! Провожая гостей, я мысленно называю каждого, кто не посчитался с тяготами длиннейшей дороги в летнюю жару и приехал к нам обсуждать итоги дискуссии в журнале «Байкал». Спасибо всем вам, дорогие мои собратья из национальных республик и автономных областей!

В Иркутске остаются «хабаровчане»: Франц Николаевич Таурин, Виктор Ксенофонтович Паиков — секретари Союза, Исхак Машбаш из Карагачево-Черкесской автономной области, Евгения Николаевна Имбонц из издательства «Советская Россия» и я.

Франц Таурин писатель нашенский, в том смысле, что он иркутянин, почти земляк. В Иркутске он сразу же дал понять, что без него нам пришлось бы не очень здорово: июль — это ведь время летних отпусков, когда даже железнодорожные вокзалы, не говоря об аэропортах, забиты насмерть. Когда мы взглянули на огромные очереди на все авиарейсы, у меня привычно дрогнуло сердце. Приходилось сжигать на аэропортах — не далее, как в прошлом году, пришлось просидеть в Новосибирске четверо суток! Но ничего такого мы не испытывали в Иркутске благодаря нашему Францу Николаевичу. Посидев в тихом уютном ресторане рюмка-столечко, сколько требовалось, чтобы пообедать, мы спокойно сели на самолет и улетели. Браво, Франц Николаевич!

Мне никогда не привыкнуть, должно

быть, к таким вещам, ставшим обычными, когда за каких-нибудь три часа человек прелестьезает расстояние, совершенно немислимое до недавнего времени — от Улан-Удэ до Хабаровска. Франц Николаевич, откидывая спинку кресла, приветливо машет рукой: дает знать, что он отходит ко сну. Я смотрю на него, и невольно приходит в голову мысль: а он, Франц Таурин, не является ли собой предмет, достойный не меньшего удивления, чем этот самолет — пожиратель пространства? Дасно ли он пришел в литературу? Директор завода, председатель горсовета, первый секретарь горкома партии, министр промышленности автономной республики — и после долгих лет подобной деятельности выступить с романом, а затем со вторым и, наконец, с третьим, добротой написанным эпическим полотном «Далеко в стране Иркутской»? Поистине наша советская жизнь полна самых удивительных неожиданностей. Старая истина, горящая о том, что никогда нельзя сделать окончательного вывода о человеке и о том, что он такое, больше всего относится, конечно, к человеку советской действительности.

Хабаровск, вероятно, один из самых интересных городов Сибири. Расположенный на трех длинных холмах, он здорово использовал эффект местности. Город застроен талантливо. Ему посчастливилось избежать унылого однообразия домов-близнецов, которые портят почти все новые районы старых городов страны. Мы увидели в Хабаровске то, о чем тоскуем всегда и повсеместно: работу архитекторов, работу с выдумкой, работу с доброй фантазией, с вдохновением. Как красиво спускается главная улица города к многоводному Амуру! Набережная реки — городской парк. На самой реке — нарядные лебедкадеры, а в них — рестораны. На юго-западном конце парка нам показали на местную святую достопримечательность на высоком обрывистом берегу стоит памятник. Кому он поставлен? Рыцарям революции и гражданской войны — солдатам-интернационалистам, погибшим от руки кровавого атамана Калмыкова. Белые захватили военный оркестр мажарского революционного отряда. Музыкантов привели к Калмыкову. Бнимательно осматрив измученных людей, Калмыков, похлопывая стеком по голенищам ослепительно начищенных сапог, спросил:

— Знаете «Боже, царя храни»? Русский гимн.

Мажары позняли голову. Поняли, что частукает решительная минута. Капельмейстер вышел вперед.

— Мы не знаем такого гимна.

Калмыков выждал несколько минут, как бы оставляя за обреченными музыкантами право вспомнить о царском гимне. Но музыканты молчали.

— Красные каналы! — прорычал он. — «Интернационал» знаете?

— Знаем, ибо это есть великий пролетарский гимн, — твердо отвечал, капельмейстер.

— И даже готовы сыграть?

Капельмейстер повернулся к оркестру — привычно поднял руки. Музыканты восторженно и приложили к губам мундштуки своих труб. И неожиданно в многолюдном парке, заполненном калмыковскими офицерами и девицами из буржуазных семей, заполненном иностранцами всех мастей, грянул «Интернационал». Звук гимна дерзко понеслись над городом, они заставили поблестеть и задрожать от ярости белоохранителей и интервентов. Но знаку Калмыкова к нему подкатили пулемет. Кровавый палац сам лег за него. Великий пролетарский гимн оборвался. Скошенные пулеметной очередью, герои-интернационалисты были поглощены мутными волнами Амура.

Об этом рассказал нам директор краеведческого музея старый писатель Сысоев, человек с громадной седой бородой, человек с невероятной биографией: на его жизненном пути есть годы, когда он был тигроводом, за ним числятся свисты сотни убитых медведей. Вот тебе и директор музея, писатель!

Превосходный город Хабаровск в одном сильно проигрывает по сравнению с нашим Улан-Удэ: в качестве воды. Как хочется в невозможно жаркий — типично хабаровский — день напиться чистой холодной воды. Но увы! — в ваше распоряжение город может предоставить только лишь теплую, какого-то желтоватого цвета, на вкус противную, жидкость. За ночь на дне графина отстает слой буро-желтой массы. Бр-р! И это не только в Хабаровске. За исключением Иркутска и Читы ни один город не может сравниться с нашим Улан-Удэ по качеству воды. В этом, между прочим, большое наше счастье. Нездаром ведь по сведениям, например, японских ученых на земном шаре от нехватки чистой, от потребления загрязненной воды ежегодно заболевает полмиллиарда людей, из коих свыше десяти миллионов умирает!.. Когда я думал обо всем этом, вылезнул из стакана противную хабаровскую воду, невольно приходила в голову мысль: не потому ли, что мы, улан-удэцы, избавлены благодаря нашему чуду — артезианской воде — от необходимости питаться селенгинской или удинской водой, мы так безобразно жестоко обращаемся с нашими реками? Могли бы руководители предприятий Улан-Удэ спокойно сбрасывать в реки тысячи кубометров отравы, если бы они сами пили воду из этих рек? Давно известно, что беззаботное отношение к окружающей природе — это рудимент хищнического, капиталистического, варварского. О как прав был древний мудрец, который сказал на этот счет: «Не всякому дано оставить после себя землю улучшенной, но каждому дано оставить ее не ухудшенной»...

В Хабаровске нас дождался Леонид Сергеевич Соболев. Там были критики Моисей Гринберг и Всеволод Сурганов, приехали Римма Казакова и Георгий Радлов, мне было приятно встретиться и под-

ружиться с моими коллегами — главными редакторами «Сибирских огней» Александром Смердовым и «Урала» Николаем Красновым.

Повестка дня хабаровского выездного заседания Секретариата правления Союза писателей РСФСР была обозначена весьма солидно: «Дальневосточная литература за 50 лет Советской власти и работа журнала «Дальний Восток». С докладом выступал главный редактор «Дальнего Востока» Николай Митрофанович Рогов.

Скажу сразу же: «Дальнему Востоку» не делалось каких-либо скидок. Похвалили прозу Олега Щербановского, Ивана Халова, Юлии Шестаковой, Владимира Санги и Григория Ходжера. Одобрение получило краеведение на страницах журнала, выступления по зарубежным вопросам. Журнальную критику и публицистику выступающие не пожелали шадить. Пришли к выводу, что и того и другого на страницах «Дальнего Востока» по сути дела нет. Вместо критики — небольшие и неглубокие рецензии, а вместо публицистики — краеведение. Резкой критике подверглась поэзия, представленная в журнале за последние два года.

Я слушал выступления ораторов со смешанным чувством. Легко им, критикам, говорить и доказывать, что в журнале очень не равноценны помещаемые материалы. Они правы. А в каком журнале можно найти, например, поэзию за несколько лет, чтобы вся она отвечала самому высокому критерию? Разве есть такой журнал и разве такое возможно вообще? Разве журнал не является объективным отражением объективного состояния всех жанров литературы на данный конкретный период? Сколько лиризм, столько и песен. Возможно ли представить себе такую редакцию, которая бы намеренно не помещала имеющиеся хорошие произведения, а отбирала вместо них посредственные. А положение критики? Все литературоведы в областях, краях и республиках, как правило, заняты преподавательской работой в вузах. Заняты, что называется, по уши. Где брать в таких условиях те статьи, которые бы давали право на существование рубрики «Критика»? То же самое и с публицистикой. Писателей-публицистов раз-два и обчелся... И в то же время нельзя было не согласиться с выступающими. Критика обязана говорить остро и недвусмысленно о недостатках журнала. Какое, в конце концов, дело читателю, который выписывает журнал, доверяясь целиком умению редакции организовывать свою работу, до того, какие трудности испытывает эта редакция. Критика по долгу своему обязана отстаивать интересы читателя, интересы общества — и никакого ей дела нет до причин слабости тех или иных разделов журнала! Ораторы упрекали журнал в провинциализме, в том, что редакция замкнула круг своих авторов только лишь дальневосточниками, что сама постановка вопроса о какой-то «дальневосточной литературе» свидетельствует о та-

ком самоограничении, о нежелании при-
влекать авторов из других мест, из цен-
тров...

Хабаровское выездное заседание было
интересным. Многие из выступивших писа-
телей-сибиряков не разделили мнения кри-
тиков из центра, а их обвинение в провин-
циализме вызвало бурный протест. Даже
наметилась тенденция защитить «Дальний
Восток» от несправедливых нападков. Но
все кончилось хорошо: гости выступили с
разъяснениями своих позиций, кое-какие
места из своих выступлений поправили,
кое-что отстояли. В конце заседания про-
изошла очень знаменательная вещь: руко-
водству Союза писателей РСФСР была
поднесена петиция с предложением собрать
конференцию писателей Сибири и Дальне-
го Востока от Урала до Тихого океана.
Леонид Сергеевич Соболев поддержал эту
идею.

— Только с некоторой поправкой,—ска-
зал он.— Речь идет о том, что и не в со-
стоянии понять это неестественное деле-
ние: «Сибирь» и «Дальний Восток». Я сам
сибиряк и, насколько разбираюсь в поня-
тии «Сибирь», оно всегда включало в себя
всю территорию от Урала до Тихого океа-
на. Поэтому намеряемую конференцию
следует и назвать конференцией сибирских
писателей. Мы тут посоветовались с Фран-
цем Тауриным и Виктором Панковым, и
нам эта мысль кажется интересной. Нужда
в такой конференции есть. Если мы
окончательно решим ее провести, то я по-
лагаю, поскольку инициатива принадлежит
Георгию Граубину, и провести ее надо в
Чите. До этого города и от Урала не обяза-
тельно ехать, и от Камчатки рукой подать!

Шутка Леонида Сергеевича насчет «ру-
кой подать от Камчатки до Читы» вызы-
вает оживление. Вообще, мы все улыбаясь
поразительной выносливостью и велико-
му жизнелюбию соболевскому—ведь как-
никак человеку шестьдесят девять лет, а
он прилетел в Хабаровск, проводит трех-
дневное заседание, причем заседание бур-
ное, требующее большого напряжения вни-
мания, собирается ехать во Владивосток
и Сахалин... Черт те что!

Дальний Восток воспет многими отли-
чными писателями. Здесь окреп талант
автора «Сердце Бонивура» Дмитрия На-
гишкина. На выездное заседание приехал
в родной Хабаровск Николай Захаров,
постоянно живущий ныне в Риге. Его
встретили очень тепло. На меня особенное
впечатление произвела встреча с Юлией
Алексеевной Шестаковой. Сколько она сде-
лала, эта удивительная писательница,
бескорыстно, от души помогая писателям
из малых народов Дальнего Востока! Вряд
ли найдется хоть один выходец из этих
народов, вошедший в литературу, который
бы с благодарностью не вспоминал о том,
как опытная рука Юлии Алексеевны на-
правляла его первые шаги в «езде в незна-
емое».

Читатель, конечно, слышал о писателе
Джанси Кимонко. Он из удэга. Из тех
языков, о которых напоминает нам «Послед-
ний из удэгов» Александра Фадеева. Но не

было последнего из удэгов. Малый народ
этот выжил благодаря чуду, которое назы-
вается национальная политика партии ком-
мунистов, благодаря тому, что Советское
государство с первых же лет своего су-
ществования протянуло таким народам
щедрую и заботливую руку. И народ удэ-
гэ живет сейчас, живет и развивается,
так же, как живут и развиваются чукчи,
нивхи, нанайцы, эвенки и многие другие.
Самое интересное заключается в том, что
эти народы стали выдвигать из своей сре-
ды писателей, причем настоящих, больших
писателей, носителей крупных дарований,
вносящих в общую сокровищницу совет-
ской литературы полные неизъяснимой
прелести, самобытные творения. Таков пи-
сатель Джанси Кимонко, написавший
повесть «Там, где бежит Сукпай». Повесть
вышла в переводе Юлии Шестаковой в из-
дательстве «Советский писатель» в Москве.
Я дочитал книгу эту со слезами на гла-
зах: случилось чудовищное—автор пове-
сти погиб в цвете лет в схватке с нежидан-
но напавшим медведем!

Владивосток встретил нас дождем. Ко-
гда мы во главе с Леонидом Соболевым
выходили из вагона, толпа встречающих
была вся мокрая. И цветы мокрые, и лица,
и даже улыбки на этих лицах.

«Единственный европейский город в
азиатской России»—так, кажется, записал
свои впечатления от Владивостока Чехов.
Город очень красив. Он весь в горах. По-
этому и улицы его—это нечто совершен-
но невообразимое: машина, на которой
вы едете по этим улицам, то и дело ны-
ряет куда-то вниз, а затем тут же взбегает
на крутой склон. Шофера привычны
к такой езде, и машина мчится так, что
становится страшновато—мог же ведь этот
зевозмутимый водитель шмякнуть тебя об
стену, от которой только что шарахнулся
на огромной скорости Дьявольская езда!

Не забуду удовольствия, доставленного
нам в результате беглого осмотра города
(вот уж действительно беглого—на боль-
шущей скорости, на «волгах!»). Мы на
самой высокой точке города—и под нами
слева бухта Золотой Рог, а справа—Амур-
ский залив. Что за прелесть этот вид! Па-
русники в заливе, байдарки, каноэ, стре-
мительные катера и моторки—все это дви-
жется, сходится, расходится, все это не-
престанно бороздит гладь моря, всленивает
его, колышет, не давая покоя ни на мину-
ту. На обратном пути я обратил внимание
на новые дома, которые тоже приспособля-
ются к рельефу города—они идут в гору,
карабкаясь уступами.

Здесь мне хочется представить читателю
моего друга Владимира Санги, именем ко-
торого я назвал этот очерк.

Этого молодого стройного нивла я
впервые встретил в редакции художест-
венной литературы издательства «Совет-
ская Россия», кажется, года три назад.
Отвечая на какой-то вопрос, он произнес
большую тираду насчет агглютинативных
языков. Смысл заключался в том, что Сан-
ги кому-то разъяснял: нет ничего обиднее
и несправедливее, когда о народах и их

языках люди толкуют, ровно ничего не зная, причем толкуют убежденно, даже с нескрываемым тоном превосходства. Его собеседник пытался что-то возразить, но Санги обрушил на него целый каскад аргументов, о различии между грамматикой тунгусо-маньчжурских языков и грамматикой тюркских языков. Тогда же, помнится, мы договорились с Владимиром о том, что он даст нам для «Байкала» парочку своих рассказов. Он оказался человеком обязательным: приехав в Улан-Удэ, я обнаружил у себя на столе пакет от Санги с обещанными рукописями. Рассказы были напечатаны у нас. Так что в Хабаровске мы с ним встретились как старые знакомые. Нам предстояло вместе быть во Владивостоке, а оттуда — на его родину, на остров Сахалин, который я назвал страной Санги.

Нам предоставили номера в гостинице «Приморье». Это новое здание, довольно прилично оборудованное. Владимир на правах бывшего дальневосточника служил нам во Владивостоке гидом, чему мы с Александром Смердовым были весьма рады: в нашем распоряжении всего два дня — попробуй за такой срок ознакомиться с достопримечательностями такого города, как Владивосток!

Меня ожидала приятная неожиданность: в гостинице «Приморье» я случайно столкнулся с Александром Казанским, нашим богатырем-художником, председателем правления Союза художников Бурятии! Прожив больше месяца во Владивостоке, он собирался уезжать. Я был уже насыщен от друзей писателей Дальнего Востока об успехе бурятских художников: на зональную выставку были отобраны у наших мастеров живописи и графики, а также прикладников 115 работ. В Москву пошло 56 работ. Такого еще не бывало за всю историю бурятского изобразительного искусства. Здорово вышло — ведь нынешняя выставка не простая, а юбилейная, посвященная пятидесятилетию Советской власти! Я от души поздравил Казанского.

Гостеприимные хозяева нам устроили чудесную прогулку по морю. Мы все стали отличниками Военно-Морского Флота, получив в качестве памятного подарка значки, а Леониду Сергеевичу поднесли уже пятую бескозырку и, кажется, шестую тельняшку. Он смущенно разводит руками — тельняшки можно сложить, а как быть с бескозырками? Мы от души смеялись, смотря, как ломал голову над этой серьезной проблемой наш капитан первого ранга. Слава имеет и свои теневые стороны!

Как бы нам ни хотелось попасть на Сахалин морем, пришлось смириться перед железным доводом Владимира Санги: морем надо потратить не менее двух суток! А такой роскоши никто из нас позволить не мог. В такое уж стремительное время живем — потратить двое суток на великолепное плавание по морю нам кажется делом невозможным. А что они значили полвека назад? А значат ли они что-нибудь, когда мы сидим на аэропортах в ожидании погоды? Фетиш времени,

самое фарисейское низкопоклонство перед стремительностью темпа жизни заставляет нас иногда становиться в смешную позу людей, как будто всевозвездных верящих в то, что мы действительно научились по-настоящему беречь время, что мы на самом деле знаем цену каждой минуте. А между тем, сколько мы просиживаем этих минут сплошь и рядом за ненужными разговорами, сколько часов у нас уходит на стояние в очередях, на сидение в разного рода приемных!.. До сих пор я жалею, что не поплыли мы морем из Владивостока на Сахалин, не прошли места «у самого пролива Лаперуза», не наблюдали рассвет на море, не видели заката на нем. Все это я видел на Черном море, видел на Балтике, на Байкале. Но мне кажется, на Тихом океане закаты и рассветы иные. Продолжает казаться...

Оказывается, прилету нашей группы в Южно-Сахалинск было придано самое важное значение. Встречали деятели литературы и искусства, партийные и советские работники во главе с первым секретарем обкома партии Павлом Артемьевичем Леоновым. Увидев эту торжественную встречу, я стал по-новому относиться к той части программы нашей поездки, в которой скупко обозначалось: создание писательской организации на Сахалине.

Пребывание писателей из разных краев и республик во главе с председателем правления Союза писателей Федерации южно-сахалинцы использовали во всю. Устраивались в день по две, а то и по три встречи. Побывали в городах Корсаково, Долинске, выступали по телевидению, по радио. Было утомительно. И все мы опять поражались феноменальной выносливости и неутомимости Леонида Сергеевича. Когда же мы не удержались и сказали ему об этом, то услышали такую фразу — я считаю, что ее не мешает знать всем, кто имеет отношение к литературе и искусству:

— Все дело в том, что мы не имеем права уставать от таких выступлений. Люди, перед которыми мы выступаем, не устают трудиться, кормя всю нашу братию. Вспомним Маяковского — он считал своей обязанностью не упускать ни одного случая, чтобы появиться перед публикой. Между прочим, помимо прочих многих полезных сторон, выездные наши заседания и рассчитаны на то, чтобы наши ведущие писатели Федерации заезжали с нами в самые отдаленные глубины России и появлялись перед читателями. Если мы приносим радость нашим советским людям — это высшее благо. Большого и не надо нам!

На Сахалине всего пять членов Союза писателей. Они нам понравились. Из всего того, что мы вынесли из нескольких дней пребывания на острове, у нас сложилось впечатление, что на нем будет добротная литературная организация, что жизнь творческая забудет ключом. Правда, есть у них одна очень и очень серьезная проблема, которую будет трудно решит и без решения которой молодой организации

притесняется встретиться с тяжелыми вещами: в области нет своего издательства! Писатель должен писать, но вряд ли есть смысл в этом старинном изречении, если написанное нигде будет издать.

Между прочим, кое-где есть рьяные сторонники сомнительного нововведения известного периода, когда провела так называемое укрупнение одних областных издательств за счет ликвидации их в других областях. На одном из пленумов Союза писателей РСФСР меня обозлило выступление представителя Верхневожского издательства. Половину своего выступления он посвятил расхваливанию известного решения издательского вопроса, доказывая на все лады преимущества укрупненных издательств. В другой половине речи он решил камня на камне не оставить от «тех безответственных писателей, которые охивают это важное мероприятие». Я не хотел выступать, но вынужден был повторить слова в порядке реплики. Поскольку вокруг издательского вопроса споры идут и даже разгораются, то мне хотелось бы здесь воспроизвести свое выступление на пленуме Союза писателей РСФСР, чтобы выразить отношение к этому вопросу бурятской писательской организации.

Вот что было тогда мною сказано:

— Я не только не разделяю мнения только что выступившего товарища, но и намерен высказать свое возмущение этим выступлением. Судя по тону и характеру выступления, товарищ этот занимает руководящий пост в Верхневожском издательстве. Я думаю, что ему хорошо работается и живется на этом посту, и он имеет все основания отстаивать существование этих самых укрупненных издательств. Но вряд ли хорошо живется писателям Ивановской, Костромской и других областей, которые это издательство объединяет. Товарищ метал громы и молнии по адресу писателей из означенных областей, которые якобы охивают важное мероприятие. Я решительно на стороне этих писателей. И вот почему.

Руководитель Верхневожского издательства сосредоточил в своих руках огромную власть над судьбами писателей целой группы областей. Как используется подобная ситуация, я могу проиллюстрировать на положении писателей Читинской области, где так же было ликвидировано издательство и за его счет произведено укрупнение Иркутского издательства. Писателям Читы сразу же стало худо. Директор Иркутского издательства клянется в своей готовности издавать читинских писателей, но проходят уже годы, а готовые рукописи читинских писателей, особенно поэтов, лежат в столах авторов. Особенно скверно приходится писателям из Агинского бурятского национального округа, входящего в состав Читинской области. Издали они лишь роман Жамьяна Балданжабона «Голубые сопки». Больше ничего. Стихи великопленного поэта Цыдыпа Жамбалова, произведения других агинских писателей обречены на то, что их, видимо, так и не издает Иркутское укрупненное издательство. По-

чему? Потому, что нет такого желания у руководства издательства. Можно ли поправить такое положение? Сомнительно, ибо директор Иркутского издательства товарищ Кукуев не подчинен Читинскому управлению по печати, которое бы контролировало издательское дело в своей области, а работники Иркутского управления не в состоянии помочь читинским писателям, тем более агинским писателям, ибо с их творчеством не знакомы и отстаивать им нечего и не с чего. Вот так обстоят дела с укрупненными издательствами. Получилось так, что издательское дело отдало на полный произвол директоров этих издательств и остается писателям из областей, где ликвидированы издательства, молиться несуществующему богу, чтобы он посылал на посты директоров ангелов, не делающих различия между «своими» и «чужими» писателями. Я прошу записать в протокол пленума эту мою реплику: нынешнее положение с издательским делом чревато опасными последствиями, а именно—развалом писательских организаций там, где исчезли издательства. Из Читинской области уже уехали такие писатели, как Илья Лавров и Виль Липатов. Нет никаких гарантий, что не уедут в скором времени и другие.

Я бы хотел, чтобы сахалинские наши друзья обратили на это обстоятельство особое внимание. Желаю им пробить вопрос о собственном издательстве во что бы то ни стало!

Никогда не забудется поездка вместе с Владимиром Саигой, Александром Смердовым и фотокорреспондентом «Огонька» Иваном Кирилловичем Чирковым из славного города Долинска к Евгению Дмитриевичу Лебкову, интересному самобытному поэту, бородавтому кряжистому человеку, занимающему самую подходящую для поэта должность: Евгений Лебков—директор лесхоза!

У Лебкова есть стихотворение, в котором упоминается «зеленоглазый лесник». И мы стали называть его самого Сахалинским Лешием. По-доброму хитроватый, тщательно скрывающий свою огромную начитанность (в отличие от мерзешских типов, которые страдают вечным страхом, что не заметят их эрудиции), по-русски щедродушный, Евгений Лебков покори нас. Он припел в самую что ни на есть сахалинскую глушь—на пасеку, принадлежащую его хозяйству. И как только мы сошли, остановились в полнейшей растерянности. И было от чего: перед нами лесник раскочивался на ветру лопухи, диаметр листьев которых достигал полутора метров! Это было нагляднейшим свидетельством сахалинского гигантизма, о котором писали несколько лет назад в центральной прессе Александр Иванович Смердов буквально заорал, увидев болиголов, высота которого равнялась тополи. Я почувствовал себя как-то не по себе: было нечто ирреальное в этих чудовищах-растениях, неправдоподобное, сбивающее с толку—впору даже ущипнуть себя, протереть глаза или еще что-то черт те что сделать.

А сам Сахалинский Леший стоит, упревает руки в бока, и такая на его лице улыбка, проглядывающая даже сквозь густую рыжую с проседью бороду, сквозь усы, что нам всем сразу же становится отчаянно весело, и мы начинаем хохотать и бегать, совсем как дети. День выдался редчайший для сахалинской обычно слякотной погоды — солнце во все небо, ласковый мягкий ветерок медленно и важно раскачивает гигантские боаголовы, испугавшие нас. Все стало обычным, ясным, хорошим.

Александр Смердов заядлый рыбак, спиннингист. У него оказались блесны всех сортов и назначений. И не только отечественные, но и французские, английские и еще бог знает какие. В довершение всего у него оказалась даже блесна с ультразвуком! Вот какие каверзы подготовил для всех дальневосточных рыбы сей человек, вообще-то добрый характером, как будто и не кровожадный. Во всем этом грозном оснащении он двинулся к близлежащей речонке, готовый насмерть сразиться со всей подводной сахалинской тварью. Через час-полтора Владимир Санги принес около двух десятков форелей, пойманных на какую-то невообразимую нитку с крючком — чуть ли не на гвоздь. Наш Леший немедленно принялся готовить знатную уху, благо у него росла на пасеке картошка, имелся лук. Зло загудел громадных размеров страшной конструкции примус, и тут мы увидели страшно разочарованного и явно смущенного Александра Ивановича. Но все его великолепное снаряжение не принесло никакого толку — ни одной даже самой размазусенькой рыбешки! Мы не стали дразнить нашего бедного рыболова, а, наоборот, из всех наших сил утешали его, что впереди рек много и там, конечно же, окажутся рыбы, которые отдадут должное и блесне с ультразвуком, и блесне из Франции, а заодно и английским блеснам, несмотря на их империалистическое происхождение. К сожалению, наши искренние попытки утешить Александра Ивановича не увенчались успехом — горю нашего друга не было границ.

Пока посневала уха, мы загорали. И делали это, прохаживаясь по пасеке в одних плавках. И тут нас ошелолило изумление, равного которому трудно вспомнить из всей жизни. Я могу спросить любезно о читателя: выданы ли когда-нибудь и где-нибудь такую пасеку, по которой могли бы свободно прогуливаться полуголые люди и чтобы никого из них ни одна пчела не укусила? Пчелы снуют взад-вперед, ульи полны гуда, мы даже прикидываем ухо к этим самым ульям — и пчелы не кусают! Что за чертовщина? И мы опять ошелолено смотрим на нашего Лешего, ожидая объяснения чуда.

— А никакого чуда тут нет, — смеясь, заговорил он, вдоволь насладившись нашим, должно быть, поглупевшим от изумления, видом. — Все объясняется очень просто. Сегодня выдался первый солнечный день после целой недели ненастья. И пчеле нет до нас никакого дела: она торопится немедленно воспользоваться

редким погожим днем, набрать как можно больше нектара да успеть натаскать его в улье.

На следующий день из Долинска нас послали к рыбакам и пограничникам. Дорога шла все время по самому берегу Охотского моря. Дорога эта не очень комфортабельная. Нам приходилось раз шесть вытаскивать нашу машину из грязи. И, наконец, перед нами лужайка. Лужайка на берегу маленькой речонки. До выступления остается около часа. И тут Санги воскликнул:

— Горбуша пошла!

Я смотрю, как Владимир Санги, обутый в резиновые сапоги, ошалело кидается в неказистую речонку. Зачем это он сделал? Я вижу нечто странное, мне, сухопутному человеку, непонятное: он скачет от одного берега к другому. И диво: человек голыми руками вытаскивает одну за другой большие рыбины. Четыре штуки! Азарт захватил и нашего спиннингиста Александра Ивановича Смердова — он изловчился и поймал пару отменных горбуш. Попытался было и я блеснуть, но не тут-то было. Оказывается, не так-то легко ловить в воде горбушу, ловить ее, юркую и скользкую. Так что мне пришлось смириться с тем, что милый Санги стал напевать:

— Только бедному буряту не взлет!

Правда, у меня есть возможность отыгаться на моем друге Александре Смердове: Иван Кириллыч запечатлел момент, когда ловил наш Смердов горбушу (жадность обуюла — мало двух рыбин, пойманных руками!)... на спиннинг. Отличный получился, должно быть, кадр!

Горевал я недолго по поводу своей досадной неудачи, которая, по секрету говоря, была понятна: надо, черт возьми, заниматься физкультурой — сколько раз убеждаю себя в пользе этого занятия! Вскоре я был вполне вознагражден тем, что меня приняли в тайное общество «Охотское море» и удостоили звания Главного Начальника Тайфунов или сокращенно — Главтайфун. В милом уставе этого общества есть великолепное предисловие: ни в чем никому не отказывать. Например, хочет человек стать бессмертным — пожалуйста: общество выделило специально для этой цели скалу-постамент, забирайся на него, принимай любую позу и стой, сколько тебе хочется. Надоело — можешь слезть, никто не помешает. Хочешь увековечить свое произведение — пожалуйста: бери зубило, молоток и высекай на этой самой скале — многословным не будешь. К моему великому сожалению, я забыл гимн, который распевали члены общества, взявшись за руки на берегу моря и кружась вокруг нас, новичков. До сих пор у меня, как привидения, мелькают полуголые фигуры высокого и стройного Санги и низкорослого коренастого бородача Лебова, генерал-директора Охотского моря, и слышится:

Таньга-потаньга...

Вспоминая о своем путешествии в страну Санги, я с удовольствием просматриваю записи, обо всем, что довелось видеть

и слышать, чем обогатилась моя неизменная спутница — записная книжка.

Сахалинцы называют свой остров любовно и ласково — островом сокровищ. Никакой иронии в этом названии нет. Павел Артемьевич Леонов, знакомый нас с островами своей области, рассказал такие вещи, что у нас дух захватывало. Оказывается, Сахалин лежит на каменном угле. Причем уголь — самого высокого качества. Запасы нефти по последним изысканиям увеличены во много раз. К ним добавились громадные месторождения природного газа. Практически неисчерпаемые природные ресурсы острова не только полностью удовлетворяют нужды области, но и пойдут на экспорт. Соседняя Япония, бедная собственными ископаемыми, предлагает самые благоприятные условия продажи для нужд ее промышленности дешевого и идеального по качеству сахалинского топлива. Рыболовный флот области поставляет стране миллионы тонн тихоокеанской рыбы и всевозможных других даров моря, а им несть числа! Впервые в жизни мне довелось отвеждать рыбу, носящую странное название: угольная. Почему угольная? Еще называют ее донной рыбой. Но рыба эта, могу сказать, изумительно вкусная, с нежнейшим мясом, тающим во рту. Вы знаете что-нибудь о такой диловине, как икра морских ежей? Есть такие штучки в водах Сахалинской области, и они, эти самые штучки, ценятся так, что на мировом рынке за грамм икры морских ежей дают грамм золота! Из такой икры изготавливается самое лучшее тонизирующее средство, для фармацевтической промышленности — самое дорогое сырье. Острова Курильской гряды — это лежбища всевозможных морских зверей, среди которых называют громадных котиков, морских бобров и прочие экзотические ценности.

Пусть читатели, я надеюсь, не подумают, что Сахалин — это рай земной. Слов нет, места бесчисленно богатые. Но природа, как это давно известно, никогда не располагает свои сокровища в легко доступных для деятельности человека местах. Нет, она обычно прячет их в такие углы, которые по справедливости считаются гиблыми. Боже мой, что за влажность воздуха оказалась для меня, выходя из сухого Забайкалья! Дышать воздухом, влажность которого составляет 98 процентов — это дается не каждому легко и не всякий может долго выносить подобное.

Отсюда и беды для ведения сельского хозяйства на этом острове сокровищ: переувлажнение почвы заставляет сахалинцев по восемь раз обрабатывать поля!

Иначе не получишь урожая картофеля — основной культуры на острове. Из животных разводят рогатый скот и свиней. Островитяне не знают паровой баранины, ибо здесь нет овец — отваливаются копыта у этих животных. Даже кони недолго держатся в условиях постоянной сырости. Первый секретарь обкома с гордостью рассказал нам, что урожай картофеля получают на острове хорошие. Я спросил его, не лучше ли в таких условиях завозить

картофель с материка, не дешевле ли обойдется.

— Пока не построим морской паром через Татарский пролив, — ответил Павел Артемьевич, — завоз картофеля с материка намного убыточнее.

И он рассказал нам, что из себя представляет понятие «морские перевозки».

Оказывается, что штука довольно хитроумная и очень дорогостоящая. Есть вещи поважнее, чем картофель, без чего не обойтись: машины. А они так упаковываются, что из тары, в которую закладывают, например, автомашину для перевозки ее морем, сахалинцы делают гараж для этой же машины! В таких условиях пойдешь даже не на восемь обработок картофеля. Островитяне нуждаются в пароме мясе, надо откармливать скот и свиней. А зерна производятся здесь не так уж много, без картофельной добавки не сильно-то обойдешься. Повышенная, а лучше сказать чудовищная влажность воздуха создает идеальные условия для развития такого страшного врага картофеля, как фитофтора. Она распространяется с картофелем со скоростью пожара в лесу. Недаром сахалинцы пошли на то, что в летнее время повсеместно, где есть картофельные поля, устанавливаются на весь летний период специальные посты для наблюдения за появлением страшной госты.

Сахалин — не только передний край наш на Тихом океане. Сахалин — место, где лучше, чем где бы то ни было, проявляются черты, отличающие нашего советского человека, привыкшего бороться и побеждать. Здесь стараются делать все на первый сорт. И это вовсе не обские слова, на которые обычно не скупаются люди, привыкшие «отрабатывать» вместо того, чтобы по-настоящему работать. Знаете ли вы, что на Сахалине — самые лучшие напитки? Пиво здесь отличнейшего качества. Лимонад сахалинский не похож на тот, что вырабатывает завод безалкогольных напитков в Улан-Уде. Ассортимент этих напитков на Сахалине поразительно разнообразен. Из рыбы сахалинцы умеют готовить чеховобразное множество вкусных блюд. Рыбаки здесь — мастера, подстать по упорству картофелеводам. Горняки и нефтяники — все трудовое население острова сплошь состоит из мастеров высокого класса. Мы были очень удивлены, когда нам заявил об этом первый секретарь обкома. Неужели так-таки все население?

— Да, это факт, — ответил Павел Артемьевич. — Дело в том, что этому есть причина: сюда едут люди, уверенные в себе, люди с большим опытом и мастерством. Человеку, не закаленному в жизненных перипетиях, не успевшему обрести высокий класс мастерства, здесь делать нечего. Слишком ответственно здесь работа, слишком нелегка жизнь, чтобы тратить много времени и средств на обучение. Сюда едут готовые специалисты.

Отягощенные сувенирами — находками на берегу моря — мы направляемся из своей поездки в глубь острова снова в Южно-

Сахалинск. По дороге, размышляя обо всем увиденном на острове, я невольно обращаюсь мыслями к другу моему Санги.

Нивхов, этих древнейших аборигенов Сахалина, насчитывается что-то меньше двух тысяч человек. Государство, верное своей ленинской национальной политике, оказывает им самую всестороннюю помощь. Владимир Санги получил высшее образование в Ленинграде, за его плечами высшие курсы при литературном институте имени Горького.

Меня всегда наталкивало на грустные размышления одно поразительное явление: есть такие выходцы из среды малых народов в нашей творческой интеллигенции, у которых постоянная щедрая помощь государства вызывает... невероятный эгоцентризм — будто не он обязан обществу всем, что имеет, а, наоборот, будто ему обязаны все. Такие люди бывают порой нестерпимо капризны, в отношении к окружающим грубы, высокомерны. Зрелище жалкое. Смотришь, как будто наделен человек недюжинным умом, образован. Но боже мой, каким самомнением он весь наполнен! Я знаю одного такого человека. Разговаривает он не иначе, как предварительно ткнув собеседника в бок, ему решительно ничего не стоит обидеть или даже оскорбить ни в чем не повинного человека, унижить его, а если — боже сохрани! — встретиться после его общения с Бахусом, ты несчастный человек: он не отвяжется, пока не выскажет тебе про все свои видимые и невидимые заслуги, пока вдоволь не поиздевается над всем, что тебе известно и не известно, дорого и не дорого.

И такое, оказывается, надо терпеть, прощать, ибо он — представитель малого народа в советской литературе!..

Владимир Санги не таков. Мне он казался человеком обаятельным и очень простым при всей его высокой образованности. Мне было с ним легко и приятно за все время пребывания на острове. Корректность и предупредительность в обращении с коллегами, уважительное отношение вообще к людям — ей-богу интересно и радостно было открывать эти обязательные для подлинных интеллигентов качества в моем сахалинском друге. Смотри на Владимира Санги, можно перефразировать известные слова так: он хороший писатель потому, что он хороший человек!

Попрошавшись со всеми, наконец, мы отправляемся на южно-сахалинский аэропорт. Нам грустно. Моросит дождик. Позади несколько дней чудес, а впереди — порядки Аэрофлота, впереди дорога в свои пенаты. Я чувствую в себе неодолимое: нет, сюда еще вернусь, и как можно скорее! Ведь в будущем году мне предстоит Камчатка, Чукотка, Магадан.

Дождь, дождь, дождь. Нет, это нельзя назвать дождем. Это — когда тучи висят прямо над землей или даже сидят на ней. Провожая нас, самоотверженно мокнет Ким Цын Сон, отличный поэт, пишущий на корейском языке, скромнейший из скромных человек. Нам грустно и в то же время приятно, что были окружены на острове таким добрым человеческим вниманием, что у нас есть абсолютно все основания сказать: хороший остров Сахалин и хорошие на нем живут люди!

Владимир БАРАЕВ

ТАЙГА МОИХ ТРЕВОГ

Очерк

Наконец-то у меня в руках билет на самолет. Улан-Удэ — Усть-Баргузин — написано на нем. И ножницами вырезана ступенька с цифрой шесть. Ровно столько, сколько нужно, чтобы долететь до Иркутска. Но мне не на запад, мне на северо-восток. Тула, где Байкал вторгается в тайгу Баргузинским заливом, где голубыми призраками сверкают гольцы Святого Носа.

Я давно мечтал об этом путешествии и еще никак не могу свыкнуться с мыслью о том, что оно — уже не благое пожелание, а вполне реальная вещь. Собираю все необходимое для командировки — фотоаппарат, пленки, диметил от комаров, карапаш, шариковую ручку...

В ночь перед отлетом долго сижу над картой. От Усть-Баргузина надо будет добраться до Максимихи. Это всего тридцать километров. Там надо добиться у лесника две или хотя бы одну лошадь и затем уже с Михаилом Ильичем Жигжитовым и еще двумя спутниками (я еще не знаю, кто это будет) мы двинемся в тайгу через ладн и хребты строго на восток в верховья реки Турки. Ни одной деревеньки на карте. Какие-то безымянные речушки, безвестные вершины гор. Трудный предстоит поход. «Без лошадей и думать не могу», — вспомнился совет одного бывалого человека. И специально из-за лошадей я ходил к министру лесного хозяйства Бурятии Георгию Федоровичу Маслову, и тот дал мне внушительную бумажку, в которой как когда-то в первые годы Советской власти говорилось о «всяческом содействии гужевым и прочим транспортом». Во время разговора с министром, разумеется, рассказал о целях нашего похода, о

том, что мы хотим обследовать зону рубки леса в Баргузинском и Байкальском леспромпхозах.

Баргузин — край рыбаков, охотников, хлэбоборов. Есть здесь и чабаны, и лесорубы. Бывший крупный центр золотодобычи теперь дает стране мясо и рыбу, шерсть и ишеницу, молоко и пушнину. Но главное богатство восточного побережья Байкала все-таки лес. Не случайно здесь почти совсем рядом расположены два леспромпхоза — в Турке и Усть-Баргузине. На них в основном и ляжет вся тяжесть заготовки леса для химкомбинатов на юге Байкала, которые уже вот-вот вступят в строй. Леспромпхозы эти на самом берегу Байкала. Лес рубится прямо в приморских хребтах. Хлысты сваливаются к берегу рек и доставляют к Байкалу в основном водой. Молевой сплав ведется здесь с тех пор, как застучали топоры на первых лесосеках. Вот почему нам хочется знать, как ведется рубка, каково сейчас состояние тайги близ Турки и Баргузина после многих лет деятельности леспромпхозов.

В Максимихе я первым делом пошел к лесничему Иванову. Распоряжением министра не производит на него особого впечатления. Вежливо и даже как-то смущенно улыбаясь, он сказал мне, что лошадей дать не может.

— А вдруг пожар? Вдруг далеко? Как тогда без лошадей? Кого под суд, меня или вас?

Звоню директору Баргузинского лесхоза В. Дергачеву, представляюсь, излагаю суть дела.

— Какой разговор! — слышу из тру-

ки,—передайте Иванову, пусть выполняет распоряжение министра. Это же в наших общих интересах!

Михаил Ильич Жигжитов, присутствующий при разговоре, качает головой:

— Нет, ничего не выйдет. Я Иванова знаю. На редкость упрямый. Не захочет—все.

— Ну как так? Сейчас ведь ему прямой начальник приказал.

Михаил Ильич на это только рукой махнул.

— Вот увидишь.

Снова к лесничему. Двор его огорожен добротным тесовым забором. На крыше дома, как у всех лесников, побеленные известью цифры. Во дворе огромная в три метра высотой поленица дров—от ворот до амбара и от амбара до стойки со свиньями и коровой. Лесничий сидел за столом, пил чай. Лицо так и пышет здоровьем, загорелый, смуглый. Всю зиму, говорили мне, у него лишь одна забота—подледный лов. Будку построил, печурку установил в ней. И от зари до зари только и знает таскать омуля из проруби. Уж сколько бочонков рыбы засолил, сколько продал—сосчитать трудно.

Увидев меня, он улыбнулся как старому знакомому.

— Ну как?—сочувственно так спрашивает, будто не он, а кто-то другой не дает лошадей.

— Дергачев приказал обеспечить.

Улыбка сошла с его лица. Он почесал затылок, словно раздумывая, как все-таки выручить нас. Потом сказал, что лошади далеко в тайге, поймать их сейчас трудно, но он скажет егерю Попову, чтобы тот нашел одну из лошадей. Но когда мы пришли к Попову, он искренне удивился.

— Да как можно мою лошадь? Ведь она дикая, никого кроме меня не подпускает...

И никак—ни уговорами, ни резкими словами—мы договориться с Ивановым после этого не могли. Все с тем же смущением, мягкой улыбкой лесничий водил нас за нос целых два дня, и мы ничего не смогли от него добиться.

Выручил нас Павел Рыков, инвалид Отечественной войны. У него каким-то чудом сохранился со времен войны старенький фронтонный «виллис». Впрочем это уже даже не «виллис», а нечто непонятное. Один баллон от трактора, второй от газика, остальные от комбайна. Мотор без капота. Радиатор, прикрученный проволокой, всю дорогу вскипал, извергал фонтаны пара и струйки воды. Ни спидометра, ни тормозов. Крышка от масленки куда-то делась, масло брызгало на раскаленный мотор. Дым, чад, но несмотря ни на что, то и дело буксуя в рывках, мы проехали добрых тридцать километров.

И сам хозяин, как и его машина. Живого места на нем нет. Хромает на обе ноги. Руки перебиты осколками. На голове после ранения высечено более шестидесяти квадратных сантиметров черепа. Старая рана затянулась кожей, потом выросли и волосы. Хирурги хотели при-

крыть мозг металлической пластиной, но он уехал из госпиталя в свою далекую Максимиху и с тех пор так и не мог собраться в больницу. И этот вот человек, у которого душа еле держится в теле, и помог нам, как сумел.

Вспоминаю сытое, лоснящееся лицо лесничего Иванова, его крепкую загорелую шею и то, как он водил нас за нос, и мной овладевает недоумение: как все-таки несправедливо отнеслась судьба к Павлу Рыкову! Ему бы здоровье и силу Иванова. Сколько доброго, хорошего сделал бы он, если бы был здоров, как этот куркуль, оказавшийся на должности лесничего.

Надо сказать, что Иванов—редкостный индивидуум. Таких среди прибайкальцев трудно встретить. Иванов—приезжий. А коренные баргузинцы на редкость отзывчивые, хорошие люди. Сколько их полегло в войну! Тридцать дворов было в Максимихе, а не вернулось с фронта сорок два человека. У бабки Карденихи, что живет рядом с Жигжитовыми, трое сынов погибло на войне. И доживает она сейчас свой век без сыновней любви и ласки. Отцы, сыновья, братья максимихинцев покоятся в далеких от Байкала могилах, а многие из тех, кто вернулся, покалечены, как Павел Рыков.

В путь с нами пошли Петр, сын Жигжитова, и Иван Шелковников, коренной баргузинец, бывалый человек. Работал в геологических экспедициях, служил в армии, сейчас шоферит в одной из автобаз. Узнав, что Михаил Ильич, его бывший учитель, идет в тайгу, решил провести остаток отпуска с нами в походе. Его дядя—Егор Андрианович Шелковников—был знаменитым охотником. Сто девять медведей убил он на своем веку. О нем, как и о Жигжитове, много писали в газетах, не раз снимали в кино. Но если Егора Андриановича знали лишь как зверобоя, то Михаил Ильич стал известным не только как охотник, но и как писатель.

Жигжитов долгое время учительствовал в Адамово, Давше, Усть-Баргузине, в свободное от работы время рыбачил, охотился. И так пристрастился к промыслу, что позднее стал профессиональным охотником. Специализация его—соболь. Более двадцати соболей каждую зиму добывает он. Другие звери не очень-то волнуют его. Если ему и приходится убивать медведей, то только уж когда подвернется случай. А таких случаев «подвернулось» пятьдесят два, причем почти все они завершились благополучно, если не считать того, что с сопок девятым ему пришлось драться в рукопашную.

Не раз смотрел смерти в глаза я на Байкале. Проваливался в трещины, перевертывался в лодках во время штормов. Изъездив славное море вдоль и поперек, узнал все его прихоти и повадки. Вряд ли кто лучше его может скрадывать нерпу, ловить рыбу на подледном лове.

Острый глаз, наблюдательность охотника, душевность учителя, масса приключе-

ний в тайге и на Байкале—все это породило в Жигжитове писателя. Он взялся за перо, чтобы поделиться тем, что довелось пережить, испытать ему во время охоты, рассказать о тех раздумьях, которые терзали в студеные ночи у костра пуше сибирского мороза, о тех прекрасных людях, с которыми он прожил на Байкале многие годы. Не случайно В. Тендряков, рекомендуя Михаила Ильича в Союз писателей, сказал, что Жигжитов—это Дерсу Узала, взявшийся за перо.

Начав с незатейливых охотничьих рассказов, Жигжитов перешел к более развернутым повествованиям — «Снежный обвал», «Перевал», «Парень из Ирindaкa-на», «Моя Малышка-Марикан». Читателям Байкала эти повести хорошо известны, так как все, что выходило из-под пера Жигжитова, впервые публиковалось на страницах нашего журнала.

Учитель, рыбак, плотник, охотник, писатель. А люди уважают его не за то, что он учил детей, плотничает, рыбачит, добывает соболей, пишет рассказы и повести, а прежде всего за то, что он хороший человек. Видимо, талант быть человеком — главное, что лежит в основе всех других талантов. Наивысших вершин в своем деле достигают лишь те, кто живет для людей, полной горстью отдает им богатства своей души.

Михаил Ильич совсем не похож на байкало охотника, о которых обычно говорят: степенный, угрюмый, слово за день не молвит. Глаза, обычно спокойные, задумчивые, нередко бывают веселыми, живыми. Говор четкий, быстрый. Зимой, во время охоты, он отпускает небольшие усы, которые, сомкнувшись с бородкой, не оспевают его, а даже придают какое-то изящество. Прямой, чуть с горбинкой нос, черные волосы, которых почти не тронула седина, продубленная ветром и морозом смуглая кожа делают его похожим на северо-американского индейца. А между тем он чистокровный бурят, из забайкальских казаков.

Как-то я спросил, что заставило его бросить учительскую работу, и не думает ли он оставить охоту, переключиться на писательский труд. Он не сразу нашелся с ответом. Потом стал говорить, что в наше время, когда охотники вооружены по последнему слову техники, когда появились превосходные ружья, канканы, капровые силки, когда издается множество брошюр, журналов, книг о методах охоты, охотиться все же гораздо труднее. Охотников-профессионалов стало так же мало, как и дичи вблизи человеческого жилья. Он говорил о том, что в последние годы количество охотников все более сокращается. Их плохо снабжают одеждой, боеприпасами, а самое главное — весьма произвольно оплачивают добытую пушнину. И все же Михаил Ильич решил поменять теплые, уютные классы на охотничьи тропы, и каждую зиму проводит в тайге. — Подумайте только, ведь баргузинский соболь — чистая валюта. Девятьсот пятьдесят долларов платят за шкурку на

пушных аукционах. Один соболь фактически равен стоимости легкового автомобиля. И ведь надо ж кому-то, надо!

Я слушал его и думал, что в этих его мыслях, в его преданности тайге — высокое подвигничество — отдать разведнику и охране соболя лучшие годы жизни

Три дня мы были в пути. Тайга здесь на редкость густая, дремучая. Путь уложился затянными подъемами, спусками по крутым склонам, россыпями огромных камней, а в низинах нас встречали студеные ключи и трясина калтусов. Поныги у нас получились увесистые, продуктов на неделю — шестнадцать буханок хлеба, консервы, сахар, масло, крупа, лапша и прочая снедь. Да еще оружие, боеприпасы. Так что мне в полной мере пришлось испытать, как трудно приходится охотнику, когда он идет на промысел.

В этом походе уже в который раз я убедился, насколько разнообразна наша забайкальская тайга. Если в долине Селенги или у подножия Хамзр-Дабаана можно увидеть совершенно голые склоны гор, пейзажи с далекой перспективой, то здесь на протяжении нескольких дней мы не видели горизонта — сплошная стена кедров, лиственниц, осин. Временами даже не видно неба над головами.

Первый ночлег у нас был под открытым небом, вторую ночь мы провели в одном из девяти зимовьев Жигжитова. Меня сначала удивило, зачем ему столько охотничьих стойбищ. А дело, оказывается, вот в чем. Леспромысловцы наступают на тайгу. Напуганные грохотом падающих деревьев, ревом тракторов, звери уходят в глубь хребтов, туда, где еще есть кедровник, где есть орехи, ягоды. И вслед за зверьем идут и охотники. Первая избушка Жигжитова была совсем недалеко от Махсимихи, рядом с Духовым озером. Когда сюда пришли лесорубы, он построил новое стойбище на двадцать километров дальше. Через несколько лет еще одно — в тридцати, затем в сорока, пятидесяти, причем в разных направлениях от села. И вот, наконец, то зимовье, где мы ночевали, находится уже в семидесяти километрах от Байкала.

Наступление на тайгу, как и всякое наступление, начинается с разведки. Роль разведчиков возлагается на лесоустроителей, которые разбивают леса на кварталы, подсчитывают приблизительное количество древесины, изучают породный состав леса, характер рельефа, возможность проведения дорог. Затем по будущим лесосекам проходят подсочки, которые «обескровливают» деревья, собирая с них смолу-живицу. В это же время рубятся просеки, бульдозеры выкорчевывают деревья, пни, прокладывают дороги. И только после всего этого подтягивается основная армия лесорубов.

В этом походе нам довелось увидеть наступление на тайгу во всех фазах. И у нас сложилось впечатление, что лесорубы ведут его довольно неразумно, а порой

попросту хищнически. Судите сами, почти всюду, где мы были, около половины срубленного леса осталось на земле. По обочинам дорог порой можно видеть груды хлыстов, сброшенных, вероятно, при поломке машин. Подбирать их, разумеется, уже «нет смысла», не гнать же из-за нескольких бревен автокран с лебедками.

Я сделал несколько снимков, где видно, что лес рубится на склонах, круче допустимой нормы. Михаил Ильич показал мне места, где на протяжении нескольких километров вырублены плантации кедровника, хотя нельзя рубить лес, если в нем произрастает хотя бы двадцать процентов кедра.

По всей стране внедряется ленточный способ рубки леса. Конечно, в наших леспромхозах имеют о нем прекрасное представление, но мы видели не узкие ленты, а огромные прокосы, гораздо шире положенного. Молодняк при подобной валке леса подминается, гибнет, а подлеску трудно набрать силу из-за неубранных сучьев, брошенных хлыстов. Все это при малейшей шальной искре или ударе молнии становится легкой добычей огня. Не случайно пожары в баргузинской тайге — чуть ли не обычное явление.

Не знаю, чем все это объяснить. Потерей чувства ответственности, отсутствием бережливости у лесозаготовителей? Может, это идет от убеждения в том, что гайга у нас необъятная, ее хватит и на нас, и на будущий век? Может! Но, мне кажется, есть тут и еще один психологический фактор, который заключается в убеждении, что с природой надо бороться, природу нужно покорять. Не знаю, когда родилось это довольно-таки темное, а точнее, дремучее убеждение, будто природа — наш злейший враг, с которым нужно говорить лишь языком завоевателя — языком секиры и топора.

Ну, хорошо. Допустим, кое-кто из лесорубов зареался, потерял чувство ответственности. Как же сделать тогда, чтобы привить им это чувство, как наладить контроль и кто должен контролировать? Мне кажется, прежде всего, — сами леспромхозы. Но зачастую они озабочены лишь выполнением плана, им некогда заниматься всякими там «тонкостями» вроде ленточного способа. Из-за нехватки рабочей силы им порой не до сбора и вывоза сучьев и всех остатков леса.

Здесь-то вот и должны сказать свое веское слово лесничества. Это они должны следить за ходом лесозаготовок, контролировать процесс заготовки и доставки древесины, требовать у леспромхозов расчистки бывших мест рубки. И тут вдруг я понял, почему лесничий чинил нам всякие каверзы. Он не хотел, чтобы мы видели, что творится в его «владениях». Местные жители уверяли меня, что за несколько лет работы Иванов вряд ли получал во всех концах своего участка. А если и бывал, то никаким мер дьявелем порядка он и не думал принимать. Да что в тайге? Рядом с Максимихой из камом берегу Байкала мы видели груды

поваленных деревьев. Оказывается, Иванов разрешил сборщикам сосновых шишек рубить... двадцати-тридцатилетние деревья. О каком порядке в глубине тайги можно говорить, если подобные горе-лесничие сами творят безобразия.

В третий день нашего похода мы двинулись дальше, еще выше. Перевалив через хребет, мы оказались у одного из притоков Турки — речки Калтусной. Само название говорит о том, что она протекает по таежному болоту. Широкая падь с тремя распадками вся поросла кедровником. Таких плантаций я никогда не видел. На десятки километров протянулись они вдоль Турки до самых Голондинских гольцов.

Богатейшее место! А около орех всегда держатся соболи, белки, бурундуки, кушны, кедровки, медведи. Несметные, никак не снимаемые урожаи орех становятся достоянием этих обитателей тайги. В реке полно рыбы — харюс, ленок, таймень. Берега поросли черемшой. На отмытых следах выдры, изюбров, коз. Каких красавцев увидели мы, когда спустились с хребта! Два изюбра, еще издалека учуяв нас, застыли, как изваяния. Потом, увидев, что мы приближаемся медленно, грациозно и даже как-то вызывающе спокойно, гордо пошли влево от нас. Затем самец, прижав ветвистые рога к спине, вдруг побежал легкой рысцой. Изюбриха тут же уловила изменение ритма движения и тоже перешла на грациозную рысь. Великолепное было зрелище!

— Надо же! Среди бела дня на калтусе! — изумился Михаил Ильич. — Видно никто не пугал их тут...

Погода тем временем стала портиться. Пошел дождь, подул холодный северный ветер. Надрали корья с лиственниц, сделали навес. Развели большой костер. Ночью ударил настоящий мороз, градусы 5—7. Вода в ведре и котелке покрылась толстым слоем льда. Вертелся у огня с боку на бок, как омули на рожне. И все же замерзлись за ночь основательно. Утром Михаил Ильич говорит:

— Даже зимой не мерз так, как сегодня. Мы просто недооценили, не учли сюрпризов тайги. Оделись, как на загородную прогулку под восхитенное. Ни спальных мешков, ни теплой одежды.

Утром двинулись дальше, вверх полевой Калтусной в сторону Голондинского гольца. Километрах в семи от стойбища вдруг вышли на гарь. Страшное зрелище открылось. Давно когда-то произошло пожарище, а деревья, вернее остатки их, все еще лежат скрюченные от жестокого огня. Черные обгорелые стволы торчат неслепыми столбами, лежат завалами, сквозь которые ростки новых деревьев. И хотя кое-где сквозь пепел пробились первые прутья берез, осин, невыносимо тягостно видеть все это. Ведь погибли-то вековые красавцы-кедры. Только на кладбище можно испытать подобное тягостное чувство.

До чего ж велика цена чьей-то беспечности! Как мы варварски относимся к своему богатству!

Несколько лет назад туристы пустили пожар в Баргузинском заповеднике. Сгорела большая часть кедровника. То и дело горят леса в районе Ильинского лесозавода. Хорошо, что зачастую мы вовремя успеваем гасить малые очаги. Но вспомните, что творится в окрестностях Улан-Удэ. Чуть ли не в любой понедельник прошлой весны солнце всходило багровым из-за дыма.

Чаше это происходит от неопытности, а то и беспечности подвыпивших юнцов, для которых лес — лишь место для уединения. Им ничего не стоит бросить окурочек, оставить непотушенный костер. И я вспоминаю, как осторожен при разведении огня Жигжитов. Осмотрит все вокруг — какое место, почва, определит направление ветра. По возможности у самой воды или на голом склоне горы. Если рядом чаща, окапывает костер ровиком. Тушит до тех пор, пока не исчезнет малейшая искорка. Головешки в воду или засыплет землей.

И в этом великая мудрость охотника, человека, для которого тайга — дом родной.

Тайга — кладовая, кормилица наша. Но далеко не всегда она ласкова к нам. Чаше — сурова, коварна. Болота-калтусы, готовые засосать в трясине комары, паузы, энцефалитные клещи. Камни, колоды. Жара днем, холод ночью. И при всем изобилии и плотности «населения», она порой очень скупа, неприветлива.

На пятый день у нас кончились продукты. Хотели мы добыть чего-нибудь, но попали, оказывается, в такое межсезонье, когда еще нет ни орех, ни ягод, когда трава-троелистка не подросла и копытные заходят на калтусы редко. (Тех изюбров мы увидели, вероятно, случайно). Ни рябчика, ни глухаря не могли подстрелить. И даже рыба не клевала совсем — был период нереста. Вот и пришлось нам перебиваться на одном хлебе и черемше. Вместо чая — чага, которую мы находили на березах. Она образуется из каких-то выделений на наростах отдельных берез. Сибиряки употребляют ее настоем для лечения многих внутренних болезней. Несколько дней у нас длился этот «курс лечения». И все же мы не унывали. Свалили несколько деревьев для будущего зимовья. Обычили, разрезали их на сучунки, скатали к месту, где Жигжитов решил поставить новую избушку.

В ночь перед выходом в обратный путь что-то плохо спалось. Снова было холодно, снова крапал дождь, а под утро застыла вода. Мы то и дело подкладывали дрова в костер.

Ночное небо словно простреляно дробью. Звезды огромные, крупные, мерцают, дрожат, как мотыли. Вдруг я заметил спутник, летящий с юга на север. Странное дело, он то вспыхивал ярким светом, то совсем исчезал из виду. И мне чуть ли не наяву представилось, как он летит, кувыряясь и переворачиваясь, на своей

космической высоте. Первобытная тишина, покой. И вдруг спутник — венец цивилизации, недостижимый, холодный, одинокий.

Да-а, цивилизация... Плотины гидроэлектростанции, каналы, ядерные реакторы, гидроа, сияющие мириадами огней. Мирская суета людей, озабоченных всякими зрелищами. Футбольные матчи, концерты, кинофестивали... Люди толпятся в очередях, ловят автографы знаменитостей. Киноактрисы улыбаются перед началом фильмов, а потом их улыбки, увеличенные в сотни раз, переносятся на экран...

А тут свой парад звезд. Изюбры, покачивая рогами, бредут, хлюпая копытами по калтусу. Кедровки и кукушки перекликаются с горы на гору. Ревут медведи и гураны. Одни — чтобы напугать, другие — от испуга. Метеориты и спутники чертят ночное небо. А искры костра взлетают к небесам. Им тоже хочется оставить свой робкий след, но они, конечно же, гаснут, не добравшись и до вершин деревьев.

А где-то ютятся люди в тесноте и скудности, о чем-то спорят, рассуждают о перенаселении, демографических взрывах, о том, что ожидает человечество в двухтысячном году, и многие из них никогда не вдыхали студеного аромата ночной тайги, не глотали воду из горных ключей, не вслушивались в эту первобытную тишину и покой. Для большинства из них тайга — неведомая, дикая, седая. Они боятся ее и потому считают, что с ней надо воевать, бороться, покорять. И они настолько смирились с этой «борьбой», с этим «покорением», что привыкли брать с побежденной природы порой непосильную дань.

Нет, я не за то, чтобы ждть милостей от природы, но я против того, чтобы брать эти милости жестоко, варварски, неразумно. Я не против рубки леса. Древесина стране нужна. Но почему мы проходим по тайге с огнем и мечом? Почему места вырубок напоминают поля боев, неравных, жестоких, поля, усеянные трупами и останками деревьев, поля, усыпанные пеплом пожаров.

Вспоминаются слова Хемингуэя из «Зеленых холмов Африки». «С нашим появлением континенты быстро дряхлеют... Мы разрушаем все вокруг себя, рубим деревья, истощаем водные источники... Стране надлежит оставаться такой, какой она впервые предстает перед нами. Америка была хорошая страна, а мы превратили ее черт знает во что».

Конечно, у нас дело вряд ли дойдет до того, что мы превратим Байкал и его побережье «черт знает во что». Но вспомните, как резко упала добыча омуля на Байкале (с 90 тысяч тонн в 1947 году до 21 — в 1966). И это в то время, когда рыбачий флот полностью моторизован, когда все рыболовческие колхозы имеют километровые капровые неводы.

Угроза уничтожения нависла и над нерпой. После Олимпиады в Инсбруке, где советские спортсмены удивили мир не

только блестящим медалями, но и великодушными шубками из байкальской нерпы, ее золотистый мех стал самым модным на Западе. Цены на аукционах резко поднялись и, соответственно, резко увеличилась добыча нерпы. И вот уже ученые-лимнологи сигналили о результатах трагической охоты: из ста отстрелянных нерп более половины уходят на дно, а из убитых наплавал и оставшихся на льду, почти все имеют следы прежних пулевых ранений.

Стадо байкальской нерпы невелико, около 30—35 тысяч голов. И страшно то, что истребители нерпы находят своих «идеологов». Несколько лет назад одна из газет прямо призывала к уничтожению нерпы, так как именно она, якобы, подорвала запасы омуля. Трудно сказать, на чем основывал свои призывы автор статьи, но лимнологи точно доказали, что главной пищей нерпы является недоступная для промысла голямянка. В этом смысле нерпа даже чрезвычайно ценна, как посредник по добыче целебного жира голямянки.

Много лет длилась тяжба ученых и промышленников из-за строительства целлюлозных комбинатов на берегу Байкала. Это был большой шумный спор. Но пока ученые доказывали опасность строительства комбинатов на Байкале, объекты уже были построены. И теперь уже речь идет о более тщательном строительстве уникальных сооружений, которые должны полностью гарантировать Байкал от загрязнения.

В сентябре 1965 года в центральной прессе появилось сообщение о проекте первого национального парка СССР на Байкале. Сообщение это обрадовало сибиряков и всех любителей природы нашей страны. Но может ли славное море стать настоящей здравницей, если мы не прекратим хищническое истребление омуля и нерпы, если мы не перестанем загрязнять реки, впадающие в Байкал?

По данным лаборатории ихтиологии лимнологического института, молевой сплав леса погубил нерестилища на протяжении 3500 километров, а 90 крупнейших рек, впадающих в Байкал, загрязнены настолько, что уже сейчас нарушают химический баланс байкальской воды. Особенно загрязнена Селенга, самый крупный приток Байкала. Предприятия Улан-Удэ, Татаурова, Ильинки, Каменска, несмотря на неоднократные штрафы и критику в печати, по-прежнему почти без всякой очистки спускают в нее промышленные стоки. И Селенга ежесекундно выбрасывает в Байкал почти кубический километр порядком отравленной воды. Не случайно в последние годы омуль не всегда заходит на нерест в это самое большое, удобное для икромета и созревания мальков нерестилище.

В последнее время разговоры о Байкале в прессе поутихли, споры идут в более спокойном тоне. Главный инженер «Сибгипробума» Б. Смирнов выступает в печати со статьями «Байкал вне опасности», и многим кажется, раз на Байкале реши-

ли создать Национальный парк, теперь все будет в порядке. Но порядок сам не придет. И именно потому, что Байкал должен стать подлинной здравницей Сибири — с десятками пансионатов, кемпингов, санаториев, сотнями турбаз на берегу незамутненных вод, мы должны навести порядок на Байкале и всем его побережье

* *

В заключение мне хочется рассказать об одном приключении, которое может случиться со всяким, кто идет в тайгу. И всякий, кто отважится на долгий поход по глухим местам, должен быть готов к тому, что произойдет с нами.

На седьмые сутки во второй половине дня мы двинулись в обратный путь. Идем налегке, шутим, хорошо, мол, что не убили никого, а то тяжело было бы нести. Михаил Ильич говорит нам:

— Ничего, ребята, не зря мучались, тайгу посмотрели, мне подсобили. Вот придут осенью, и у меня тут и навес есть, и лес для зимовья готов...

Километра три прошли от стойбища. Не устали ни сколько. Но Михаил Ильич что-то предложил отдохнуть.

— А ну, ребята, расскажите что-нибудь. В дороге мы много историй, былей и небылиц рассказывали. И тут что-то веселое вспомнили, рассмеялись громко. И вдруг сквозь смех услышали, что на горе хрустнула ветка, легонько так. Я сказал, что утром слышали с Петей такой же треск в чаще. Михаил Ильич улыбнулся, что это Найда бегаёт, и утром, наверное, она же была, а мы испугались своей же сивки.

Треска больше не раздавалось, но зато послышались какие-то странные звуки, будто собака нору роет, тычет носом и коздри продувает.

— Фф-фф-фф... — Потом звуки все ближе и ближе. Тут Михаил Ильич вскопчил.

— Нет, паря, это медведь! — Схватил свой энфилд, мы тоже взялись за оружие. Рассыпались в цепь. Ильич слева, я — на правом фланге. Ребята между нами. И тут же из чащи быстро, бесшумно кинулось что-то большое, черное. Медведь! Навел карабин, веду мушку. Что это Ильич не стреляет? Мы договаривались, что при случае первым бьет он. А Ильичу, оказывается, мешали кусты. Стрелять надо наверняка. Шутки тут плохи. Промаяхиваясь, ранишь — все.

И вот, когда оставалось совсем мало, он выбежал навстречу медведю и выстрелил в упор. И тут же залпом ударили мы. Медведь, не рывкнув, без единого стога, рухнул огромной тушей оземь, даже деревья дрогнули. Подбегаем — мертв.

Трудно передать наш восторг. Крик, реп! Так, может, лишь дикий кричан, убив мамонта. Обнимаем, хлопаем друг друга. Хватаю фотоаппарат.

— Ильич! На память!

— И верно! Пятьдесят два медведя убил и ни одного фото!

Подходит, берет медведя за уши. С трудом приподнимает голову. Она тяжелая.

большая, как бочка. Челюсть отвисла. Могучие клыки. Злые глаза. Язык вывалился из пасти. Великолепный кадр! Щелкаю затвором и вдруг медведь тряхнул головой, правую лапу поднял. Ильяч мгновенно отпрянул, схватил мой карабин и выстрелил прямо в лоб. Медведь вздрогнул огромной тушей и утих навсегда.

Гут только мы осознали, какая опасность грозила нам. А что, если бы мы не услышали вовремя, что, если бы разбрелись по кустам или растянулись бы во время пути?

— Интересно, почему он изпал из нас? Четверо вооруженных. Шумели, смеялись...

— А ты думаешь, он такой добрый, неуклюжий, как в сказках? — Михаил Ильич засмеялся, — я очень доволен, что ты убедился, какие они «мирные». А то лишут, будто он чуть ли не хлопает лапой по плечу. Этог — наверняка людоед. Испробовал когда-то человека, вот и побежал снова...

Смотрю, пасть огромная. Клыки, как ножи. Сунул руку, взялся за горячий, мокрый язык, как когда-то Ильячу пришлось в рукопашную. Даже мертвому толкать страшно. Какую же отвагу надо иметь, когда перед тобой встанет на дыбы галкой медведище.

— А тогда точно такой же был, — угадал мои мысли Михаил Ильич, — три центнера вытянул, и у этого не меньше... Подкараулил у колоды, выбил ружье из рук — и на меня. Руку изгрыз, голову, спину когтями изрезал. И все же заporол его ножом. Рядом с Духовым было. Выполз на дорогу, весь в крови. Проезжий шофер увидел, испугался, глазам не верит, отвез в Усть-Баргузин. Тридцать девять ран насчитали...

Все, кто бывал у Жигжитовых, видели у входа в дом череп того медведя. Одного клыка нет. Михаил Ильич подарил его как талисман чехословацкой журналистке Драгомире Шлехтовой, когда она была в Максимихе. Потом она написала, что вдела его в одно из своих колье, и носит по особо торжественным случаям. А шкуру того ро-

кового медведя Жигжитов подарил Владимиру Тендрякову...

Обратный путь оказался настолько трудным, что об этом можно было бы рассказать отдельно. Естественно, всю медвежатину мы взять с собой не могли. Одна шкура заняла целый рюкзак. Мы с трудом поднимались в гору, да и спускаться было не очень-то легко с тяжелыми понягами. Привалы делали каждые пятнадцать минут. И все же сознание того, что наш поход завершается успешно, что мы с честью отразили атаку медведя-людоеда, облегчало нам путь. И когда мы после десяти дней таежной жизни, наконец, добрались до дому, вся Максимиха сразу же узнала, что Жигжитов убил пятьдесят третьего медведя. Знакомые и незнакомые люди и особенно детишки приходили к Жигжитову посмотреть огромную медвежью шкуру. А вечером, когда мы выпарились, вымылись в деревенской бане, был устроен большой пир, где главной закуской была медвежатина.

Во все времена — от коний и стрел до двустволок и карабинов — охотники всегда были в почете. И когда они с богатой добычей возвращались в свои стойбища, в честь их совершались празднества — песни, танцы у костров, эти своеобразные балеты и оратории древних времен.

Великое племя охотников дало миру и безвестных живописцев, что оставили рисунки на скалах Байкала, и Дерсу Узала, воспетого Арсеньевым. Оно, это племя, дало миру Тургеневу и Льва Толстого, Сетона-Томсона и Хемингуэя. Лучшие страны ны многих произведений этих писателей посвящены изображению тех неповторимых переживаний, которые можно испытать только во время охоты, изображению людей, не мыслящих своей жизни без борьбы и опасности, людей, которые безгранично ценят, понимают природу.

И я благодарю судьбу, что мне довелось познакомиться с одним из достойных представителей этой древнейшей профессии. Бок о бок провести с ним целых десять дней в тайге.

Усть-Баргузин — Улан-Удэ.

В. ЗАЙЦЕВ,
кандидат филологических наук.

БОГИ ПРИХОДЯТ ИЗ КОСМОСА

„За кого почитают
Меня люди?“

Проблема возникла еще в I веке. «Пришед же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или одного из пророков. Он говорит им, а вы за кого вчитаете меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: «Ты — Христос, Сын Бога Живого» (Матф., 16, 13—16). Кстати, заметим, что слова Пилата «Это человек», сказанные им при виде Христа, тоже отражают наличие в те дни проблемы: кем был Христос?

Если он обычный земной человек — почему возникла такая проблема? Почему Иосиф Флавий, римский историк I в., в своих «Иудейских древностях» говорит о Христе как о «мудром человеке, если его вообще можно назвать человеком»?

„Я сошел с небес“

Христос говорил не раз, что пришел свидетельствовать о своем отце небесном. «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Иоан., 6, 38). «Еще не долго быть Мне с вами, я пойду к Пославшему Меня; будете искать Меня и не найдете, и где

буду Я, туда вы можете прийти... При сем иудеи говорили между собою: куда Он хочет идти, так что мы не найдем Его? Что значат сии слова, которые Он сказал: будете искать Меня, и не найдете, и где буду Я, туда вы не можете прийти?» (Иоан., 7, 33—36). «Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я, и куда иду» (Иоан., 8, 14). «Куда Я иду, туда вы не можете прийти... Вы от мира сего, Я не от сего мира» (Иоан., 8, 21—23). Христос объяснял наместнику Пилату: «Царство Мое не от мира сего». (Иоан., 18, 36). Пилат переспросил: «Откуда Ты? Но Иисус не дал ему ответа» (там же, 19, 9). Не дал ответа, потому что было бесполезно объяснять свое «небесное» происхождение: «Если я сказал вам о земном и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном». Стена непонимания стоит между ним и его слушателями, когда речь идет о «царстве небесном». Потому он и вынужден был говорить притчами, все переводя в земной план.

Попытки объяснить свое происхождение не приводили к успеху. Читая у Иоанна «Тогда сказали Ему: кто же Ты?.. Не поняли, что Он говорил им об Отце» (8, 25—27). Люди не понимают и другого; они размышляют: «Как же говорит Он: Я сошел с небес?» (6, 42).

Кто его родители

Указания на то, что у Христа были родители на Земле, весьма противоречивы. Если полагаться на указания новозавет-

Продолжение. Начало см. в № 5.

ных документов, он неоднократно отказывался от своих родственников, объясняя родство с ними только как родство «по богу»: «указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Матф. 12, 49—50; Марк., 3, 32—35). Сами его соотечественники не уверены, что он действительно сын их народа. Лука указывает, что люди только «думали», что он «Сын Иосифов» (3, 23).

Родословная Христа, «Сына Давидова, Сына Авраамова» (Матф., 1, 1) нужна была иудеям для соблюдения преемственности ожидаемого мессии от древних еврейских родов. Марк считал Христа «Сыном Божиим» (1, 1). Лука вообще лишает его родословной, объявляя его «пророком Всевышнего» (1, 76), а Иоанн «Агнцем Божиим, Который берет на Себя грех мира» (1, 29), предпосылая его появлению на Земле «космогоническую» прамбулу (1, 1—10).

Синкретизм, многосоставность образа канонического Христа, о чем написано много исследований, наиболее отчетливо выражены в легенде о его рождении, включившей элементы митраизма, зороастризма и буддизма (С. И. Ковалев, М. М. Кубланов. Находки в Иудейской пустыне, М., 1960, стр. 72). Почему-то авторы жизнеописания Христа приводят версию о рождении, но не дают всей биографии (если не принимать в расчет некоторых апокрифов), т. е. в истории «церковного» Христа добрых тридцать лет пустых. Видимо, легенда о рождении была создана специально для того, чтобы сделать образ его понятным для земных людей и прикрепить его к земному иудейскому племени. Недаром культ Девы Марии сложился несколькими веками позднее истории Христа.

Голый сведи волков

В Христе поражают его незнание земной жизни и беспомощность, его одиночество и отсутствие земных корней. Он не может видеть пагубных результатов своей деятельности, не боится спорить с представителями власти, отвергает субботу, заявляя, что «не человек для субботы, а суббота для человека», и даже недоумевает, почему нельзя есть до звезд. Он научил своих учеников не соблюдать поста. Он беспомощен, видя свое одиночество: «Жатвы много, а делателей мало» (Матф., 9, 37). Но он иногда видит, что его приход к людям привлечет за собой многие последствия, что будет литься кровь и настанет смещение среди людей, что произойдет «о Нем распря в народе» (Иоан., 7, 43). И он говорил: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Матф., 10, 34).

Эту особенность — незнание многих земных дел — не мы первыми отмечаем. Среди многочисленных сект ранних веков христианства существовала секта монофизитов,

гов, в числе которых были агности (от древнегреческого «αγνοία», т. е. незнание, неведение, непонимание), объединенные убеждением, что Христос не был осведомлен в земных делах.

Разве не удивительно и то, что Христос был наделен исключительным демократизмом и национальной терпимостью, трудно объяснимыми в условиях рабовладельческого строя? Лучшие умы человечества того времени мечтали лишь об улучшенном варианте рабовладельчества. А Христос был «друг мытарям и грешникам» (Матф., 11, 19), открыто беседовал с женщиной самаритянкой, ел и пил у мытарей Левия и Закхея, принимал дары блудницы. Для него не было разницы между эллином и иудеем. Не зная земных обычаев, он демонстративно отвергал богатых. Его даже обвиняли в том, что он «развращает народ... и запрещает давать подать Кесарю» (Лук., 23, 2). Правда, иногда в нем просыпался инстинкт самосохранения: когда фарисеи подослали к нему двух осведомителей-провокаторов, чтобы «уловить Его на словах» (Матф., 22, 15), скомпрометировать и выдать римским властям по обвинению в подстрекательстве не платить подать кесарю, — он им заявил: «Кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф., 22, 21).

Иудейских виртуозов праведности, фарисеев, Христос называл «слепыми вожжами слепых» (Матф., 15, 14.). О лживости и эгоизме «книжников и фарисеев» он разрился целой тирадой, гневно призывая на них кару. Он не почитал иудейских храмов, так что в I в. среди широкой массы людей сложилось убеждение, что Христос и его окружение — это секта безбожников и безнравственных людей (В. Снегирев. Учение о лице господина Иисуса Христа в первых трех веках христианства. Казань, 1870, стр. 29).

Он был суров и непримирим к властям, церковникам, фарисеям и книжникам, но бесконечно терпим и снисходителен к «малым сим». Разговаривая с ними, он советовал им терпимость, доброту друг к другу. Вывод о том, что он был непротивленец, нуждается в определенном ограничении.

Христос представляется нам жертвой собственного благородства, доверчивости и незнания земных обстоятельств. С другой стороны — это жертва банальной людской зависти и человеческого невежества, о котором еще Марк писал как о «демонической силе». Судьба Иисуса — лишь эпизод в мартирологе земной истории. Но есть еще третья сторона его жертвы: вся повесть о деяниях Иисуса Христа на Земле от начала и до конца выглядит как заранее запланированная акция. Об этом — ниже.

Сколько ему было лет?

Спор о личности Христа длился до середины XIII века, пока Папа не положил конец ему, поелику вещи сии, якобы, выше уразумения. Начавшись еще в I веке, дис-

куссия породила ряд сект и ересей, среди которых особенно примечательна, с нашей точки зрения, ересь константинопольского архимандрита Евтихия, так называемое монофизитство. Это течение можно рассматривать как отзвук ранних споров о природе Христа. Среди монофизитов были ктиститы, убежденные в том, что Христос, как и простой человек, подвержен после смерти тлену, что он, как и все люди, рожден, а не возник из божественного духа. Основные положения монофизитов сводились к признанию «единосущностной» природы Христа и к так называемому «пресуществованию» его. Эти положения, если их очистить от мистико-богословской гностической фразеологии, могут отражать вполне материалистический смысл, сводящийся к признанию человеческой природы Христа, не связанной с «тронцей», и к признанию того, что до появления на Земле он жил еще где-то («предварительное существование»).

Христос «начал свое служение» на Земле в возрасте «лет тридцати» (Лук., 3, 23). Это «служение», согласно свидетельству евангелистов, продолжалось от одного до трех лет. Распят он был на 34-м году жизни. Если считать его личностью космического происхождения, то ему должно было быть по «внутреннему времени» значительно больше лет. Учитывая «пресуществование», ему могло быть много сот лет. Правда, мы должны в данном случае принимать в расчет «парадокс времени», проявившийся во время его путешествия «с неба на грешную землю».

В определенном соответствии с нашими рассуждениями могут стоять слова Христа из Иоанна: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой, и увидит и возрадовался. На это сказали Ему иудеи: Тебе нет еще пятидесяти лет,—и Ты видел Авраама? Иисус сказал им: ...прежде нежели был Авраам, я есмь».

Земля—Космос—Земля

Если верить многим мифам и легендам, а также показаниям многочисленных памятников древней письменности, то создается отчетливое впечатление, что с Земли на «небо» летали многие земные люди. Некоторые из них (Исайя, Давид и др.) вернулись на Землю, а другие (Енох, Моисей, Илья) так и не вернулись. Не мог ли Христос быть сыном человека, оставшегося в «царстве небесном»? Христос мог говорить людям о своем фактическом, материальном отце, который остался на другой планете, а земные люди отождествляли отца с богом, в которого они привыкли верить. Между тем, отец и бог, как мы это понимаем, в данном случае не одно и то же.

Христу приходилось доказывать, что «царство небесное» — это не царство теней, не прибежище душ умерших. «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (Марк., 12, 27).

Не может ли высказанная выше версия (сводящаяся к предположению, что Христос был посланным на Землю сыном одного из земных людей, взятых на другую планету), объяснить нам исключительное сходство Христа с земными людьми, знание им одного из земных языков, знание иудейской истории и его ссылки на ветхозаветные изречения и в то же время незнание жизни на Земле?

Не может ли эта же версия объяснить обилие космологических высказываний Христа? Анализируя его рассказы о небе, содержащиеся в хенобоксионских документах, И. Доррес писал, что они изменяли «все космические ориентации» слушателей

Христа (J. Dorese, *L'Évangile selon Thomas ou les paroles secrètes de Jésus*, Paris, 1959, глава «Пришествие Спасителя в этот мир и ниспровержение представлений о космическом порядке»).

Что такое «царство небесное»

Христос не пророчествовал и не читал религиозных проповедей. Он не проповедовал никакой религии и, как писал Уэйсс, «не был основателем секты. У него не было желания основать школу; его учение было обращено к народу просто как выражение своих знаний (as a notion)» (Weiss, *Life of Christ*). Он просто рассказывал земным своим собеседникам о возможности других, более высоких и благородных форм человеческого общежития, ссылаясь на свой опыт жизни на «небе». И люди могли подумать: царство небесное есть благо. И захотели устроить «царство небесное» на своей земле. Он не обещал людям путешествия или переселения на другую планету, но внушал и подкашивал им необходимость изменения земной жизни в соответствии с высоким предназначением человека.

Слова Христа «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его» (Матф., 6, 33). «Царствие божие внутри вас» (Лук., 17, 21). «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем» (Матф., 13, 24) следует понимать как совет перестроить земную жизнь на принципах человечности и справедливости. Ставя подобную задачу перед людьми, он мог понимать, что выполнение такой задачи не по плечу испорченному и «развращенному» роду: семена добра следует сеять в сердцах молодого поколения, не успевшего развратиться философией «книжников» и фарисеев. Христос говорил, показывая на детей: «Не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Матф., 19, 14; Марк., 10, 14).

Христианство в общих чертах было земным учением, на Земле рожденным, и земной жизни вытекающим, и зародилось оно до Христа как идеология масс, выражающая протест против рабства. В уставе общины Хирбет-Кумран можно найти неко-

торые положения, характерные для раннего христианства (И. Д. Амусин. Рукопись Мертвого моря, М., 1961, стр. 142—149). А. Робертсон в «Происхождении христианства» писал: «Я отвергаю любое действие независимого от материи духа, любое божественное вмешательство в историю и в соответствии с этим любую гипотезу о происхождении христианства, которая возводит его к одному-единственному учителю, состоящему в личных отношениях с богом,—независимо от того, как истолковывалась эта гипотеза. На вопрос о том, внес ли какой-либо распятый претендент на звание мессии, носивший обычное еврейское имя Христос, некоторые элементы в легенду об Иисусе Христе, является таким вопросом, относительно которого мы можем прийти как к положительному, так и отрицательному заключению, но неся ущерба материалистическому пониманию истории» (подчеркнуто нами — В. З.).

Христос мог сыграть вполне определенную роль: невольно, самим необычным появлением своим он мог соединить мечты человеческие в единую мечту, послужив примером и внешним толчком, и эта мечта стала идеологией, уводящей от брэнной и скудной жизни и зовущей к светлому грядущему. Эта мечта обещала награду именно в земной жизни. Человек наивный и жаждущий справедливости стал мечтать о «царстве небесном» на Земле. Новая мечта разрушала старую веру, прежние устои, старую идеологию. Этого было вполне достаточно, чтобы пришли в беспокойство первосвященники, держатели ключей от храма господствовавшей веры, и начали преследование «возмутителя спокойствия». Однако христианское учение быстро распространилось.

Увидев, что противиться распространению новой идеологии невозможно, римские власти решили признать христианство, сделав его законной религией. Но центральный смысл христианского учения о построении «царства небесного на Земле» постепенно был изменен. Тезис стал звучать «царство небесное после смерти», т. е. мечта о свободе и справедливости стала «узылищем души и тела» и «сетью для уловления человека». Когда была произведена эта инверсия, христиане должны были постепенно смириться и поверить в новый смысл, так как иго жизни не давало им возможности разорвать узы рабства, не обещало надежды на лучшее в этой жизни. Это положение истощающее объясняется мыслью Ленина: «Бессилие эксплуатированных классов в борьбе с эксплуататорами как же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.».

«Лырочкина вера»

В истории о пришествии на Землю Христа центральное место занимает образ «Звезды Вифлеемской». Эта звезда, как

символ рождения бога, сохранилась в преданиях и обычаях христианских народов. В эпоху средневековья и в Новое время она неизменно привлекала к себе внимание людей. Византийский философ и богослов Иоанн Дамаский (VII—VIII вв.) в сочинении «Правильное изложение веры» отождествлял эту звезду с кометой и, основываясь на неизвестных нам показаниях, отмечал «маневренность» ее. Он писал: «...являвшаяся водам звезда то с востока на запад совершала движение, а то с севера на юг; то скрывалась, то являлась, что ни с чином, ни с естеством звезд не сходствует». Станислав Любинецкий в сочинении «Theatrum Cometicum» также отождествлял Вифлеемскую звезду с кометой. Между тем, история астрономии не знает ни одной кометы, более или менее подходящей ко времени к началу нашей эры. Этот образ интересовал великого астронома и математика Иоганна Кеплера. В наше время он остался интригующей загадкой для многих астрономов мира, посвятивших один из своих симпозиумов дискуссии о «Звезде Вифлеемской».

В «священном писании» эта звезда трактуется не как звезда «стоящая» или «падающая», а как звезда «идущая». Она обладала способностью не только «идти», но и «останавливаться».

В Новом завете эту звезду видели оставившейся над Вифлеемом, что означало: в этом городе родился Христос.

Такова каноническая версия.

Но есть версия и апокрифическая, отвергнутая официальной церковью. О ней мы читаем в «Повести о трех королях-волхвах». Оригинал этой повести был создан на латинском языке, видимо, не ранее середины III века. В последующие века повесть переводилась на различные языки. В нашем распоряжении — белорусский вариант перевода XV в., опубликованный в 1903 г. в 150 томе «Памятников древней письменности и искусства». В 8-й главе апокрифа есть совершенно необычное толкование «Звезды Вифлеемской». Рассказывается, что ее наблюдали во многих странах Востока, для чего на горах были построены «каплицы», в которых засели «астрономы». Появившись ночью, звезда осветила весь небосвод «наподобиество солнца». Целый день «поветрие нерушаючи се стала», т. е., не возмущая воздух, висела над землей. Когда вечером появились звезды на небе, она так ярко светила, что не было разницы между нею и солнцем. О ее исхождении на гору Ванс говорится: «Легко, словно орел, на тую гору вступила». В апокрифе есть ссылка на «некоторые книги», в которых якобы утверждалось, что Христос сошел с той звезды. «Настоящая звезда была не такая, как ее в наших странах по церквам мзлюют, но крыльцо имела яко у орла и многие длинные лучи, которые звезду «по кругу двигали», когда она опускалась на гору Ванс.

Византиец Федот в I в., как явствует из одного раннехристианского свитка, обозначенного в Хенобоскионе в Верхнем Египте в 1945 г., тоже связывал пришествие

Христа на Землю с появлением на небосклоне «новой звезды».

Среди многочисленных сект, связанных с ожиданием «второго пришествия», есть секта, называющая свое исповедание «Дырянкина вера». Иногда членов этой секты зовут «дырянки». Дело в том, что в каждом доме у «дырянков» в крыше и потолке — отверстия. Назначение их, оказываться, очень простое. «Господь бог Иисус Христос, наш спаситель, пришел со звездой. Вот мы, чающие его второго прихода, и смотрим на звезду, чтобы не прокараулить, когда он придет с неба одесную своего Отца во главе небесного воинства».

Можно предположить, что подобная ассоциация Христа со звездой предшествовала представлению о нем как о человеке Земли. Мы уже говорили, что если внимательно ознакомиться с некоторыми апокрифическими и каноническими христианскими документами, то можно отметить эволюцию представлений о Христе. В документах I в. он предстает существом небесного происхождения. В хенобоскионском «Евангелии от Фомы» «черты исторической личности сменяются представлениями о символе космической драмы. Ряд изречений (Иисуса) связан с темой царства отца, высшего мира, мира света» (М. К. Трофимова. Из истории идеологии II в. н. э. «Вестник древней истории», 1962, 4). Земная биография Христа и понимание его как человека сложились значительно позднее.

Иногда приходится слышать, что вопросы, о которых сейчас говорим мы, якобы окончательно решены марксистско-ленинской наукой. Между тем, сами классики марксизма-ленинизма были несколько иного мнения. Так, оценивая работу критиков раннехристианской традиции и сравнивая даты возникновения отдельных частей Нового завета, Энгельс писал: «Между этими границами лежит действительная истина. Можно ли ее установить при нынешних данных, весьма сомнительно. Новые находки в Риме, на Востоке и прежде всего в Египте дадут здесь гораздо больше, чем какая угодно критика».

Проницательность Энгельса позволяла ему предсказать «новые находки»: «прежде всего в Египте» — хенобоскионская библиотека, состоящая из 44 раннехристианских документов (1945); затем «на Востоке» — библиотека общины Хирбет-Кумран (1948—1949); наконец, «в Риме», если иметь в виду документы, позволившие ХХI Вселенскому собору поставить вопрос о невинности еврейского народа в смерти Христа.

„Чудеса“

Большинство чудес Христа связано с излечением людей от нервно-психических заболеваний. «...и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями, и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их»

(Матф., 4, 24). Положив на человека руки, Христос вызвал к силе внутреннего убеждения человека, мобилизуя волю и веру его.

Мы не беремся толковать факт воскрешения Лазаря. Наша земная наука еще далека от того, чтобы объяснить его. У нас еще нет адекватного такому чуду. Видимо, здесь было проявлено большее искусство, чем то, какое было достигнуто когда-либо людьми.

Когда же Христу не верили, никаких чудес он не производил!

Такие же чудеса, как насыщение тысяч людей пятью хлебами, хождение по воде и другие, можно сравнить с массовым гипнозом, с искусством левитации, находившимся в пределах человеческих возможностей.

В лице Христа мы видим не только человека, воспитанного в условиях высоко развитой цивилизации, но и исключительно одаренную личность.

„Воскресение“

Вся история Христа выглядит как заранее запланированная акция «программирования» человечества, как действие с целью утверждения новой морально-этической концепции в жизни людей.

В какую-то более раннюю эпоху «писанной» истории надо было оглянуться на Земле «программу», основанную на «страхе господнем» как начале «всякой премудрости». Возможно, тогда и были уничтожены Содом и Гоморра, создана устрашающая концепция ада и посеяна идея возмездия за грехи.

Позднее, учитывая, что старая «программа» исчерпала себя и уже не могла служить критерием правильности социальной и личной жизни человека, успешного шагнуть по ступеням исторического прогресса, но оставшегося неизменным в своей сущности, — могла потребоваться новая «программа», базирующаяся на принципах общечеловеческого братства и любви к ближнему. Надо было преподнести человечеству, запутавшемуся во внутренних противоречиях и подошедшему к тому рубежу истории, за которым не просматривались никакие идеалы, — новую концепцию жизни, которая будет действовать до тех пор, пока люди снова не взгромодят «Пелион» греха на «Оссу» разврата.

В свете подобных представлений вся деятельность Христа кажется, повторю, заранее запланированной акцией, критический пункт которой — «воскресение из мертвых».

Существует представление, что «если не было воскресения из мертвых — то тщетна вся вера наша». Мы должны сказать: вера, если она была искренней, если она охватывала миллионы людей и длилась десятки веков — не могла быть тщетной. Для тех, кто верил убежденно, вера до конца их жизни была великим смыслом,

Содержание журнала „Байкал за 1967 год“

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ

- Ж. БАЛДАНЖАБОН. Последняя табиса. Повесть. №№ 5, 6.
М. ЖИГЖИТОВ. Моя Малютка-Марихан. Повесть. № 2.
Н. КОРОЛЕВ. Секунданты, за ринг! Повесть. №№ 4, 5.
А. СТРУГАЦКИЙ. Б. СТРУГАЦКИЙ. Второе нашествие марсиан. Фантастическая повесть. № 1.
В. СЕРГЕЕВ. Красный день. Роман. №№ 1, 2, 3.

РАССКАЗЫ

- Ю. БУДАНЦЕВ. Разводной ключ. На улице, у реки, везде. № 3.
В. ЖЕМЧУЖНИКОВ. Семена ранних цветов. № 2.
Н. ЛИМОНОВ. Девочка из приличной семьи. № 2.
Э. ИОНЕСКО. Воздушный пешеход. № 4.
Н. НЕЧАЕВ. Бандьера роса. Еще целый день. № 2.
А. ТУГУТОВ. Неполный курс лечения. Патефон для стихов. № 2.
ВЛЕРВЫЕ НА РУССКОМ
С. МОЭМ. Зимнее плавание. № 5.
Б. РИНЧЕН. Богиня Тара. № 5.

СТИХИ

- С. АНГАБАЕВ. Из цикла «Родина». Коммунисты. №№ 5, 6.
В. БОКОВ. Серые, серые глазоньки. Зимushка! Выйду из дому. Ты знаешь, я тебя люблю. № 1.
Ц. Б. БАДМАЕВ. Воды Селенги. К солнцу. №№ 3, 5.
Л. ВАСИЛЬЕВА. Мать. Пахнут волосы дымом. Не бываю нам счастливыми. Уничтожить, разрушить, разбить. Замедленно-медленно тает. Иду то исподволь, то вдоволь. На перевале у Хайма. Мне приснился говорящий лось. №№ 1, 3.
Г. ГОЛОВАТЫЙ. Лунзтик. Верить. Звери. № 2.
Ц. ГАЛСАНОВ. Капля в море. Весна в Саянах. Илькинские родники. Глаза человека. № 6.
Ю. ГАРНАЕВ. Наша жизнь. № 6.
Д. ДАМБАЕВ. Новогоднее. № 1.
П. ДАМДИНОВ. Легенда об Ангаре. № 3.
Ц. Д. ДОНДОКОВА. Ночь. О, простор моей милой страны. № 1.
К. ИЛЬИН. Черное море. Сабля. № 5.

- А. КОРЕНЕВ. Из Самарты. Улыгер в честь дружбы со знаменитым чабаном Держой Сантибаевым. №№ 1, 4.
В. КОТЛЯР. Сибирь. Подарок. Я тебя отдаю работе. Аленушка. Ты меня приревную к стихам. № 3.
К. МАЛНИКОВ. Улыбка. Озеро Кызыкуль. № 2.
Л. МИГДАЛОВА. Так надо... Я знаю... № 3.
Н. НИМБУЕВ. Стихи про мою телогрейку. Сладкогубый ветер целовал игриво. Ты шла ко мне. В халатике застыла на морозе. № 1.
Ш. НИМБУЕВ. Знамя Октября. Звезда. Октябрь! Я пою и славлю. №№ 4, 6.
Э. ПОНИН. Человек рождается в России. № 2.
Л. ОЛЗОВА. Перед строем солдат. № 3.
А. СМЕРДОВ. Быль о золотой рыбке. № 5.
В. ПЕТОНОВ. Слово партии. № 6.
И. ФЕДОРИН. Осень на Байкале. Салют в тайге. № 3.
Р. ФИЛИППОВ. Гураны. № 2.
М. ШИХАНОВ. Ночь в Шушенском. Праздник тунто. Сибирские масштабы. № 2.
Ю. ШЕСТАЛОВ. Идол. № 5.
А. ЩИТОВ. Из Саянской тетради. № 2.
Гэгэр. Бурятский народный эпос. №№ 2, 3, 4.

50 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

- В. МУТИН, А. ХАЗИН. Торейская история. № 1.
В. ЧЕКМАРЕВ. С Лениным в сердце. Воспоминания матроса революции. № 2.
Е. ГОЛУБЕВ. Бойцы—интернационалисты. № 3.
Б. МАЖИЕВ. Легенда и жизнь. № 4.
С. КОНОВАЛОВ. Комиссар революции. № 4.
Г. СЕРЕБРЯКОВА. Отец. Сильный, упорный, верный. № 4.
П. АСТРАХАНЦЕВ. Перед грозой. № 5.
С. БУХАТЕЕВ. Их было семеро. № 5.
В. КОНОВАЛОВ. Шушенские поединки. № 4.
О. ПАТУШИНСКИЙ. Каландаришвили перед царским судом. № 5.
З. ТАГАРОВ. Новые страницы из биографии Ринжурова. № 5.
Г. ДАМБАЕВ. Наш Баратхан. № 6.
Я. ЖИГАЛИН. Я видел Лаза. № 6.
С. СОКОЛОВСКАЯ. Побег. № 6.
В. ХАРАХИНОВ. Байкальские этюды. № 1.

ОКТАБРЬ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ

- В. БАТАШЕВА. Семья — ровесница революции. № 6.
Д. БАТУЕВ. Зажиточная жизнь пришла в Оронгой. № 6.
Д. БУДАЕВА. Хорошеет далекая окрестность. № 6.
Ж. ВАНКЕЕВ. Огни в долине. № 6.
М. ВОСКОВОЙНИКОВ. В большой мир. № 6.
С. ДУГАРОВ. Размах и величие свершений. № 6.
А. КАЗАНСКИЙ. Бурятская палитра — № 6.
Н. КУЗНЕЩИК. Страничка из прошлого. № 6.
К. КУПРИЯНОВА. Верные помощники. № 6.
Л. МАДЫЕВА. Люди самой гуманной профессии. № 6.
Б. МУНГОНОВ. Чабан из Капчиранги. № 6.
Ю. ОРЕШНИКОВ. Мои товарищи. № 6.
Д. ОШПРОВ. Счастье в труде. № 6.
Д. СЕЛЬВЕРОВ. Круг почета. № 6.
В. ФИЛИППОВ. Наш вклад в науку. № 6.
Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВ. Чувство семьи длинной. № 6.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- К. ПОЛОННЫХ. Быль о забайкальских лесорубах. № 1.
Е. ТАРМАХАНОВ. Как рождалась республика. № 1.
Н. ФЕДОРОВ. На суровом склоне. № 1.
А. БАЛЬБУРОВ. Ценное, увлекательное исследование. Художественный перевод — проблема номер один. №№ 4, 5.
М. ВОСКОВОЙНИКОВ. Полутного ветра. Ам. поэты Севера. № 4.
В. НАЙДАКОВ. Предание старины глухой. № 4.

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

- В. ДАРИЧЕВ. Под знойным небом Гоби. № 3.
А. ВОЛКОВ, Р. ФИЛИППОВ. Корни. нъ рождения. Коробейник. Летописцы. № 4.
А. БАЛЬБУРОВ. Путешествие в страну. № 6.
З. БАРАЕВ. Тайга моих тревог. № 6.
О. БЫКОВ. «Же ву зем». № 6.
Е. КАЛАШНИКОВ. Земля отцов. № 6.
Л. ПОХОСОЕВ. За высокую идейность литературы. № 6.

В МИРЕ ИНТЕРЕСНОГО

- Г. ГУРЛЕН. Есть ли вулканы на Бай-? № 3.
П. ЦОЛЧИНКО. Была ли катастрофа? № 1.
П. ХОТНИК. Планета Океан. Стра-Дельфилия. №№ 1, 2.

- В. ЗАПЦЕВ. Боги приходят из космоса. №№ 5, 6.
Ф. ЗИГЕЛЬ. «Летающие тарелки» — миф или реальность? № 4.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- О. ВОРОНОВА. Сто верст по жизни. № 4.
Р. ШЕРХУНАЕВ. Разбичий-гасэрчин. № 5.
Н. ЭЙДЕЛЬМАН. Селенгинск—Лондон. № 4.

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

- С. БАЛДАНОВ. Точность художественной детали. № 1.
В. БИЛЬДУШКИНОВ. Акт самой высокой дружбы. № 1.
М. СТЕПАНОВ. С разных позиций. № 1.
Ч. ЦЫДЕНДАМБАЕВ. Скромные люди подвига. № 4.
С. ЧАГДУРОВ. Спорить по существу! № 3.
Д. ШАГДАРОВ. Точность и красота слова. № 4.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

- Д. ДИНХОВОН. Первый багша из народа. № 4.
А. ЭЛИАСОВ. Наш старший брат. № 1.

ИСКУССТВО

- П. МУРАТОВ. Юбилей ветеранов. № 1.
А. ПОЛИТОВ. Художник из Хиаганы. № 3.
А. РАЙСКАЯ. Борющийся Вьетнам. № 3.

НАУКА И ЖИЗНЬ

- Д. ЛУБСАНОВ. Новые времена — новые традиции. № 2.
Г. ХИЛТУХИН. Наша сила — в дружбе и братстве. № 1.

СИБИРЬ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

- Г. УИНСТОН. Вот что это значит для негра. № 3.

САТИРА И ЮМОР

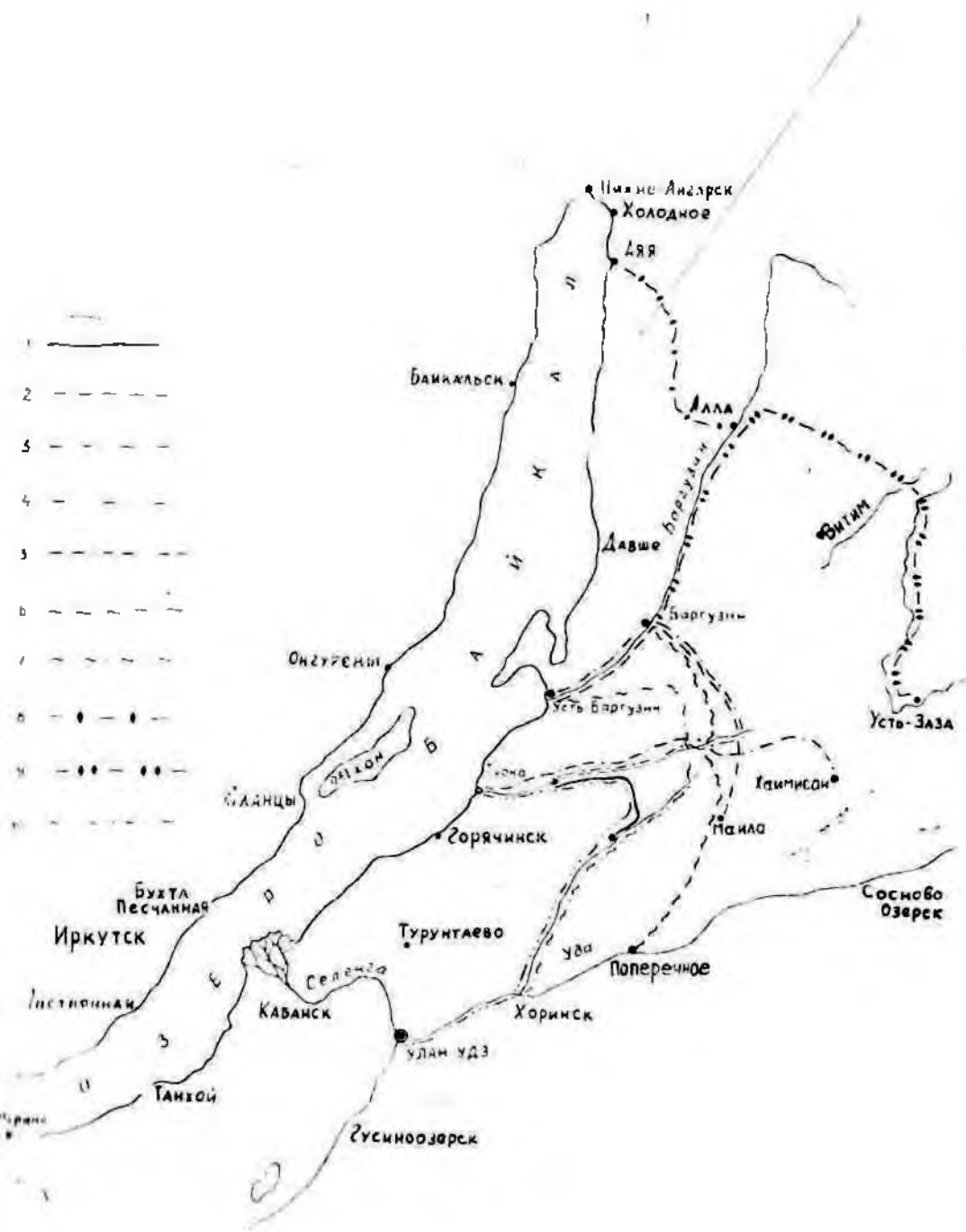
- А. ЧАЛКОВСКИЙ. Баня под шефством. № 1.
А. ЦИТОВ. Именины. № 1.

ОРЛЕНОК

- М. ЖИГЖИТОВ. Хозяин Медведь-озера. № 4.
Ю. КАЛЕЩАК. Чистая черная парта. № 1.

НОВЫЕ ИМЕНА

- Н. ЗАКУСИН. Стихи. № 5.
В. ЛОРГОКТОЕВ. Стихи. № 6.

Маршруты пешеходных, лыжных и водных путешествий по Прибайкалью и Забайкалью

Маршруты 3-й категории сложности

Пос. Тухурюкта — р. Тухурюкта — р. Атархон — через продолжительность в днях хребет Улан-Бургасы — р. Ара-Хурхак до р. Турка, далее сплав по реке Турка до пос. Золотой Ключ.	250 км.	12—14
Гор. Усть-Баргузин — р. Баргузин — г. Баргузин — р. Ям- буй — через хребет Улан-Бургасы — р. Улан-Бургогота — че- рез Бурухульский гольц — через Хомские гольцы — р. Ниж. Майла — пос. Майла.	310 км.	16—18
Гор. Усть-Баргузин — р. Баргузин — г. Баргузин — р. Ям- буй — далее сплав по реке Турка до пос. Золотой Ключ.	300 км.	16—18
Гор. Улан-Удэ — пос. М. Курба — р. Б. Курба — р. Улан- Борготка — пер. через хребет Улан-Бургасы — выс. Дабан- Бурга (1836 м) — р. Турка — пос. Золотой Ключ — гор. Турка.	320 км.	16—18

Маршруты 4-й категории сложности

Пос. Хаймисан — пос. Далаан — пос. Тулдун — р. Тул- дун — р. Заза — оз. Похони — р. Тага — лев. Она — выс. 1842 — р. Золхун — р. Турка — пос. Турка.	400 км.	20—22
Пос. Баргузин — пос. Читкан — р. Читкан — р. Ямбуй — р. Турка — р. Золхун — р. Прав. Она — р. Она — выс. 1501 — р. Хара-Шибирь — пос. Поперечное.	320 км.	16—18
Гор. Усть-Баргузин — р. Бол. Гусиха — выс. 1513 — р. Го- лоида — р. Турка — р. Ара-Хурхак — выс. 2049, выс. 1824 — р. Уракта — р. Сухoley — пос. Тэгда — р. Курба — пос. Петро- павловка.	350 км.	18—20
Пос. Ая — оз. Фролиха — р. Лев. Фролиха — оз. Укоинда — р. Тампуда — пер. через хребет в долину р. Алла — вдоль ре- ки Алла до пос. Алла.	260 км.	16—18

Маршруты 5-й категории сложности

Пос. Михайловка — пос. Усть-Заза — р. Витим — р. Кыл- жимит — р. Аланджак — р. Муясын — р. Стати — выс. 2276 м — выс. 2573 м — р. Аргада — Гаргинский источник — пос. Баргузин.	320 км.	16—18
Ст. Слюдянка — р. Слюдянка — метеорологическая ста- ция — пер. Чертовы Ворота — р. Утулик — р. Субутуй — р. Ха- рылхата — р. Снежная — р. Байри — пер. Байри — пер. Нукеп- Дабан — пер. Лангутаиские ворота — ст. Мурино.	320 км.	16—18

А. Мунгалов. «Друзья» (линогравюра).

На первой странице обложки: О. Ковалевский. «Атцка»